

Академик
Константин Иванович
Скрябин

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

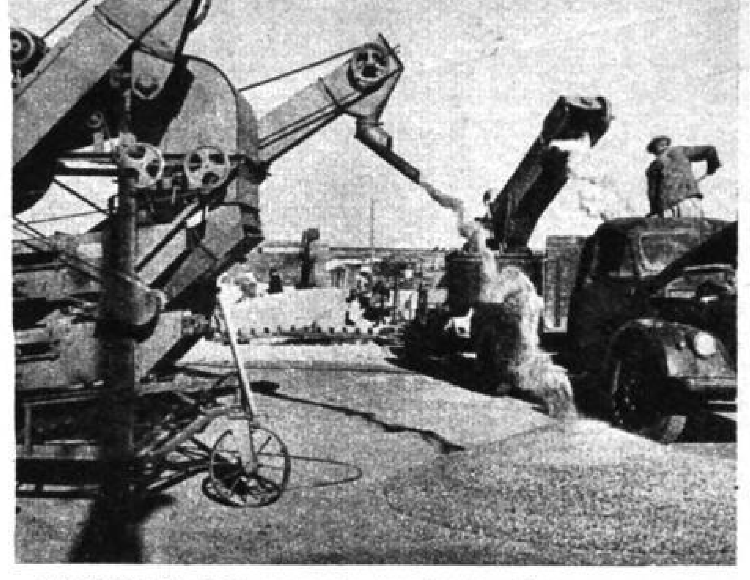
ОГОНЁК

№ 39 (1840)
23 СЕНТЯБРЯ 1962
40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Обработка литья на Люблинском литейно-механическом заводе.
Фото А. УСТИНОВА.

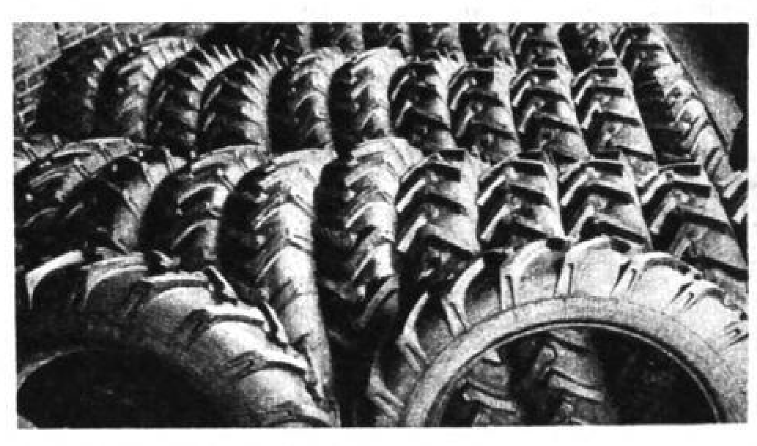
Copyrighted material

ИДЕТ ХЛЕБ! День за днем рапортуют области и края о выполнении и перевыполнении плана.

На снимке: в первом отделении совхоза «Чебеньковский», Оренбургской области, очищают и грузят семенное зерно.

Фото Б. Вдовенко.

ОБУВЬ — АВТОМОБИЛЯМ

«Коллективы Ярославского ордена Ленина шинного завода, Ярославского завода химического машиностроения, строительного треста «Спецпромстрой» Ярославского совнархоза и Ярославского филиала института «Резинопроект» проявили замечательную патриотическую инициативу, выступив с предложением организовать социалистическое соревнование за перевыполнение плана производства шин, улучшение их качества и досрочное выполнение установленных заданий по организации производства автомобильных шин новых конструкций типа «РС» и «Р». Так говорится в Постановлении ЦК КПСС от 11 сентября 1962 года.

Центральный Комитет высоко оценил почин ярославских шинников, машиностроителей, проектировщиков.

Ярославцы в нынешнем году решили сверх плана изготовить 20 тысяч шин из сэкономленных сырья и материалов, обязались повысить гарантийный километраж пробега выпускаемых заводом шин.

На снимке: автопокрышки для нового мощного трактора «Кировец-125».

Фото А. Пахомова.

ОДИННАДЦАТЬ РЕКОРДОВ «МИ-6». Жизнь каждого из этих летчиков одного экипажа «МИ-6» богата событиями.

Василий Колошенко облетал всю Арктику. Недалеко от Южного полюса сажал свой вертолет на перевернутые айсберги, летал под жгучими лучами солнца и в тропический ливень. «О,— говорили мне индийцы в Гималаях,— мы видим Колошенко днем у самого солнца, а ночью среди звезд у самого месяца! Мы думаем, что он не раз видел бога...»

...В сорок первом году Рафаил Капрэлян, разрегулировав моторы своего самолета, для того чтобы гул их походил на звук немецких машин, летал через линию фронта. Снижался, зажигал все бортовые огни и вел разведку в глубоком тылу врага.

...Много лет Борис Галицкий испытывал новые советские самолеты. На его груди — звезда Героя Советского Союза и нагрудный знак № 1 заслуженного летчика-испытателя СССР. Галицкий не раз был лидером воздушных парадов в небе Москвы.

В сентябрьские дни серийные вертолеты «МИ-6» с новыми лопастями установили одиннадцать мировых рекордов. Три командира «МИ-6» доказали, что советские вертолеты обладают невиданной ранее грузоподъемностью, крейсерской скоростью и дальностью полета с большим грузом на борту.

К. РАСПЕВИН
Фото автора.

ГОСТЬ ИЗ АВСТРИИ В КРЕМЛЕ

17 сентября Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев принял в Кремле вице-канцлера Австрии Бруно Питтермана.

Н. С. Хрущев имел с Б. Питтерманом продолжительную дружественную беседу.

Фото А. Устинова.

МИР ИЗУЧАЕТ РУССКИЙ

Их 76. Разные люди. Начиная от почтенного, седоголового профессора из Вены и кончая двумя смешливыми голландскими студентками—будущими славистами. Но общее, что их объединяет,— это уважение и интерес к русскому языку, русской культуре, желание сделать русский язык доступным тысячам людей в Японии и Швеции, в Бельгии и США, во Франции и Австралии.

Из 15 стран приехали они в Москву, на II Международный семинар преподавателей русского языка, чтобы встретиться и побеседовать с советскими коллегами о методике обучения русскому языку и, наконец, для того, чтобы целый месяц говорить по-русски. Говорить, слушать, писать.

...Специальный комитет, созданный английским правительством, опубликовал недавно доклад, в котором говорится: «Необходимо быстро создать благоприятные условия для преподавания русского языка в Англии». Комитет отмечает, что число школ, где преподается русский, значительно возросло после запуска первого советского спутника, «который приковал внимание к научному и техническому прогрессу в Советском Союзе».

— Да, за последние годы русский язык завоевал у нас, в Англии, необычайную популярность,— говорит участница семинара Лидия Рид. Эта стройная светловолосая женщина — одна из пяти английских педагогов, приехавших в Москву. Она преподает в лондонском «Сити литерари инститьют».

— Наши вечерние курсы,— рассказывает г-жа Рид,— посещают профессора университета, преподаватели и переводчики, студенты, школьники. Их интересует жизнь в Советском Союзе, современная советская литература и, конечно, новинки науки и техники.

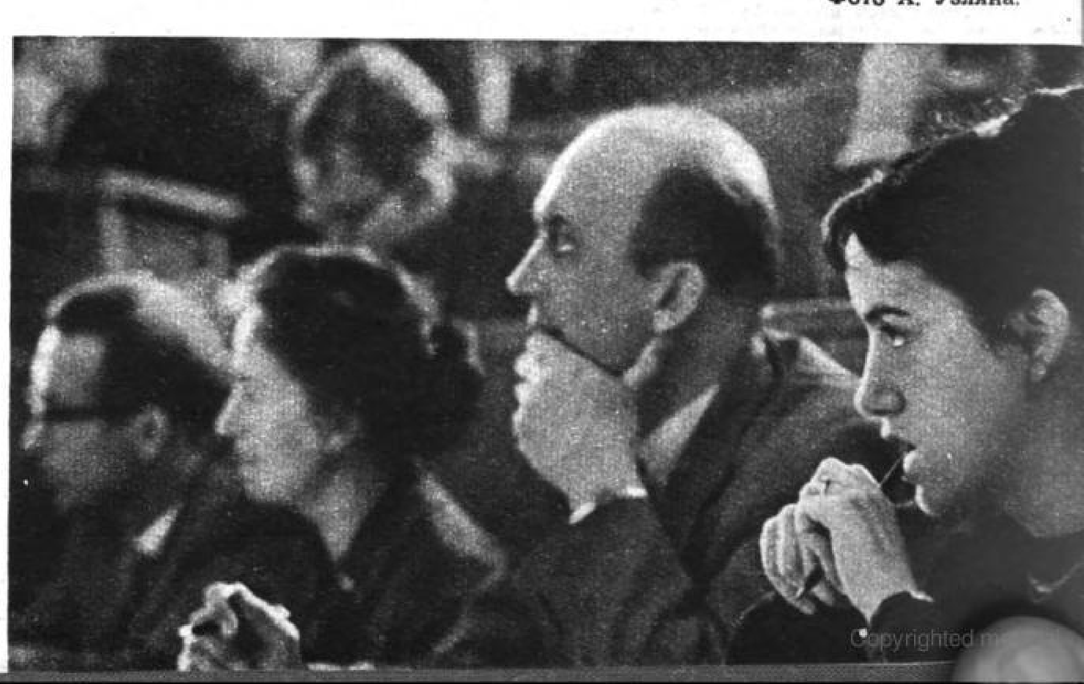
...Круглолицый человек в очках представляется:

— Джерард Эдвардович Сулливан.

М-р Сулливан преподает русский язык в Дейтонском университете, штат Огайо.

Идут занятия. Слушатели — участники II Международного семинара преподавателей русского языка.

Фото А. Узляна.

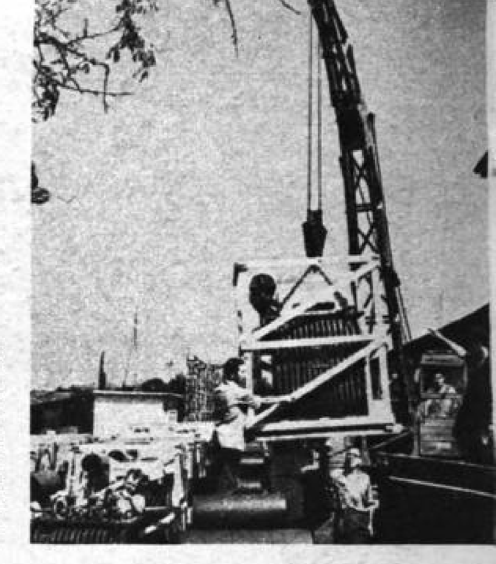
КУБА ОСТАНЕТСЯ СВОБОДНОЙ!
Фотомонтаж А. Житомирского.

ПО БЕЛУ СВЕТУ

Фото Адшерпресс и ЮПИ.

РУМЫНИЯ

Бухарестский завод «Электротехника» изготовил партию новых трансформаторов. Не так давно завод был небольшой ремонтной мастерской. Теперь здесь производят оборудование для электростанций и лабораторий, различные медицинские приборы. Марку бухарестского предприятия знают не только в Румынии, но и за ее пределами.

АНГЛИЯ

Ежегодно в определенные дни в городе Блэкпуле одна из главных улиц расцвечивается огнем иллюминации. В этом году жители Блэкпула увидели, что в их традиционном празднике «принимают участие» советские космонавты. На снимке — изображения советских космонавтов, установленные на улице.

— Много у вас студентов, занимающихся русским языком?

— В нашем университете — двести человек. Точнее говоря, столько было в прошлом учебном году. А сколько в этом, я не знаю,— он уже начался. Но думаю, что еще больше. Люди хотят изучать язык вашей страны — ведь это шаг к дружбе.

Датчанин Аллан Енсен по профессии не филолог, а... провизор. Что же привело его на международный семинар преподавателей русского языка?

— Видите ли,— объясняет он,— у нас, в Ольборгском отделении общества «Дания — СССР», многие хотят знать русский. А преподавателя нет. Ну, я, как председатель отделения, решил сам изучить ваш язык и начал вести кружок при местной школе. Сейчас в нем восемнадцать человек. Самому младшему пятнадцать, старшему — семьдесят два года.

— Полезен ли был для вас семинар?

— Боже мой, конечно! — восклицает Аллан Енсен.— Как дождь на сухую землю. Ведь я поправляю ошибки моих учеников, а здесь не только поправляют мои, но и рассказывают, как работать. Замечательно!

Высокий, широкоплечий Хюго Бенуа несколько лет назад защитил в Брюссельском университете диссертацию на тему "Экономические и социальные предпосылки крестьянской войны под руководством Болотникова".

Сегодня ученого волнуют проблемы не истории, а лингвистики. Бенуа — доцент Антверпенского института переводчиков.

— Не приходится беспокоиться, что останешься без работы,— смеется он.— Спрос на преподавателей русского языка очень велик.

Да, такое уж теперь время: мир изучает русский!

Г. ГУРКОВ

ПРАЗДНИК МУЗЫКИ В ЭДИНБУРГЕ

Дмитрий ШОСТАКОВИЧ

Несколько дней назад я вернулся из Великобритании. Более трех недель продолжались там музыкальные торжества. Прекрасные артистические силы собрал традиционный международный фестиваль в Эдинбурге. Сюда приехали коллективы и музыканты из многих стран. Программа фестиваля была очень интересной и разнообразной. Все дни — буквально с утра до вечера — звучала музыка. Наряду с музыкальными событиями фестивальная программа содержала также выступления драматических театров, художественные выставки, демонстрацию кинофильмов и творческие дискуссии, в которых принимала участие и публика.

Естественно, что мои впечатления связаны главным образом с музыкой. Многое запомнится надолго. Уже в день открытия замечательным художественным достижением стало исполнение Лондонским симфоническим оркестром под управлением Лорина Маазеля и фестивальным хором из города Лидса «Торжественной мессы» Бетховена. Среди солистов была и Галина Вишневская, выступления которой стали подлинным украшением эдинбургского праздника.

Вообще не будет преувеличением сказать, что концерты с участием советских артистов оказались в центре внимания тысяч любителей музыки, собравшихся в Эдинбурге. Горячие аплодисменты не раз выпадали на долю Давида Ойстраха, которого хорошо знают и любят в Англии. Превосходным его партнером в сонатном вечере был Лев Оборин. От маститых мастеров не отставала и молодежь. Быстро нашел общий язык с английскими музыкантами Геннадий Рождественский, продирижировавший несколько сложных программ. Блестяще утвердил свою растущую репутацию и квартет Бородина в составе Р. Дубинского, Я. Александрова, Д. Шебалина и В. Берлинского. И наконец, бурю восторгов, как всегда, вызвал неутомимый Мстислав Ростропович, еще раз доказавший, что он является не только одним из лучших виолончелистов современности, но и отличным пианистом. Концерт, в котором он аккомпанировал Галине Вишневской, стал одним из самых ярких событий фестиваля. Все это не только мое мнение: в оценке наших выступлений английская критика и публика были единодушны.

Меня, как автора, очень порадовал своим искусством английский квартет Аллегри, сыгравший мои Первый, Второй и Пятый квартеты. Значительный вклад в «русскую часть» фестиваля внес Белградский оперный театр. Он познакомил английских слушателей с двумя операми Прокофьева: «Любовь к трем апельсинам» и «Игрок»,— а также показал «Князя Игоря» и «Хованщину».

Я услышал в Эдинбурге много хорошей музыки. Как всегда, настоящую радость принесли произведения крупного английского композитора Бенджамина Бриттена, творчество которого я высоко ценю. К сожалению, сам композитор не смог из-за болезни принять участие в фестивале. Я с удовольствием повидался с ним в Лондоне, и, думаю, все мы будем рады приветствовать его в Москве на предстоящем фестивале английской музыки.

Мне приятно, что на Эдинбургском фестивале прозвучало немало моих произведений. И я пользуюсь случаем, чтобы выразить искреннюю благодарность организаторам фестиваля, исполнителям и слушателям за теплое внимание ко мне и моему творчеству.

Д. Д. Шостакович с шотландскими музыкантами.

У РЕБЯТ— НОВЫЕ ДРУЗЬЯ

Московский театр юного зрителя сделал новый подарок детям. Он рассказал им о маленьких кубинских героях. Спектакль, поставленный по пьесе Василия Чичкова режиссером А. Л. Шапсом, называется «Мальчишки из Гаваны».

Журналист Василий Чичков, одним из первых советских людей

Сцена из спектакля.

Фото Ю. Кривоносова.

Copyrighted material

ИНДИЯ

Женщины и дети приняли участие в демонстрации против ядерного оружия, которая прошла по улицам Дели. Миролюбивые силы во всем мире требуют разоружения, выступают за то, чтобы атомная бомба перестала угрожать человечеству.

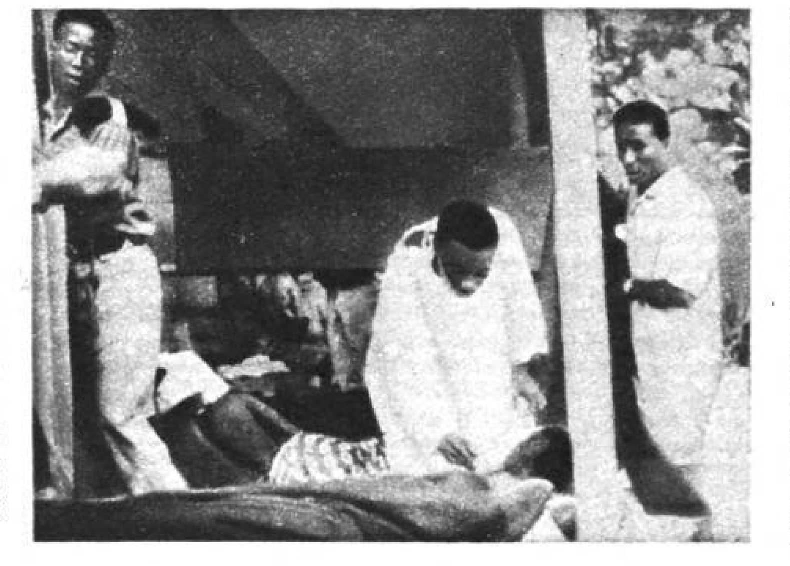
ФРАНЦИЯ

В юго-западной части страны — засуха. Здесь уже три месяца не было дождя. Воду приходится ежедневно развозить в цистернах.

ЮЖНАЯ КОРЕЯ

Наводнение, которое произошло после сильных дождей в Южной Корее, разрушило три тысячи домов. Стихийное бедствие принесло новые страдания тысячам людей, условия жизни которых в Южной Корее и без того тяжки.

ГАНА

Над раненым склонился доктор. Человек пострадал от бомбы, брошенной в толпу террористами. Это произошло в Аккре. Люди собрались у канцелярии президента Ганы Кваме Нкрума, чтобы выразить ему поддержку и солидарность. И в это время раздался взрыв, от которого погибла аккрская школьница; несколько человек было ранено. Ганская печать расценила это как преступление, совершенное агентами неоколониализма.

США

С 17 по 24 сентября здесь отмечается «неделя конституции». 175 лет назад, когда этот исторический документ вступил в силу, лучшие люди Америки мечтали о свободном демократическом обществе, которое утвердится на их земле. Но в сегодняшней Америке человеку нелегко воспользоваться правами, записанными в конституции. На снимке, взятом из последнего выпуска Британской энциклопедии, издающейся в США, вы видите одного из американских граждан. Участник «рейса свободы», он оказался под арестом за то, что протестовал против дискриминации негров.

В Соединенных Штатах вольготно чувствуют себя фашистские организации, вроде «общества Джона Берча», а демократически настроенных граждан и борцов за мир преследуют как лиц, занимающихся «подрывной деятельностью». Такова уж американская демократия!

побывавший на революционной Кубе, написал пьесу, волнующую зрителей не только юных. Залог ее успешной постановки в театре — влюбленность автора в Кубу, в ее народ, в ее революцию, в ее юных героев. Эта влюбленность пронизала и творческую работу всего коллектива театра, поставившего спектакль.

Видимо, очень сложно ставить пьесу, написанную на иностранном материале. И я, идя в Театр юного зрителя, боялся компрометирующих спектакль неточностей, боялся увидеть трафаретную Кубу...

Но с первых же сцен убедился, что опасения мои напрасны. Режиссер Шапс, художник В. Талалай, композитор К. Листов создали на сцене атмосферу истинной Кубы. И в этой атмосфере совершенно органично живут герои пьесы, воплощенные талантливыми актерами, среди которых прежде всего, конечно, хочется назвать Л. Князеву — Пепе.

Сразу, как только открывается занавес, устанавливается полный, безраздельный контакт между залом и сценой. Артисты и зрители живут одной жизнью. Каждая опасность, с которой встречаются Пепе и его друзья, вызывает напряженную тишину. И каждая победа — бурю восторгов, криков, смеха и аплодисментов.

Хороший подарок получили дети. Среди их друзей появились новые — с далекого и такого близкого сердцу острова, где мальчишки и девчонки помогают взрослым строить жизнь на первой свободной территории Америки.

Генрих БОРОВИК

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ ПОГОДИН

Умер Николай Федорович Погодин. Уже знали, что тяжело заболел, что жизнь в опасности, но верилось, что осилит, справится, останется еще на земле — жить, работать, спорить, драться! Было в нем, как в художнике и в человеке, какое-то такое свойство, что особенно трудно представить его себе тихим, навек замолчавшим, сложившим руки на груди.

Это был мастер сильного и смелого таланта. Человек, всю жизнь работавший много и страстно, смело искавший, не унывавший при неудачах, зло и весело засучивавший рукава для драки с живучими остатками старого мира, с мещанством, с эгоизмом, с унылыми схемами ханжей и монахов от литературной критики.

Погодин создал трилогию о Ленине — произведение, полное революционной страстности и большой человечности. Погодин в тридцатые годы написал пьесы, которые навсегда останутся в нашей драматургии памятником тому лучшему, самому высокому и чистому, что связано в нашем сознании с трудной, великой эпохой индустриализации страны.

О многих писателях часто говорят, что они пришли в литературу из журналистики. Хотя это, в общем, так было и с Погодиным, но именно о нем хочется сказать как-то по-другому: он не пришел в литературу из журналистики, хотя начинал как журналист. Он не пришел, потому что до последнего дня своей жизни оставался блистательным журналистом, любившим и умевшим писать в любом газетном жанре.

Мне несколько лет посчастливилось работать с Погодиным бок о бок в газете, уже в его немолодые годы, и я вспоминаю, как он любил редакционную суету и запах краски на только что отпечатанном листе газеты, на котором он, нося глазами и приблизив к самому листу свои больные глаза, еще раз бегая по строчкам, перечитывал свою только что напечатанную статью. Как настоящий журналист, он радовался тому, что всего за несколько часов мысли и страсти, владевшие им за письменным столом, стали делом, поступком, стали словами, которые через несколько часов прочтут люди.

Погодин стал крупнейшим советским драматургом, оставаясь при этом газетчиком, журналистом и превосходно чувствуя себя в обеих этих беспокойных человеческих должностях.

Погодин был необыкновенно широко и щедро талантлив, и талант его всегда оставался по-молодому угловатым и резким. Этот талант не сглаживал острых углов, не боялся неожиданностей, наоборот, любил их. Погодин любил удивлять и любил будоражить мысли читателей и зрителей, он не умел и не хотел придерживать себя в своих резкостях, в своих ударах по человеческой пошлости, себялюбию, скудоумию. Он был понастоящему добрым человеком, потому что добрый человек тем и отличается от «добренького», что, умея любить добро, он умеет ненавидеть зло.

От нас ушел очень большой художник. Со стройки коммунизма безвременно, не завершив своего труда, ушел замечательный русский мастеровой человек, который в самые разные, в том числе и в самые трудные времена сумел сделать так много хорошего, что над этим стоит задуматься тем, кто теперь принимает от него смену.

Константин СИМОНОВ

Copyrighted material

Очищаю

Когда сидишь и разговариваешь с человеком, помнящим народовольцев, ходившим на первые спектакли МХАТа, читавшим только что увидевшие свет книги Чехова и молодого Горького, то возникает такое чувство, будто то далекое и уже ставшее историей здесь, рядом... И в самом деле, оно рядом, в этом человеке — Константине Ивановиче Скрябине. Для него это была пора, озаренная светом молодости, пора юношеских порывов и мечтаний. Пора, когда определилось призвание...

Что определяет призвание? Прежде всего, наверное, любовь к тому, что становится делом всей жизни. И, конечно, книги... Умные, добрые советчики и друзья. У юного Скрябина было множество таких друзей. Среди них самые близкие—книги по биологии. Они-то и подсказали выбор жизненного пути. Но сразу же препятствие. В университет принимаются без экзамена только окончившие гимназию, а Скрябин окончил реальное училище. Значит, надо подготовить те предметы, которые изучали гимназисты. Латынь в гимназии учили восемь лет, греческий — пять. Скрябин прошел их за год.

Однако, когда он вновь пришел в министерство просвещения, там у него состоялся такой разговор.

— Вам, как окончившему реальное училище, разрешается сдавать не во все, а в определенные университеты. Ну, скажем, в Варшавский.

— Я готов хоть сейчас туда ехать...

— Не горячитесь, молодой человек, в Варшавский университет экзамены надо сдавать при местном учебном округе.

— Я готов...

— Вы, быть может, и готовы, но экзамены там уже закончились,— заключил чиновник.

Скрябин возвращается из Петербурга в Красноярск, где жили родные. Учительствует в воскресной школе, а весной 1900 года поступает в Юрьевский (ныне Тартуский) ветеринарный институт. Одновременно он становится вольнослушателем местного университета. Рассказывая о тех годах, Константин Иванович замечает, что такое сочетание во многом обеспечило последующие успехи. Институт дал хорошую специальную подготовку, а университет добавил к ней широту знаний. И вот с таким солидным багажом будущий ученый отправился к месту первого своего назначения — в Среднюю Азию.

О том, что ему придется работать в глухих местах, где свирепствуют болезни, он знал, но то, что увидел... Об этом книги рассказывали скупо. Люди, животные, растения — все живое здесь постоянно подвергалось нападениям коварного и жестокого врага. И молодой ветеринарный врач сразу же начинает изучать повадки врага, он ищет и находит его там, где раньше искать даже не пытались. В центральных журналах одна за другой появляются присланные из далекого Туркестана статьи никому не известного автора с описанием неведомых ранее болезней человека, животных и растений. И все они вызывались существами, мир которых был еще очень мало изучен. А через шесть лет ветеринарный врач Скрябин привез в Петербург целую коллекцию этих паразитических существ, носивших название гельминтов. Он рассчитывал на то, что здесь, в центре научной мысли, найдутся специалисты, которые помогут ему в расшифровке и обобщении накопленных данных. Но оказалось, что ни одного специалиста по гельминтологии в России нет.

Что же такое гельминтология?

Когда в начале прошлого века немецкий ученый Карл Рудольф начал изучение гельминтов, никто не придавал большого значения его исследованиям. Да и после опубликования им ряда работ гельминтами продолжали заниматься как бы между прочим специалисты-зоологи. В России это был профессор зоологии и сравнительной анатомии Военно-медицинской академии Николай Александрович Холодковский. Возможно, одной из причин такого «невнимания» к гельминтам являлось то, что ученые не представляли всей их опасности. Зато ветеринарный врач Скрябин именно это-то и знал очень хорошо. Его работы поведали о многообразии мира гельминтов, об их проникновении во все живое, об их громадном вреде. «Гельминты» в переводе с греческого — значит «черви».

После работ Скрябина нельзя было уже ограничиваться изучением гельминтов от случая к случаю в рамках какой-то другой науки. Они положили начало возникновению новой, самостоятельной гельминтологии, которую академик Скрябин определяет как науку, изучающую «мир внутренних паразитов человека, животных и растений, обитающих на нашей планете, и то многообразие заболеваний, которому они причина».

Наука покидает колыбель

Коллекция гельминтов, привезенная Скрябиным, привлекла внимание. Заинтересовались ветеринары, неторопливо знакомились со среднеазиатскими «гостями» медики.

И все же к 1917 году Скрябин оставался единственным специалистом-гельминтологом в России. Возможно, их было бы больше, но их негде было готовить. А Скрябин отнюдь не был «скупым рыцарем» своей науки. Хотя он и считал ее своей, но с нетерпением ждал того времени, когда так же ее смогут назвать сотни, тысячи, как и он, влюбленных в нее энтузиастов. Потому-то он, не раздумывая ни минуты, и принял предложение приехать в Новочеркасск с тем, чтобы стать первым профессором первой кафедры паразитологии с гельминтологическим уклоном в Донском ветеринарном институте.

Время не способствовало научным исследованиям. Фронт перерезал страну. Но и в этих трудных условиях Скрябин не прекращает работы. Именно тогда он организовывает первую гельминтологическую экспедицию. Пока она охватывает небольшой район, да и средства, которые удалось раздобыть на ее нужды, были незначительны. Сохранилась запись заседания ученого совета института, в ней говорится: «Выдать профессору Скрябину 50 руб.».

Все это было как бы подготовкой к тому, что будет сделано в последующие годы.

Советская власть пришла и в Новочеркасск. Перед Скрябиным она предстала в лице Анатолия Васильевича Луначарского. Он живо заинтересовался всем, что удалось уже сделать ученому. А спустя немного дней специально выделенная в распоряжение профессора Скрябина теплушка увозила его с семьей, ближайших сотрудников и собранный ими богатейший материал в Москву.

О тех годах Константин Ивано-

Миниатюры

Александр РЕШЕТОВ

* * *

Ласточенок до срока покинул гнездо
И не вверх полетел, а вниз.
А внизу на траве
Кот крутил хвостом,
Пес от скуки полено грыз.

И последним бы стал
Этот первый полет,
Но раздался окрик старухи,
И не тронулись с места
Ни пес,
Ни кот:
Всё успели добрые руки.

Возвращенный в гнездо
Вновь не падал в траву,
Рос птенец, набирался сил.
А когда полетел,—
Полетел в синеву,
Желторот,
Белогруд,
Чернокрыл.

Ах, как ласточки любят в июле летать,
Как свобода их хороша!
Ничего, что старухе никак не узнать
В стае
Бывшего глупыша.

У старухи есть правнуки,—
Много ей лет.
Вот, склоненная к грядкам своим,
Урожая с них ждет,
Верит в белый свет
И не верит в разлуку с ним.

Игорь ГРУДЕВ

БОРЦУ

В сплошных боях прошли года твои.
Враг бил в тебя, тебе казалось, мимо.
Теперь же сердце — что подушечка швеи,
Исколотая иглами стальными.

ВЕЛИКОЕ

Для светлой жизни над землей встает,
В предмете каждом солнце жить стремится:
Займет оно зарею небосвод
И все в росинке может уместиться.

Copyrighted material

Г. ТАБАЧНИК

ЩИЙ ЗЕМЛЮ

вич рассказывал: «Колесо московской жизни завертелось, темпы усиливались, нагрузка возрастала. В то же время силы были богатырские, настроение блестящее, вера в свое дело непоколебимая, любовь к своей специальности безграничная. Да иначе и быть не могло: 8 декабря 1920 года мне «стукнуло» всего лишь 42 года!»

Колесо завертелось... Константин Иванович с головой уходит в чтение лекций, в организацию научных учреждений. Основывает кафедру паразитологии в Московском ветеринарном институте, гельминтологическое отделение в Центральном тропическом институте, паразитологическую лабораторию в университете, комиссию по изучению гельминтофауны СССР, превратившуюся позднее во Всесоюзное гельминтологическое общество, и, наконец, гельминтологический отдел в Институте экспериментальной ветеринарии, ставший ныне Всесоюзным институтом гельминтологии, носящим его имя.

С его помощью возникли центры гельминтологической науки в союзных республиках.

Наука, возглавляемая Скрябиным, выходит из лабораторий на поля, в больницы, в ветеринарные лечебницы. Его имя становится широко известным и у нас и за рубежом. Американские гельминтологи избирают его членом своего общества, английские ученые — членом-корреспондентом Зоологического общества, он становится членом Постоянной комиссии интернациональных ветеринарных конгрессов в Париже, членом научных обществ Бельгии, Индии, Польши, академиком Болгарии, Чехословакии, Германской Демократической Республики, Венгрии, Югославии, Польши, Франции.

И все годы ни на минуту ученый не прекращает поиск гельминтов.

Сейчас их уже более пятисот, найденных Скрябиным. Им проведено 35 экспедиций, а сколько мест исследовано его учениками!

Когда Константин Иванович начинал работу, гельминтологическая карта представляла белое пятно, на котором редкими точками были обозначены открытые острови — всего несколько десятков видов гельминтов.

Ныне на ней почти нет белых пятен. Теперь науке известно свыше 12 тысяч видов червей-паразитов, живущих за счет человека, животных, растений.

Мир без гельминтов

Могут спросить: что же, ученые все эти годы вели лишь разведку и только сейчас собираются приступить к войне с гельминтами?

Нет. Ученые не ждали окончательного выяснения сил противника. Война гельминтам была объявлена давно. Но только после того, как в 1925 году К. И. Скрябиным был разработан новый принцип дегельминтации, то есть не просто лечения, а уничтожения носителей болезней, началось настоящее большое наступление на обнаруженного противника. Оно повелось на всех фронтах.

В медицине. В повестку дня была поставлена ликвидация свирепствовавшей в Средней Азии ришты. Болезнь заключалась в том, что под кожей человека поселялись огромные, достигавшие в длину до двух метров черви. Причем, не один, а несколько. У некоторых их число достигало десяти и даже больше. Человек ходил как бы разрисованный причудливым орнаментом, вызывавшим, если до него дотронуться, острую боль. Нельзя сказать, что с риштой не боролись. Занимались этим в основном цирюльники на базарных площадях. В течение нескольких дней они буквально по миллиметрам извлекали ришту из-под кожи, наматывая ее на специальные палочки. Но болезнь продолжала свирепствовать.

Еще в конце XIX века наукой было установлено, что источник болезни — плохое санитарное состояние водоемов. Там обитают мелкие рачки — циклопы, а в их телах гнездятся мириады личинок ришты. Только при Советской власти, когда гельминтология превратилась в современную научную дисциплину и когда появились специалисты нового профиля — врачи-гельминтологи,— ришта была побеждена. Честь этой победы принадлежит профессору Л. М. Исаеву.

В 1932 году в Советском Союзе зарегистрировано последнее заболевание риштой.

Это только один пример, а их можно привести немало. Достаточно сказать, что предложенный Константином Ивановичем Скрябиным метод полных вскрытий позволил именно в гельминтах распознать истинных возбудителей ряда внутренних, психических и даже глазных болезней. Благодаря этому стало эффектней их лечение.

В ветеринарии исследования, проведенные академиком Скрябиным в этом направлении, охватили огромное количество животных: от северного оленя до каракумского суслика, от форели озера Севан до рыб Охотского моря. Им открыты возбудители неизвестных болезней у овец и уток, коров, баранов, коз, свиней, верблюдов и северных оленей.

И это, пожалуй, было главным, что обеспечило успешную борьбу с гельминтами.

В сельском хозяйстве. Уже одно — опыты с сахарной свеклой, давшие возможность установить, что гельминты снижают на 20 процентов ее урожай и на 9—10 процентов содержание сахара,— говорит о том, сколь важны гельминтологические работы и в этой области.

И вот, когда удалось накопить опыт по борьбе с вызываемыми гельминтами болезнями, академик Скрябин пришел к выводу, что можно вообще истребить всех червей-паразитов.

— Это не утопия.— Константин Иванович берет в руки карандаш.— Наши расчеты показывают, что уже к восьмидесятому году нам удастся избавиться от самых вредных паразитов.

— Какие же самые вредные? — спрашиваю я.

— Прежде всего те, которые вызывают серьезные заболевания у человека, а также те, чья деятельность наносит сейчас значительный ущерб. Например, далеко не полностью использовав уже имеющиеся средства, удалось сберечь в прошлом году двести тысяч тонн мяса.

— К восьмидесятому году уничтожат самых вредных паразитов, а когда наступит очередь остальных?

— Знаете, я бы всех записал в «первоочередные». Однако пока этого сделать нельзя. Но я твердо уверен, что человечество избавится от гельминтов. Быть может, это будет даже раньше, чем мы предполагаем.

— А какое будущее ожидает ученых-гельминтологов?

Константин Иванович смеется. Бегут от глаз лучики морщинок, теряясь где-то в пушистых снежных усах и бороде. Его ответ краток и неожидан:

— Безработица!..

Станислав СЕРИКОВ

АМОРФНАЯ

В ведре уляжется покорно,
Но дайте ей малейший ход —
Мгновенно переменит форму
И вся по капле утечет.

* * *

Чтоб развернуться вешней красоте,
Сердечко почки гибнет от разрыва...
Но посмотрите-ка потом: в листе
Всегда черты большого сердца живы.

* * *

На ветках цвет напоминает о зиме,
О лете — завязь солнечного сада.
А в светлой лепестковой кутерьме
Есть что-то грустное от листопада.

Давно в помине нет «камчаток»,
И время делает свое —
Накладывает отпечаток
На человечье бытие;

Уже парнишка круглолицый
В моря небесные влюблен,
Не просто в летчики стремится,
А в космонавты метит он.

Во всем видны свои приметы.
И я, шагая вдоль межи,
С многоступенчатой ракетой
Сравнил созревший колос ржи.

Липецк.

СЕРДЕЧНОЕ СЛОВО

Владимир ЛЕНЦОВ

Голый лед,
скользко!
Исходили мы сколько!

Мы о многом молчим.
Мы ногами стучим.
И идем снова.

И легко нам идти,
потому что в груди
перед тем, как сказать,
перед тем, как отдать,
долго греем каждое слово!

Симферополь.

Copyrighted material

Евгений ВОРОБЬЕВ

Фото Н. АНАСТАСЬЕВА.

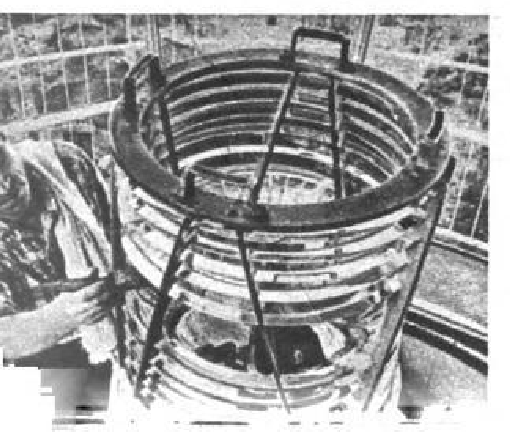
Флаги в гостях

Бригадир грузчиков бригады коммунистического труда Аршак Микаэлян.

Идет выгрузка сахара с парохода «Адмирал Нахимов».

На маяке Василий Кудряшов.

1

Нигде море не пахнет так сильно, как в южном порту.

Запахи водорослей, смолы, подгнивающих свай, мокрых канатов, сохнущих сетей и рыбы, смешавшись все вместе, рождают неистребимый аромат морского простора.

В батумском порту ко всем прочим еще подмешан легкий запах нефти. Может быть, он идет от перламутровой лужицы на спокойной воде у восьмого причала. А может быть, доносится с той стороны гавани, где стоит под наливом исландский танкер «Хамрафел». Обнажена ватерлиния, и борт неестественно высоко, даже уродливо торчит из воды — значит, танкер только что начали загружать. Кто бы мог подумать, что «Хамрафел» повезет мазут: танкер такой чистенький, франтоватый, морской пижон да и только!

Ну, а поздней осенью к причудливому букету запахов прибавятся еще цитрусы. Ящики с мандаринами и лимонами будут выситься штабелями на пристани. Кран ухватит пригоршню ящиков, и в трюме мгновенно скроется урожай сада!

Однако попробуем отвлечься от ароматов и пестрой палитры порта.

Взглянем на прозаические цифры грузооборота, и тогда мы убедимся, что самая энергичная деятельность порта, самые напряженные усилия связаны прежде всего с нефтепродуктами. Они держат отсюда путь во все уголки земного шара: в Финляндию и Японию, во Францию и на Кубу.

Летом солнце спозаранок гасит огни на мачтах и рострах кораблей. И в ту же минуту смотритель тушит маяк на мысе Бурун-Табие. Солнце всходит за отрогами Кавказского хребта, за горой Цискари, что по-грузински значит «рассвет». Новорожденного солнца на маяке не видать, поэтому минуту восхода подсказывает астрономический календарь. На маяке сегодня хозяйничает Василий Иосифович Кудряшов. Мы поднимаемся по узенькой винтовой лестнице. Все медяшки тут надраены до зеркального блеска, а на зеркальных стеклах ни пушинки, ни пылинки. За ночь фонарь накалил стекло, медь и белые стены. Смотритель тушит маяк, бережно протирает горячие стекла прожектора фланелью, замшей или кисточкой из барсучьего волоса, промывает стекла чистым винным спиртом и уходит с ночной вахты.

В ту минуту, когда гаснет маяк и показывается солнце, на всех кораблях, буксирах, на мачте спасательной станции поднимают флаги. По флагам можно установить, сколько сегодня в порту «иностранцев», откуда пожаловали заморские гости.

А у начальника порта Шалвы Самсоновича Симонишвили можно узнать, какие грузы скроются сегодня в трюмах кораблей, а какие выгружаются. На причалах порта, в его пакгаузах можно сегодня найти сахар с Кубы, рис из Бирмы, чай, рубероид, станки, консервы, медикаменты, лесоматериалы, ткани и даже катера на подводных крыльях — они готовы к отправке в Грецию.

В Батуми бывают гости, которых можно назвать старожилами порта. Как хороших знакомых, встречают здесь матросов с финского танкера «Инга». Уже шестой год «Инга» совершает регулярные рейсы между портами Кавказа и Финляндии.

Недавно на море разразился сильный шторм. Вода стала серо-зеленой, почти бурой, и трудно было поверить, что еще недавно она лежала в ленивом голубом покое. Линия морского горизонта, обычно ровная, стала бугристой, зыбкой. Волна с силой ударялась о берег, и ни один камешек не пребывал в покое. Все они шевелились, ворочались, елозили, терлись друг о друга. В движение пришли все камни побережья, вся галька!

И в этом штормовом море, сильно кренясь, выпрямляясь и снова ныряя между волнами, к батумской гавани одна за другой шли турецкие фелюги. Флаги были приспущены до середины мачты — сигнал бедствия, понятный морякам всего мира. Фелюги благополучно достигли гавани и нашли там убежище.

Оказалось, фелюжники из турецкого селения Хопа никак не могли пристать к своему берегу: ветер дул в нос, а слабосильные моторы на фелюгах не могли перебороть штормовой волны.

Турецкий консул в Батуми сообщил в Хопу, что моряки нашли надежное убежище. По законам морского гостеприимства, туркам бесплатно выдавали хлеб, сахар, сигареты, их снабдили горючим и пресной водой. Турки дождались хорошей погоды, поблагодарили батумских портовиков и отправились восвояси.

Шесть фелюг покинули порт, а седьмая, «Нихат Каптаноглы», осталась: барахлил мотор. Лучшие механики порта собрались на консилиум. Никто из них доселе не видел английского мотора «Бурмистр». Ну и древность! Моторист фелюги, пока шел консилиум, демонстративно сидел спиной к мотору и покуривал. Всем своим видом он выражал неверие в то, что мотор воскреснет.

— Давно на пенсию пора! — слышалось с юта, где хлопотали механики.— Вот мотор и хандрит. Какой-то выходец из прошлого века!..

Механики привезли баллон кислорода, заменили какую-то деталь, и вскоре послышалось старческое кряхтенье «Бурмистра». Жив, курилка!

И вот уже портовый буксир «Формовщик» повел фелюгу из гавани на морской простор.

Но разве добрая слава порта измеряется только тем, насколько приветливо встречают моряков? Репутацию портового города поддерживают и те моряки, которые здесь воспитались и выросли. Батумское мореходное училище и порт стали воспитательным домом для многих капитанов дальнего плавания, многоопытных «морских волков». Весь город, омываемый морем, овеваемый влажными ветрами, растит отважное племя мореплавателей. Сколько батумских мальчиков, подростков и юношей связывают свои мечты и жизненные планы с морем!

Повзрослевших, а то и поседевших бывших батумских мальчиков и юношей, питомцев порта и мореходного училища, можно встретить сегодня на всех широтах. Вот недавно возвратился домой из дальних странствий Абесалом Зинайшвили. В батумском порту он служил капитаном буксира, а в Антарктике водил китобойное судно «Добрый». Он сделал девять рейсов к Южному полюсу. Успел поплавать во льдах Антарктики и нынешний капитан батумского порта Халил Пшанава и начальник портового флота Серго Сванидзе. А сколько батумцев работает старшими помощниками капитанов, штурманами, главными механиками, лоцманами в портах!

Copyrighted material

Ветераны-грузчики: Тигран Тумасян, Абкар Петросян, Мурад Акопов и Мовсес Айвазян.

2

Днем и ночью в порту слышится прилежный скрип такелажа. Электропортальные краны разъезжают по причалам, возвещая о своем передвижении неумолчными звонками. Эти краны принимают на свои железные плечи самые большие тяжести. Много других механизмов — краны, погрузчики, лебедки, автокраны — трудится в порту.

Менее всего зрима работа в наливной гавани, этот участок самый тихий и зеленый в порту. И как только здесь умудрились прижиться и разрастись акации, откуда рощица взяла такую зеленую силу! То ли ветер, то ли птицы занесли семена на каменный клочок суши, едва присыпанный наносной землей. Когда цветет акация, ее пряный запах смело спорит с нефтью.

Могучие трубы скрыты под настилом мола. Там, где трубы выходят на поверхность земли, видно, как они подрагивают под напором горючего. Налив нефтепродуктов идет под давлением до семи атмосфер, а мощность трубопроводов, питающих танкеры, такова, что они в силах перекачать в час товарный состав из нескольких десятков цистерн!

Танкер «Марлаура», пришедший из Генуи, был загружен за тридцать часов, а портовикам было дано на всю эту операцию семьдесят два часа. Но и танкеры подобного калибра невелики по сравнению с плавучими громадами, которые сейчас перевозят нефтепродукты. Для танкеров-великанов будет оборудована плавучая наливная площадка на открытом рейде, у внешней стенки наливной гавани. Там смогут швартоваться танкеры огромной вместимости. Плавучие бочки, к которым танкеры будут крепиться, уже тяжело покачиваются на воде, а к бочкам тянутся могучие цепи. Не каждому под силу поднять и одно звено такой цепи!

Конечно, сухогрузные суда стоят у причалов намного дольше, чем танкеры, как ни оснащен механизмами порт и как скоро ни работают портовики.

Когда-то в батумском порту работали тысячи мушей — так здесь называли грузчиков. По двенадцать часов в день не снимал муша со спины свой куртан — подобие деревянного горба на лямках. Муша становился сутулым раньше времени, он всегда ходил, слегка наклонив корпус вперед, будто туловище его было навеки обречено противостоять страшной тяжести, лежащей на куртане и оттягивающей назад плечи и жилистую шею. А рубаха его бывала настолько пропитана потом, что на спине крупинками выступала соль.

Некоторые муши отличались недюжинной силой. Пенсионер Багдасар Тер-Маркарян — один из последних могикан, портовых силачей. В свое время он один перенес пианино — нес его на куртане, стянув ремни на груди. Славой силача пользовался и Саак Маркарян: это он единолично разгрузил за день пятьдесят тонн сабзы. Батумские старожилы помнят богатыря Ашота. Он перенес бухту пенькового каната весом в двадцать два пуда с пристани Ротшильда к борту парохода «Святой Бонифаций». Был случай, когда в трюме склеились три шестипудовых мешка с сахаром, никак нельзя было отодрать один мешок от других. Ашот подставил свой куртан под эту тройню, крякнул и пошел по крутым сходням. Что и говорить, сладкая была ноша!..

И вот мы сидим с Аршаком Микаэляном на каких-то ящиках, которыми заставлен сегодня девятый причал, и неторопливо беседуем. Моего нового знакомого можно счесть наследником и потомком батумских мушей. Этот рослый, красивый тридцатитрехлетний человек с массивными, хорошо развернутыми плечами, с руками, налитыми железной силой, тоже грузчик. Аршак Микаэлян — бригадир комплексной бригады портовых рабочих, бригады коммунистического труда.

Аршак Микаэлян не только умеет поднимать тяжести. Он крановщик электропортального крана, машинист погрузчика «4004» и еще двух других погрузчиков, он управляет судовыми лебедками разных типов, водит автокары. Из четырнадцати рабочих его бригады всё это, или почти всё, умеют делать еще шестеро. Двое рабочих в случае надобности садятся за баранку грузовика или трактора. Примерно так же обстоят дела в другой бригаде коммунистического труда, которую возглавляет Климентий Чахвадзе.

Шестнадцатилетний, не по годам сильный и рослый Аршак впервые увидел море и начал работать в порту сразу же после войны. Тогда муши еще носили куртаны на спине. И Аршак Микаэлян тоже впрягся в эти лямки, как все в бригаде, которой руководил Мовсес Арутюнян. Вскоре после того куртаны исчезли из обихода и валялись в портовом пакгаузе, в самом темном его углу. При очередной инвентаризации имущества кто-то распорядился выбросить последние куртаны на свалку. А жаль! Давид Лаврентьевич Дарчия, старожил порта, седоволосый романтик, в котором чувство нового счастливо сочетается с уважением к прошлому, даже всерьез огорчился. Уже сегодня в бригаде Микаэляна в порту работают молодые парни, которые знают о старом муше только понаслышке. Пройдут еще годы, и куртан будут искать среди музейных экспонатов.

С каждым годом повышается процент комплексной механизации в порту, однако не уходит в прошлое и так называемая «плечевая работа». Хорош погрузчик «4004»: он подымает мешок, переносит его, опускает. А все-таки при загрузке товарного вагона есть такие операции, которые не под силу автопогрузчику. Самый верхний, шестой или седьмой, мешок, которому досталось место

Copyrighted material

под крышей вагона, все равно приходится поднимать вручную. Какова бы ни была судовая лебедка, все равно мешок или ящик из какого-нибудь трюмового закутка нужно вытащить вручную и уложить на строп. Потом уже лебедка вытащит наверх связку мешков или ящиков.

— Сколько весит мешок с сахаром-сырцом?

— Сто шестнадцать килограммов.

— И каждому рабочему вашей бригады приходится поднимать такие мешки?

— Каждому.

— Значит, меня в бригаду не взяли бы?

Аршак Микаэлян встал с ящика, взглянул на меня с высоты своего роста и сказал, пряча скептическую улыбку, мягкостью тона смягчая жесткость приговора:

— Не взяли бы...

В Батуми комплексная механизация погрузки-разгрузки составляет семьдесят три процента. Однако не станем обольщаться этим процентом, будем помнить о «плечевой работе»! Наши изобретатели и рационализаторы еще в долгу перед грузчиками. Пусть еще самые талантливые из них поломают головы над тем, как механизировать отстающие участки. И, может быть, пока полезно было бы указывать во всяких ведомостях и отчетах пароходства не только проценты механизации, но и живучие проценты «плечевой работы». Это было бы психологически правильно и помогло бы кое-кому излечиться от маниловщины.

Случайная дорога привела шестнадцатилетнего Аршака в Батуми из далекого и весьма сухопутного села Палутли в Армении. И вот, оказывается, молодой человек может быстро и твердо стать на ноги, многому научиться, стать в порту известным, всеми уважаемым человеком; прежде это называлось «выйти в люди». Батумский порт стал популярен среди односельчан Аршака Микаэляна. И хотя он никогда не выступал в роли вербовщика, уже пятнадцать молодых людей приехали из села Палутли и работают сейчас в порту — целое землячество!

В отличие от бригады Микаэляна бригада, которой руководит Бабунашвили, еще не имеет звания коммунистической. Не знаю также, на сколько процентов эти портовые рабочие перевыполнили план в ту утреннюю смену, о которой я хочу рассказать.

Бригада грузила в вагоны рис. На рассвете прошел безудержный ливень, какие нередко случаются в Южной Колхиде. Если иметь в виду подобные ливни, выражение «дождь лил как из ведра» вовсе не является гиперболой.

И вот оказалось, что в нескольких товарных вагонах прохудилась крыша. Рабочие рассудили, что отправлять рис в таких вагонах негоже, и выгрузили рис обратно.

— Чего вы испугались? — пожал плечами Шалва Барамия, начальник станции Батуми-товарная.— Все равно рис нужно размачивать перед тем, как варить из него кашу...

Это прозвучало бы как шутка, если бы при этом железнодорожники не настаивали на своем: грузить мешки в вагоны с дырявыми крышами.

— А если кашу будут варить через полгода? — возразил Бабунашвили.— Еще кто-нибудь подумает, что из Бирмы прислали горький или прелый рис. Нет, мы не согласны.

— Поймите, порт никакой ответственности за этот рис не несет. Дождь мог догнать вагоны и в дороге.

— Порт не отвечает. А мы, рабочие, отвечаем.

Возможно, что бригада Бабунашвили из-за ненастной погоды, из-за того, что она впустую нагрузила-разгрузила намокшие вагоны, не выполнила план в то дождливое утро. Возможно, что в тот день ухудшились показатели по простою и обороту вагонов на станции Батуми-товарная. Важнее, что портовые рабочие дали железнодорожникам предметный урок коммунистического отношения к труду.

Давным-давно высохли лужи после тех ливней-проливней, давно тот бирманский рис пришел на станцию назначения. Но из памяти портовых рабочих еще не выветрилось это происшествие у седьмого склада. Его обсуждали и молодые грузчики и старые муши, коротающие свой пенсионный досуг в портовой кофейне.

Кстати, где сейчас первый наставник Аршака, старый бригадир Арутюнян? В летние два месяца он работает носильщиком на морском вокзале. Вместе с ним к прибытию теплохода торопятся бывшие муши Абкар Петросян, Антон Дудник, Абкар Саркисян, Мушег Потоян, Тигран Тумасян. У всех у них теперь фуражки, передники, бляхи на груди. Ах, если бы пассажиры, которым портовые носильщики перетаскивают багаж в камеру хранения, до стоянки такси или до вокзала, знали, какая трудовая жизнь лежит за этими слегка сутулыми, не по-стариковски надежными плечами, сколько тяжестей подняли эти жилистые руки! Вот бы сложить на берегу все мешки, кипы, тюки, бочки, ящики и кули, которые успел перетаскать в своей жизни муша! Для перевозки такого груза понадобился бы десяток океанских пароходов...

3

С интересом наблюдаешь за жизнью порта, за его деловитым оживлением, за движением судов. Хлопочут, пыхтя и отдуваясь паром, юркие портовые буксиры. Рядом с океанским пароходом такой буксир кажется тщедушным, а пароход в тесной гавани ведет себя, как неповоротливый увалень.

Но если присмотреться внимательно, то иные маневры судов на акватории порта могут навести на невеселые размышления. Да, иные маневры — не от хорошей жизни, лучше бы их не было.

Дело в том, что не хватает причалов, которые в состоянии принять суда с большой осадкой. Пароход швартуется к самому глубокому, двенадцатому, причалу, затем, когда в трюмах станет посвободнее и осадка уменьшится на несколько футов, буксир перетаскивает пароход к причалу помельче. Ничего не поделаешь, нужно уступить дефицитный причал другому глубоко сидящему судну. То же самое происходит при погрузке: сперва судно нагружают на мелководье, затем, когда оно осядет, переводят на глубокий причал.

Порт насущно нуждается в углублении акватории. Если верить планам Черноморского пароходства, эти работы в Батуми уже идут, а если верить своим глазам, работы еще не начинались. Кстати сказать, и местные руководители должны более осмотрительно, более рачительно относиться к акватории порта. У шестого причала выгружают гравий и песок, добываемый со дна моря для нужд строителей. И вот, когда баржи разгружают грейфером, песок и гравий нет-нет да и сыплется в воду. Не поэтому ли шестой причал обмелел за последние годы?

Когда подымается большая волна, в гавани возникает зыбь (так называемый «тягун»),— у некоторых причалов стоять небезопасно: того и гляди начнет бить бортом о пристань. Суда отдают концы, торопливо выходят на открытый рейд, бросают там якоря.

Старожилы порта утверждают, что прежде батумская гавань была менее чувствительна к штормам, к большой волне, нежели сейчас. Утверждают, что виной этому наносы гравия, они обезоружили входной волнолом. Прежде гавань имела подсобный волнолом, так называемую «шпору», сейчас рассчитывать на нее не приходится. Наконец, утверждают, что зря построили набережную в порту. Балюстрада ласкает взор, все это очень мило, но прежде волна выплескивалась на пологий берег и откатывалась назад обессиленная, во всяком случае, ослабевшая. Нынче волна, ударив в каменный парапет набережной, с неудержимой силой откатывается в гавань.

Занят ли кто-нибудь всерьез изучением всех этих капризов моря, его повадок? Кто займется лечением недугов батумского порта? Кто озабочен его будущим?

Растет поток туристов, в том числе зарубежных, а порт не по всем статьям готов к их приему. Скоро четыре года, как строится морской вокзал. А разве не следовало открыть на летнее время пассажирскую линию Батуми — Поти — Сухуми? Ее могли бы обслуживать суда на подводных крыльях типа «Метеор» или «Спутник». Нормально ли, что проезд на катере из Батуми в Зеленый мыс вдвое дороже, чем на автобусе? Не поэтому ли катера собирают так мало пассажиров?

Как видим, более близкое знакомство с портом принесло и свои недоумения, тревоги. Есть вопросы, которые напрасно приобрели характер чуть ли не вечных и, во всяком случае, долголетних...

Весь день маяк на мысе Бурун-Табие был слеп. Но вот в гавани опускаются флаги, а маяк вновь становится зрячим. Он зажигается в ту минуту, когда солнце окунается в море. Смотрителю маяка нет нужды заглядывать в астрономический календарь, как он это сделал на рассвете, когда солнце всходило за горой Цискари.

Мигающий проблесковый огонь маяка виден далеко в море, за пятнадцать миль от берега. Три секунды горит белый огонь, затем девять секунд темноты, и снова неусыпный, милосердный огонь.

Световой луч маяка протянут, как рука помощи, всем, кто ночью ищет пристанища в батумской гавани.

Дмитрий СМИРНОВ

БЛАГОДАРНОСТЬ

Земля!
Благодарю тебя,
Что родила меня не птицей,
Хотя, свободный взлет любя,
Горжусь орлом я и орлицей...

Благодарю.
А то не смог
Произнести бы даже слово
И бросить стрелы гневных строк
В мурло обрыдлого и злого.

Проникнуть бы не мог в твои
Неисчерпаемые недра
И с атомом вести бои,
Чтоб раскрывался щедро.

Не мог бы светом озарить
В тиши твое лицо ночное,
И городами одарить,
И в засуху спасти от зноя...

По небесам теперь лечу
Быстрее, чем любая птица.
И океан мне по плечу —
Не надо рыбою родиться.

От ранних троп, как песнь, простых
И до космических раздолий
Все расстояния постиг
Я силой разума и воли.

Земля!
Планета из планет!
Горжусь расцветом и разбегом.
Благодарю, что родила на свет
Меня ты
ЧЕЛОВЕКОМ!

ПЕЛА БУРЯТКА...

Пела бурятка русскую
Песню раздольно-грустную,
Звонкую пела, задорную,
Вольную, непокорную.

Пела душой и голосом,
Сердцем таким задористым,
Каждою жилкой-кровинкою,
Искоркой и слезинкою.

Пела бурятка молодо —
И оживала Вологда.
Слышали парни Саратова
Слово сердца богатого.

Так поют то, что дорого,
Что не отдашь ты ворогу.
Было понятно бурятам:
Сестра говорила с братом.

Copyrighted material

Пьер Франческо Мола (1612—1666). ГОМЕР ДИКТУЕТ СВОИ ПОЭМЫ.

Copyrighted material

Эмануэль де Витте (1617—1692). РЫНОК В ПОРТУ.

Питер де Гох (1629—1685).
УТРО МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА.

Copyrighted material

У ДЕТЕЙ ЕСТЬ ПРОСЬБА К ВЗРОСЛЫМ

Это театр для самых маленьких зрителей.

Дети начинают воспринимать мир через игрушки. А кукла — это игрушка, похожая на человека. У куклы поэтому есть свои радости и разочарования. Куклу можно наказать и одарить, можно ее уложить спать, разбудить, переодеть, с ней можно ходить в гости, с ней можно долго и толково беседовать.

Жизнь куклы богата и разнообразна. Гораздо богаче и разнообразнее жизни тех взрослых людей, которые этого не понимают. Как хорошо, что среди взрослых все-таки попадаются люди, которые знают, что такое жизнь куклы!

Конечно, куклы живут только в сказках. Ленинградский кукольный театр так и называется — театр Сказки. Впрочем, так он называется только для взрослых, чтобы они ничего плохого не подумали. А на самом деле это никакая не сказка, а все как в жизни.

Вот, например, театр показал историю одного страшного и ужасного завистника. Эту историю написал Вениамин Каверин. В ней рассказывается, как много неприятностей может принести людям завистник. Вместо того, чтобы радоваться за людей, он все время злится и завидует, завидует — прямо смотреть противно. Актер Г. Тураев замечательно играет этой куклой, и маленькие зрители с этих пор начинают ненавидеть завистников. Конечно, такие завистники встречаются не только на сцене, но понять, как все это нехорошо, детям помогает сцена, кукла, немая игрушка в умных руках актера.

И что такое хорошо,— тоже разъясняет кукла. Хорошо быть смелым, неустрашимым, хорошо приносить радость, выручать товарищей в беде и, главное, ничего и никого не бояться, даже если в тебе росту — вершок от земли. Об этом рассказывается в другой сказке Каверина: «О Мите и Маше, Веселом трубочисте и Мастере Золотые Руки».

Вы, наверное, думаете, что куклы неживые? Ничего подобного. Знаете, как они страдают, если встречается неудача! Им очень больно, когда их укусит собака или ударит плохой человек. Но зато как они радуются, когда наконец побеждают врага или выручают товарища! Но самое главное—они очень веселые и бесстрашные. Это всегда так. Хорошие люди всегда веселые и никогда не хнычут, что бы ни случилось. А плохие люди — злые, угрюмые даже на вид. Это сразу заметно по кукле, как она только появится или как она начнет говорить. Вот выходит, например, на сцену Хорош-Гусь. Гусь как гусь, а как заговорит, сразу узнаешь, что Хорош-Гусь нечестный, хитрый. Это просто удивительно, как артистка О. Ляндзберг умеет играть этого гуся. Так и хочется сказать: да, хорош гусь!

Театр Сказки — молодой театр, точнее, даже юный: ему семнадцать лет. Дети очень любят его, они всегда рады его приезду. А театр много ездит по стране. Он бывал и в Закарпатье, и в Прибалтике, и, конечно, в городах и селах Ленинградской области. У него даже есть свой автобус. В автобус садятся актеры, а под ногами у них стоят ящики с куклами. Эти ящики вообще-то хранятся в кладовке. Потому что больше никакого помещения у театра нет. Конечно, пока кукла лежит в ящике, это не имеет значения. Но когда она оживает, дело меняется. Нужна сцена, нужен зал, чтобы расставить стулья для детей, но ничего этого у театра нет.

Поэтому у детей есть просьба к взрослым людям из города Ленинграда помочь театру Сказки. Есть же среди них такие, которые понимают кукол!

Надежда СВЕТЛОВА

В театре Сказки идет спектакль

Фото Риммы Лихач.

Инженер Кузьмин предлагает...

Бытует теперь у московских строителей такой термин — «домовоз». Это тягач, развозящий уже готовые квартиры с домостроительных заводов на строительные площадки, где собирают дома из объемных элементов. О доставке квартир «на дом» рассказывал «Огонек» (№ 3 за этот год) в репортаже «Квартира едет по городу».

Представьте себе, что по улицам едет уже не квартира, а вполне законченная часть дома, сразу все его четыре этажа. Едут четыре этажа кухонь вместе с передними и ванными комнатами, за ними столовые, а затем — спальни и лестничные клетки...

Проект сооружения зданий из вертикальных объемных многоэтажных блоков разработал руководитель кафедры Новосибирского инженерно-строительного института, кандидат технических наук Н. С. Кузьмин.

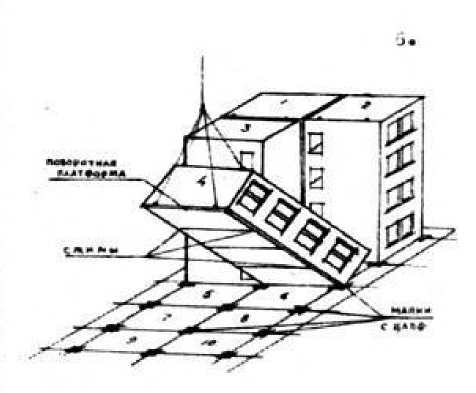
— Популярные сейчас станы Козлова,— рассказал Николай Сергеевич,— позволяют делать панели размером на всю высоту дома. Изготовление вертикальных блоков на заводе даст возможность еще больше упростить монтаж здания и намного удешевит строительство.

И на заводе и в пути на строительную площадку четырехэтажный блок будет находиться в горизонтальном положении. Это разрешит нелегкую проблему транспортировки. И только на строительной площадке монтажный кран «СКГ-50» приподнимет 20-тонный блок и установит его на специальные маяки фундамента. Расчеты показывают, что четыре монтажника с помощью одного крана смогут собрать из готовых блоков четырехэтажный дом на 60 квартир всего за шесть смен.

Проект инженера Н. С. Кузьмина вызвал большой интерес у архитекторов и строителей. Ученые из Академии строительства и архитектуры СССР назвали его «оригинальным и заслуживающим внимания».

Недавно в Новосибирском строительном институте происходила защита интересной дипломной работы: «Строительство жилых домов из объемно-вертикальных блоков». Кто знает, может, ее автору, молодому инженеру Дмитрию Кузьмину, сыну Николая Сергеевича, и придется сооружать первое в мире здание из объемных деталей высотой в несколько этажей.

А. ГРИГОРЬЕВ

Так Н. С. Кузьмин предлагает строить жилые дома.

«КИСЛОРОД РЫБАКОВУ»

На один из аэродромов авиационной линии Владивосток—Москва с трассы поступила тревожная телеграмма: «ПРИГОТОВЬТЕ КИСЛОРОД РЫБАМ ТЧК».

— Не может быть...— пробормотала телеграфистка, напряженно морща лоб, и приписала: «РЫБАКОВУ».

...Самолет вошел в густую облачность. В кабине стало сумрачно и как будто дымно. Сотрудник Центральной производственно-акклиматизационной станции Орлов хмуро наблюдал, как за окном со всех сторон надвигаются на хрупкую машину серые тестообразные громады. С ним летел сотрудник отдела акклиматизации ВНИРО — Всесоюзного научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии—Юрий Яковлевич Мишарев. Он длительное время был директором акклиматизационной станции и является инициатором многих работ по заселению ценными породами рыб водных бассейнов нашей страны. Орлов — его ученик.

Начало заметно болтать. Летчик взял штурвал на себя, и машина послушно набрала высоту. Второй пилот, занимавший правое сиденье, снял наушники и озабоченно заглянул в ящики с икрой и в пластмассовые канны — большие резервуары с морской водой, загромождавшие кабину. От кислородных баллонов к ним тянулись тонкие змейки резиновых шлангов. На борту самолета находился необычный груз: живая рыба, огромные, величиной с таз, камчатские крабы и их икра.

Из многочисленных производимых ранее попыток перевезти камчатских крабов для акклиматизации в Баренцево море ни одна не увенчалась успехом. Животные не выдерживали длительного пути. С появлением таких скоростных самолетов, как «ТУ-104», время перевозки сократилось почти в десять раз. Сейчас Мурманский совнархоз вновь поднял вопрос об акклиматизации крабов на севере. На станции Мурманского биологического института Дальние Зеленцы построены большие бассейны с целой системой гидротехнических устройств. В них непрерывно поступает свежая морская вода. Икра, находящаяся на брюшных ножках крабов, через некоторое время созреет, из нее выведется молодь. Ученые смогут своими глазами наблюдать это удивительное превращение...

На больших высотах происходит бурное выделение газов из жидкости. Мишарев с состраданием наблюдал, как вода быстро теряла кислород. Иногда крабы приподнимались над водой на шатких ногах, сосали разреженный воздух и вновь впадали в сонное состояние. Пришлось прибавить количество кислорода, поступающего в канны из баллонов. Стрелки манометров неуклонно шли к нулю, баллоны быстро пустели. И наконец наступил момент, когда в одном из каннов движение пузырьков от распылителей прекратилось. Поверхность воды стала мертвой.

— В чем дело? — спросил штурман, когда перед ним предстал огорченный Мишарев.

— У нас кончился кислород. Животные гибнут.

Летчики переглянулись.

— Берите наши кислородные баллоны...

Посадка. Беговая дорожка подводит самолет к аэропорту. Не успел смолкнуть шум моторов, как стремительно подкатила карета «Скорой помощи». Распахнулась дверь, и в самолет ввалилась странная фигура в белом халате, до отказа увешанная кислородными подушками,— видимо, врач. За ним — два дюжих санитара с носилками.

— Смотри-ка,— сказал Орлов, растерянно озираясь,— что-то случилось.

— Гражданин Рыбаков? — надвинулся на Орлова врач, «угрожая» ему кислородной подушкой...— Не вы?.. Шутить изволите! Пр-роводите к пострадавшему!

— Вы неточно информированы,— под дружный хохот экипажа разъяснил Мишарев. — У нас не Рыбаков, а рыбы. Что же касается кислорода... давайте его сюда!

О. ЧИЛИКИН

ПО ЗАКОНУ ЭНТУЗИАЗМА

По закону Архимеда камень должен тонуть. А по закону энтузиазма?

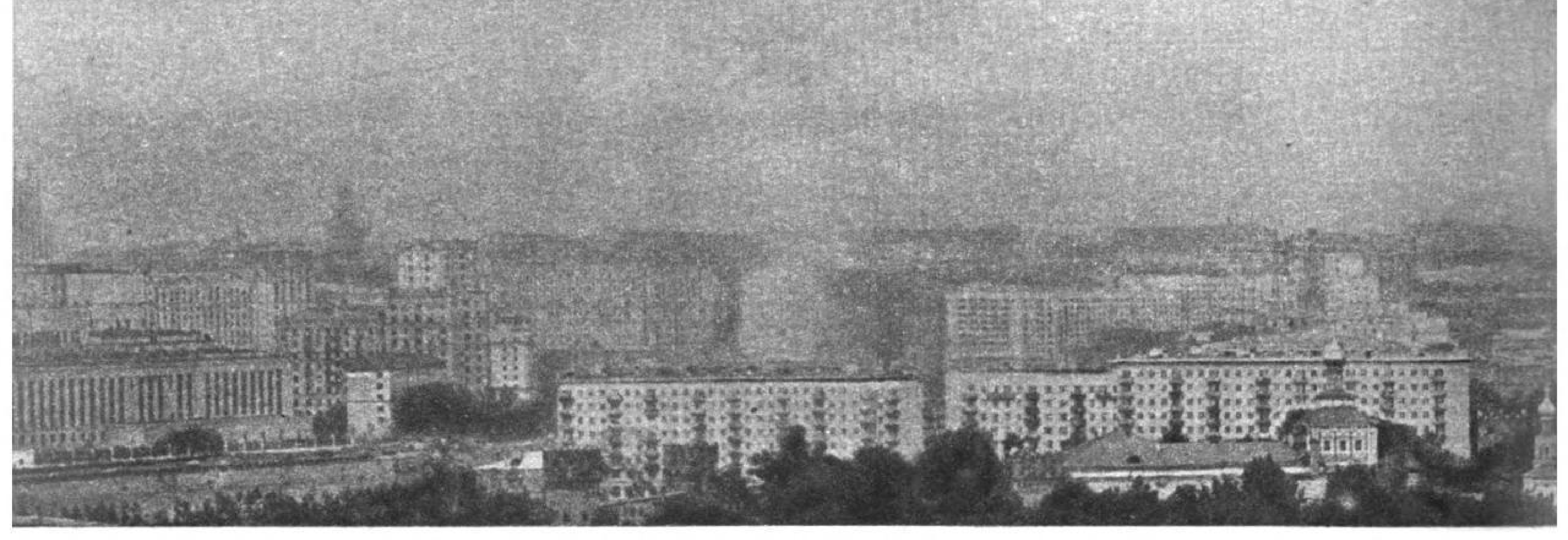
Эта яхта сделана целиком из железобетона. Материал, с которым у многих ассоциируются массивные формы плотин и мостовых быков, послужил для создания очень изящной яхты. Построили ее молодые энтузиасты из Ставрополя Н. А. Фролов, А. Н. Рейнер и их товарищи. Назвали «Прогресс».

«Прогресс», как ему и положено, был встречен аплодисментами и... недоверием. В целесообразности железобетонной лодки сомневались, когда Фролов только задумал ее, когда лодка была уже сделана, и даже рецензент одного технического журнала написал молодым ставропольцам письмо с категорическим утверждением: «Ваша яхта не будет плавать!»

А яхта к тому времени выдержала не один волжский шторм. Не думайте, что вес такой яхты очень велик. Он не превышает веса деревянного двойника (ведь толщина ее стенок не больше сантиметра!). А стоит такая яхта в несколько раз дешевле деревянной.

И. МАРЕЕВ

Copyrighted material

Взошло солнце — и родилось утро. Утро над городом. А город — это улицы, сложенные вместе.

ВЗОШЛО СОЛ

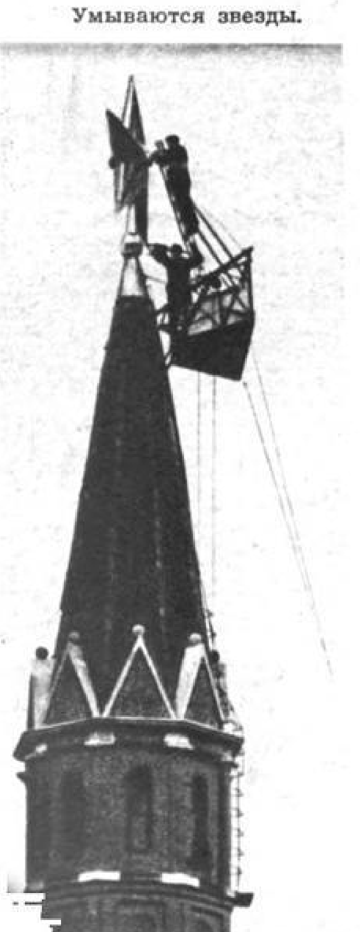
Римма ЛИХАЧ, Юрий КРИВОНОСОВ

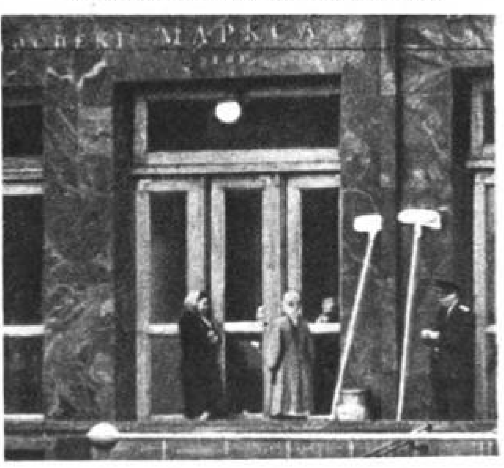
Автобусы еще спят. Но скоро проснутся и развезут утро по всем улицам, по всему городу.

И РОДИЛОСЬ

Умываются звезды.

Проснулось, умывается метро.

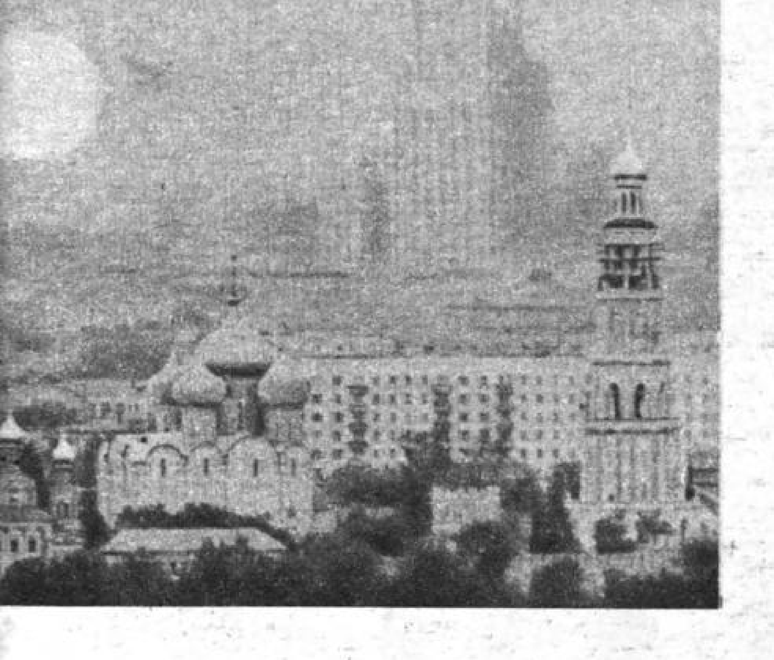

Двое в городе, и между ними никого. Только солнце, его первая улыбка.

Утро шагает в проходные фабрик и заводов.

НЦЕ –

УТРО

Вслед за солнцем. →

Это Чук и Гек. Они жили в тайге у самых Синих гор. Только что вернулись домой.

Не хватает трех минут.

...Утро у них в рюкзаках. Они унесут его к реке или в лес.

Можно оставить его и около себя, в городе.

СТИЛЬ-АТАКА

Вик. ВАСИЛЬЕВ

35 лет назад в Лондоне состоялся первый чемпионат мира среди женщин. Победу одержала замечательная чешская шахматистка Вера Менчик. До своей трагической смерти в 1944 году во время бомбардировки Лондона Менчик безраздельно господствовала, побеждая во всех чемпионатах мира.

6 лет шахматный трон пустовал, а затем сильнейшие шахматистки мира вновь собрались, на этот раз в Москве. Лавровый венок достался советской шахматистке Людмиле Руденко. Почетный титул принадлежал и другим шахматисткам нашей страны — Елизавете Быковой и Ольге Рубцовой.

17 сентября в Москве начался матч между нынешней чемпионкой мира Елизаветой Быковой и Ноной Гаприндашвили. Мы печатаем очерк об одной из участниц этого поединка — молодой грузинской шахматистке.

Милунка Лазаревич взяла черную пешку ферзем и с явным удовольствием нажала на рычажок часов. Тревожиться ей было уже не о чем: лишняя пешка в хорошей позиции позволяла без забот ждать развития событий. Теперь размен ферзей вынужден, а в окончании эта лишняя пешка скажет свое веское слово. Главное же — черные обречены на унылую, пассивную оборону, а Гаприндашвили этого не любит.

Не любит! Она просто этого терпеть не может! Подчиняться, хоть и упираясь, воле соперницы, уйти в глухую защиту, которая в конце концов позволит только отсрочить неизбежное,— нет и еще раз нет!

Правда, есть ход, который может избавить ее от этой перспективы. Она может сыграть ферзем и на е3. Но тогда будет выпущен из бутылки дух, с которым вряд ли удастся справиться. Лазаревич выиграет тогда ладью за слона и получит опасную атаку. Однако — и в этом все дело! — получит возможность атаковать и она, Нона Гаприндашвили. А ведь именно такие позиции, где все держится на зыбкой почве взаимных угроз, где все зависит от комбинационной зоркости, от умения находить скрытые, внезапные удары, именно такие позиции — ее родная стихия.

В зале сидят тренеры шахматисток, играющих в турнире претенденток,— гроссмейстеры Болеславский, Бондаревский, мастера Константинопольский, Макогонов, Шишов, венгр Силади, югослав Чирич. Все они с огромным интересом ждут хода Гаприндашвили. От исхода партии зависит многое. Нона идет во главе турнира, но и Лазаревич — в группе лидеров.

А Нона все думает. Она уже твердо решила, что на пассивную защиту не пойдет. Ей только не совсем ясно, как она будет развивать атаку после того, как отдаст сопернице ладью. Нет, не может быть, чтобы в свалке, которая сейчас начнется, ей не удалось нанести какой-нибудь внезапный удар. И Нона, уже не колеблясь, ставит ферзя на поле е3.

— Ну, что вы скажете? — шепчет тренер Ноны Михаил Васильевич Шишов сидящему рядом Константинопольскому, и в голосе его слышится затаенная гордость.— Нона остается Ноной!

Нона остается Ноной... Что означают эти слова? О, очень многое!

...У преподавателя сельскохозяйственной школы в Зугдиди Терентия Гаприндашвили и его жены Веры было шесть сыновей — Эмзар, Тамаз, Джемал, Мурад, Нугзар и... Нона. Здесь нет ошибки: Нона так привыкла находиться в обществе братьев, играть в их игры, переживать их мальчишеские беды, что могла дать десять очков вперед любому мальчишке.

Братья Гаприндашвили, разумеется, не играли в куклы, и Нона тоже считала возню с куклой недостойным занятием. Зато братья уважали футбол, и Нона часами гоняла с ними мяч. Они состязались в меткости, забрасывая мяч в кольцо, прикрепленное к стене дома, и Нона подружилась с баскетболом. Они увлекались гимнастикой, и Нона крутилась вместе с мальчиками на турнике.

Стоит ли удивляться, что, когда старшие братья, сначала Эмзар, а потом остальные, воспылали вдруг страстью к шахматам, Нона тоже почувствовала, что ее неудержимо влекут к себе тайны королевства маленьких фигурок.

Игра Ноны обратила на себя внимание Вахтанга Карселадзе, опытного тбилисского тренера. Девочка тогда, в 1953 году, впервые в жизни участвовала в турнире — первенстве школьников Грузии, которое проводилось в Батуми. Карселадзе сразу понял, что перед ним — яркое шахматное дарование. Двенадцатилетняя Нона сыграла в Батуми без особого успеха, но в каждой партии стремилась любой ценой атаковать, не боялась острых положений. Этакий маленький петушок, рвущийся в бой!

Летом 1955 года Нона Гаприндашвили переехала в Тбилиси и стала заниматься у Карселадзе в шахматном кружке Дворца пионеров. Здесь царила обстановка, которая пришлась этой забияке как нельзя более по душе. Вахтанг Ильич поощрял у своих питомцев стремление к смелой комбинационной игре. Он проводил специальные гамбитные турниры, старался развивать у ребят острое тактическое зрение, а Ноне только того и надо было.

В том же году Нона заняла

Copyrighted material

Утро мчится, трудовое, озабоченное.

Подписи к снимкам Михаила КОРШУНОВА.

второе место в женском первенстве Тбилиси, выполнила норму первого разряда, а следующий год принес 15-летней школьнице удивительные успехи: первое место в чемпионатах Тбилиси, Грузии и, наконец, в полуфинале чемпионата страны! Во всех этих турнирах девочка проиграла только одну партию. (Правда, в финале чемпионата СССР она разделила седьмое — девятое места, но для первого выступления это было выдающимся достижением.)

И все же внимательный взгляд обнаруживал в ее игре серьезные изъяны. Гаприндашвили любила и умела только атаковать, она была сильна только в тактической борьбе, в умении же решать стратегические задачи она уступала многим своим соперницам. И когда в начале 1957 года Нона перешла к другому наставнику — мастеру Шишову, ей пришлось всерьез переосмысливать свою игру, а кое в чем и переучиваться.

...Чемпионат страны 1960 года, проходивший в Риге, был особым: четверо первых попадали в турнир претенденток. Нона Гаприндашвили приехала в Ригу уже довольно известной шахматисткой. Она была студенткой института иностранных языков, успела получить бронзовую медаль в одном из предыдущих чемпионатов, заняла второе место в тбилисском международном турнире. Нона оставалась Ноной — она, бесспорно, превосходила всех в тактическом мастерстве, но теперь уже немногим уступала соперницам в сложном искусстве стратегии. Чудесный сплав темперамента и рассудительности!

— Что с Ноной? Ее нельзя узнать...— удивлялись все.

А секрета никакого не было. Нона стала взрослее, научилась, когда нужно, обуздывать свой темперамент. И ей так хотелось попробовать свои силы в турнире претенденток, хоть она даже самой себе боялась признаться, что мечтает о матче с Елизаветой Быковой; ведь на партиях Быковой она еще совсем недавно училась.

Нона за шахматной доской.

Перед началом турнира претенденток в югославской Врнячке-Бане Нону Гаприндашвили многие считали «темной лошадкой», ждали от нее сюрпризов, не сомневались, что она одержит несколько эффектных побед, но не больше. Но уже старт Ноны оказался сенсационным: она набрала $5^1/_2$ очков из шести, причем впервые в жизни выиграла у Вольперт и Борисенко. После этого Нона сделала ничью с Лейн, красиво выиграла у румынки Николау и вот сейчас встретилась с Лазаревич и получила позицию, где, казалось, ей вряд ли удастся уйти от поражения.

Итак, ферзь пошел на поле е3, бросив ладью и слона на произвол судьбы. В ответ на выпад ферзя Милунка Лазаревич взяла черную ладью и, в свою очередь, оставила под ударом две фигуры — слона и коня. Слона Нона взяла, одновременно объявив шах, и уже записала на бланке очередной ход, которым брала коня, но... но вдруг поняла, почему с таким спокойным, скрыто торжествующим выражением прогуливалась по сцене Лазаревич.

Нона зачеркнула записанный ход и впилась взглядом в доску. Спасения не было видно: черный король получал мат, и даже не в одном, а в двух вариантах. Но Нона не хотела смириться с этим. Она чуяла, что позиция таит в себе какие-то затаенные возможности и надо только суметь разглядеть их. Вдруг неуловимой искоркой мелькнула догадка. И вот Гаприндашвили вопреки, казалось бы, здравому смыслу делает три хода подряд королем, посылая его на передовые позиции. Король самолично пошел в атаку!..

Быстрее всех поняла, какую смертельную угрозу для белых таит в себе этот выход короля к барьеру, соперница Ноны — Лазаревич. Поняла и... задрожала. Она готова была к чему угодно, но только не к этому. Теперь Лазаревич думала лишь о защите и полностью уступила инициативу. Психологически это означало поражение, и действительно, спустя несколько ходов все было кончено...

Набрав в последующих семи турах пять очков и не проиграв ни одной партии, Нона уже за два тура до окончания турнира обеспечила себе первое место. Но удивлял не только этот спортивный результат, хотя он, разумеется, был великолепен. Удивлял стиль Гаприндашвили — мужественный, энергичный, не терпящий компромиссов. Не случайно ее любимые шахматные герои — Александр Алехин и Михаил Таль, партии которых она разыгрывает с особенным увлечением.

...За несколько дней до начала матча с Елизаветой Быковой я навестил Нону Гаприндашвили и Михаила Васильевича Шишова в подмосковном санатории, где они начищали перед боем последние пуговицы.

Мне казалось, что я увижу Нону, целиком поглощенную сложными обязанностями претендентки на шахматный престол. Но в этот день Нона отдыхала и вместо шахмат отчаянно сражалась в бильярд и пинг-понг (конечно, в агрессивном стиле братьев Гаприндашвили!), а вечером азартно переживала у телевизора перипетии футбольного матча.

— Нона остается Ноной...— развел руками Шишов.

Copyrighted material

— Дядя Жора, снимите меня!

ЗАБОТЫ,

О. КУПРИН

Ребятишки зовут его дядей Жорой. Взрослые называют Георгием Иосифовичем или товарищем Гавриным. В доме 60/2 на Ленинском проспекте в Москве и в соседних домах он человек известный. Он приехал сюда самым первым, когда здесь хозяйничали еще строители.

Дневник, который дал нам почитать Георгий Иосифович, полностью называется так: «Тетрадь-дневник участкового уполномоченного 110-го отделения милиции г. Москвы». Вот кто такой Гаврин.

Страницы в дневнике разделены на две части. Слева написано, что нужно сделать, а справа — сделано или нет.

Справа читать неинтересно. Там везде одно и то же слово: «выполнил», «выполнил», «выполнил»... Зато слева записаны все заботы участкового уполномоченного.

Много, очень много хлопот доставляют участковому уполномоченному детишки! Какая-то попрыгунья забралась на забор и боится слезать. Два будущих чемпиона не поделили мяч. Группа любителей острых ощущений где-то раздобыла кинопленку и устроила во дворе дымовую завесу.

Но бывают у него дела и посерьезнее. Одно такое дело началось с записи в дневнике: «Проверить место работы гр-на Непочатых В. И.».

Нигде не работал гражданин Непочатых. Зато пьянствовал чуть ли не каждый день. С утра обычно шел к мебельному магазину, предлагал свои услуги — стол поднести или шкаф. Новоселы — народ щедрый. Вот и жил Непочатых за счет этой щедрости.

С большим трудом, но добился своего участковый уполномоченный. «Своего» — это значит пошел Непочатых работать на завод, и исчезла его фамилия из дневника Гаврина. Но ненадолго. Потом

Примирение непримиримых

Магомет МАМАКАЕВ,

Виктор ЩЕПОТЕВ

К сакле, прилепившейся высоко на склоне горы, направляется внушительная процессия. В передних рядах идут, опираясь на высокие посохи, старики, за ними — молодые. За несколько сот метров от дома люди опускаются на колени и так продолжают свой путь. Возле дома они припали лицами к земле и доползли до дверей.

Дорога усеяна мелкими, острыми камнями. У многих одежда порвалась на локтях и коленях, из ссадин сочится кровь.

Это родственники и друзья человека, который убил члена семьи хозяина сакли, явились просить прощения за виновного. Они завернули убийцу в саван и положили у порога. И он лежал, пока виднейшие представители его рода вели в доме переговоры. Человека завернули в саван — это крайняя степень унижения, которым подчеркивается, что виновный морально убит, что он вроде уже труп.

Переговоры продолжаются много часов подряд. Наконец прощение получено, и начинается торг о выкупе. А выкуп настолько велик, что виновный влезает в неоплатные долги и становится нищим на всю жизнь...

Так до недавнего прошлого происходило у чеченцев и ингушей примирение между враждующими родами. Но даже в такой форме это примирение у гордых горцев наступало редко.

Казалось бы, в наши дни в Советской Чечено-Ингушетии уже нет почвы для пережитка, возникшего еще во времена седой древности, в недрах родового строя. И тем не менее пережиток еще живет, потому что темные силы гальванизируют его. На своих тайных адатских судах они стремятся перечеркнуть решения советского суда и нередко всячески подбивают потерпевшего на кровную месть, несмотря на то, что виновный уже понес заслуженное наказание. Эти темные силы становятся все слабее, жизнь теснит их. Но народ хочет быстрее и навсегда покончить со страшным наследием прошлого.

Партийные и советские органы Чечено-Ингушетии повели решительную борьбу с адатами. Комиссии по примирению так называемых кровников созданы ныне во всех районах республики. Их объединяет и помогает им Центральная комиссия при Верховном Совете Чечено-Ингушетии. Во главе ее заместитель Председателя Верховного Совета ЧИ АССР А.-В. Т. Тепсаев.

По-новому мирятся теперь кровники. Не так давно в районном центре Ачхой-Мартане мы были свидетелями церемонии примирения, если можно так назвать этот полный драматической напряженности акт.

...В парке Дома культуры поставлен стол, покрытый синей материей, рядом с ним — обитая красным трибуна. Стулья и скамьи заняты стариками, молодые мужчины и женщины стоят, заполнив парк, а ограду, как птицы, усеяла детвора. Люди сплошь заняли и ступени, ведущие к пьедесталу памятника В. И. Ленину.

Председатель районной комиссии по примирению кровников коммунист Мавлад Бокриев приглашает занять места в президиуме стариков, известных своим авторитетом, мудростью суждений. И вот открывается этот необычайный сход, собравший две тысячи человек.

Судьба многих людей сплетена в смертельном клубке, и сегодня надо разрубить его, разрубить всего лишь одним словом, одним, но проникающим в самое сердце: «Прощаю». Вызвать это слово бывает порой трудно, очень трудно. И тогда комиссия просит помощи у народа.

Мавлад Бокриев пригласил из толпы потерпевшего Хаси Абушева, потом виновного Абдулу Раасаева. Первый стал по левую сторону стола, второй — по правую. Мавлад призвал Хаси простить своего врага, примириться с ним отныне и навсегда.

Речь его образна. На живых примерах доказывает он Хаси, как калечит людей кровная вражда, и воскрешает в памяти собравшихся давнюю историю.

В 1927 году в споре из-за арыка Касаев убил Дашаева. С тех пор прошло много времени. Умерли спорщики. Но выросли их сыновья — Омар Касаев и Умага Дашаев.

Не стало собственных арыков, все они давно уже колхозные. Омар и Умага лично не враждовали: ведь когда произошло несчастье, их не было на свете. Но осталась заповедь адата: «Не торопись и не забывай». И месть распространилась на Омара.

Омар заперся в своем доме. Многие годы он не мог выходить на работу, проводя время в четырех стенах, словно в тюрьме, постоянно ожидая выстрела в окно или удара кинжала, если ступит за родной порог. Омар был лишен любви и семьи: ведь за кровника никто не хочет отдать замуж свою дочь.

Три раза весь аул вместе с комиссией приходил к сакле Умага, но упрямец отказывался даже выйти для разговора.

Copyrighted material

ЗАБОТЫ...

Фото **А. ХОРАСА.**

опять появилось очередное: «Проверить...»

На заводе ответили коротко: «Увольняем». Причины на то были основательные, но Гаврин все же попросил подождать. Ведь судьба человека решается! Но человек о своей судьбе думать не хотел и попросту врал милиционеру, что, дескать, все в порядке, что работает он вовсю.

И новая запись в дневнике: «Выездная сессия по делу Непочатых В. И. Постановление народного суда: выселить из Москвы на 4 года».

На суде было много народу. Заседание проходило бурно. Общественным обвинителем был Петр Васильевич Микулович. Хорошую, взволнованную сказал речь.

Микулович — первый помощник Гаврина. Вернее, не помощник, а коллега. Только по общественной линии — общественный участковый уполномоченный. Такую же должность «занимает» Виктор Сергеевич Круглов. Работают они, как и штатные уполномоченные. Георгий Иосифович дает им поручения. Они никогда его не подводили. А в дни, когда в дневнике Гаврина появляются записи: «Выходной день» или «Находился на учебе в школе милиции», — общественные уполномоченные работают одни.

Выходные Георгий Иосифович берет обычно в будние дни, когда хлопот на участке поменьше. А в воскресенье и в субботу — на посту. В эти дни его помощь и совет требуются чаще. И праздники он отмечает по-своему, по-милицейски. 1 мая в дневнике он записал: «Занимался патрульной службой». Так надо. Чтобы у других праздник не был ничем омрачен.

День за днем бегут в заботах и хлопотах. Половина тетради-дневника уже исписана. Там бесконечные «проверить»... Проверить подвальные и чердачные помещения. Проверить работу сторожа на строительстве универмага. Проверить стоянку машин во дворе...

Заботы, заботы, заботы...

«Вечером занимался патрульной службой вместе с общественным уполномоченным В. С. Кругловым».

Разговор по душам.

Еще одно «выполнено» в дневнике Г. И. Гаврина.

— Кровь не должна пропасть,— твердил он.— Таков закон.

Тогда народ попросил принять участие в примирении сточетырехлетнего Бокри Можиева. И почтенный, всеми уважаемый старец согласился.

Бокри — герой гражданской войны, командир красногвардейской сотни, в составе которой сражались за Советскую власть на Северном Кавказе чеченцы и русские, ингуши и кумыки, активный участник колхозного строительства.

Когда Умага увидел, что Бокри, согбенный годами, идет к нему впереди народного шествия, он не выдержал, выбежал на улицу.

— Бокри, Бокри, остановись! Я недостоин, чтобы ты просил меня! Перед тобой и перед всеми людьми аула я заявляю: я прощаю Омара навсегда за себя и за все мое потомство! — И вместе со всеми Умага отправился в дом Омара. Враги пожали друг другу руки и обнялись в знак примирения.

— С той поры,— продолжал свой рассказ Бокриев,— они ходят друг к другу в дом и вместе едят хлеб гостеприимства... А вы...

Хаси даже не взглянул на Абдулу, не стал ждать, что скажет далее Бокриев и, не поднимая глаз от земли, быстро заговорил. Все насторожились. Хаси говорил негромко, бубнил себе под нос. Было ясно, что он не искренен. Он решил схитрить, и это все разгадали.

— Говори громче!

— Не слышно!

Хаси понял, что ему не уйти от примирения.

— У нас в роду уже никто не помнит, когда и из-за чего началась наша вражда с их родом,— сказал громко Хаси.— Всего с обеих сторон убито семь человек, но наших убито четыре, а у них три, и они нам должны одну кровь. Я, правда, простил. Я давно простил. Я хозяин своей семьи и за нее простил.

Послышался возглас:

— А кто об этом знает?

— Никто не знает, правда. Я про себя простил.

Но Хаси не давали отступать:

— Ты при нас прости!

— Я-то могу простить,— продолжал увиливать он,— да где-то в Казахстане живут мои брат и дядя,— как они узнают, что мы помирились?

Из-за стола поднялся председатель Центральной комиссии Тепсаев.

— Казахстан не за границей, найдем твоих родных, сообщим им, не беспокойся, главное, чтобы ты простил, а остальное мы берем на себя.

— Я прощу, а если они не согласятся с этим? — упорствовал Хаси.

В тот же момент из-за стола вышел высокий, худой старик с длинной белой бородой. Снова наступила тишина.

Величественно опираясь на длинный посох, старик неторопливо направился к трибуне. Казалось, он был спокоен. Но это только казалось. Он приставил к трибуне посох, но посох упал, стуча по доскам подножия. Старик не спеша поднял его и долго устанавливал в углу трибуны. Потом он снял папаху, положил ее стоймя перед собой и надел на коротко остриженную голову красную тюбетейку с черной кисточкой. Тюбетейку старик надевал долго, один край ее все подворачивался внутрь. Наконец он сложил руки ладонями перед собой, как бы взывая к уму и сердцу людей.

— Я с теми, кто живет в мире. Я с детства начал трудиться и тружусь до сих пор, а мне восемьдесят семь лет. Человек рожден для труда, а потому люди должны жить в мире, а не убивать друг друга.

Он окинул взглядом сидящих в передних рядах стариков, положивших бороды на свои посохи. Их лица были угрюмы. Эта угрюмость появилась еще при первых словах Хаси и до сих пор как бы темнила лица.

— Так я говорю или не так, отвечайте! — воскликнул старик, направив указательный палец в первого попавшегося слушателя.

— Так, так! — послышалось в ответ.

На самых старых старик решил воздействовать по-стариковски.

— Мы носим четки,— сказал он, обращаясь к ним,— мы читаем коран. А в коране написано: убивать нельзя, убийца будет лишен рая. Как же мы можем допустить, чтобы из-за одной безбожно пролитой крови пролилась другая, невинная!

— Не можем, не можем! — раздались глухие голоса, и бороды как бы слетели с посохов.

Старик положил тюбетейку в карман, надел папаху и взялся за посох, чтобы покинуть трибуну. Настал кульминационный момент. Чтобы добиться перелома, теперь надо было действовать всем. Тепсаев быстро поднялся с места.

— Товарищи горцы! Давайте снимем шапки и попросим Хаси Абушева, чтобы он от себя и от всех своих родных и потомков простил Абдулу Раасаева. Попросим же!

Шапка на голове горца — настолько высокий знак достоинства мужчины, что, по старым законам, сбить ее с головы значило расплатиться за это кровью. И если горец снимет перед тобой шапку, значит, неизмеримо велико его уважение к тебе.

Сидевшие встали, и все, сколько тут было, от мала до велика, обнажили головы.

У Хаси был такой вид, словно ему стало невмоготу в тесном кольце людей.

Шли секунды, казавшиеся долгими, томительными минутами.

— Пусть будет так,— наконец проговорил Хаси,— прощаю я его за себя и за всех родных и потомков, прощаю перед Советской властью.

— Это ты хорошо сказал,— подхватил Тепсаев,— «прощаю перед Советской властью». Но ты вот и перед ними прости.— И Тепсаев обвел жестом присутствующих.

Хаси отчетливо выговорил:

— И перед каждым из вас прощаю!

Он сделал шаг вперед по направлению к Абдуле, подскочившему к нему, но стал как-то боком и взял руку, не глядя на него.

— Э-э! — воскликнул Тепсаев.— Что это, брат, за рукопожатие! Да обнимись ты с Абдулой как следует, по-чеченски!

Хаси еще раз крепко пожал Абдуле руку, глядя ему в лицо, а потом под долгие, долгие крики радости обнял, прижавшись щекой к щеке.

— Ну, вот так, молодец!

Теперь Мавлад подозвал потерпевшего к трибуне, и он на глазах у всех подписал бумагу, в которой говорилось, что он «лично за себя, а равно и за родственников своих, членов родовой фамилии, как по прямой, восходящей и нисходящей, так и боковым линиям, принял на себя безоговорочное обязательство перед лицом Советской власти и ее законов впредь не принимать никаких, ни прямо, ни косвенно, ни явно, ни под каким видом и ни в какой форме, действий или каких-либо мер, направленных к осуществлению акта кровной мести...».

Следом за ним бумагу подписал Бокриев и другие члены комиссии, и бывшие враги бок о бок влились в толпу.

Окончилась церемония. Бывший виновный повел бывшего потерпевшего в свой дом отведать вместе хлеб гостеприимства, а попросту говоря, отпраздновать большое событие в своей жизни — выпить и съесть жижаг-галныш.

Copyrighted material

Малышам

Сергей МИХАЛКОВ

Рисунки А. БАЖЕНОВА.

ЭКЗАМЕН

Расхвастался Попугай:

— Я умею говорить по-человечьи! Терпеть не могу птичий язык! Больше вы не услышите от меня ни одного слова на птичьем языке!

— Ах, ах! — разахались Трясогузки.— Какая умница! Он будет говорить только по-человечьи! Он презирает птичий язык!

— Он умеет говорить по-человечьи? — переспросил старый Ворон.— Ну что ж! Это неплохо! Но это еще не значит, что он умнее всех! Я тоже знаю несколько человечьих слов, но я не считаю себя мудрецом!

— А вы поговорите, поговорите с ним по-человечьи! — заверещали Трясогузки.— На птичьем языке он и разговаривать с вами не станет. Сами увидите!

— Попробуем! — сказал Ворон и перелетел на ветку, где сидел важный Попугай.

— Здравствуйте! — представился Ворон на чистом человечьем языке.— Здрррравствуйте! Я Воррон!

— Попка — дурак! Попка — дурак! — важно ответил ему Попугай тоже по-человечьи.— Попка — дурак!

— Вы слышите? — восхитились Трясогузки.— Он вас убедил?

— Да! — сказал Ворон.— Я с ним согласен!

ЗАЯЦ-ОБМАНЩИК

Наступил как-то Медведь Зайцу на любимую мозоль.

— Ой, ой! — завопил Заяц.— Спасите! Умираю!

Испугался добряк Медведь. Жалко ему стало Зайца.

— Извини, пожалуйста! Я ведь не нарочно! Я нечаянно тебе на ногу наступил.

— Что мне от твоих извинений! — застонал Заяц.— Остался я теперь без ноги! Как я теперь прыгать буду!

Взял Медведь Зайца и отнес к себе в берлогу. Положил на свою койку. Стал Зайцу лапку перевязывать.

— Ой, ой! — громче прежнего завопил Заяц, хотя ему на самом деле было совсем не так больно.— Ой, ой! Я сейчас умру!

Стал Медведь Зайца лечить, поить и кормить. Утром проснется, первым делом интересуется:

— Ну, как лапка, Косой? Заживает?

— Еще как болит! — отвечал Заяц.— Вчера вроде лучше стало, а сегодня так ломит, что и вовсе встать не могу.

А когда Медведь уходил в лес, Заяц срывал повязку с ноги, скакал по берлоге и распевал во все горло:

Мишка кормит, Мишка поит,
Ловко я провел его!
А меня не беспокоит
Ровным счетом ничего!

Обленился Заяц ничего не делая. Стал капризничать, на Медведя ворчать:

— Почему ты меня одной морковкой кормишь? Вчера морковка, сегодня опять морковка! Искалечил, а теперь голодом моришь? Хочу сладких груш с медом!

Пошел Медведь мед и груши искать. По дороге встретил Лису.

— Куда ты, Миша, такой озабоченный?

— Мед и груши искать! — ответил Медведь и рассказал все Лисе.

— Не за тем идешь! — сказала Лиса.— Тебе за врачом идти надо!

— А где его найдешь? — спросил Медведь.

— А зачем искать? — ответила Лиса.— Разве ты не знаешь, что я второй месяц при больнице работаю. Проводи меня к Зайцу, я его быстро на ноги поставлю.

Привел Медведь Лису в свою берлогу. Увидел Заяц Лису. Задрожал. А Лиса посмотрела на Зайца и говорит:

— Плохи его дела, Миша! Видишь, какой у него озноб?! Заберу-ка я его к себе в больницу. У меня Волк по ножным болезням большой специалист. Мы с ним вместе Зайца лечить будем.

Только и видели Зайца в берлоге.

— Вот он и здоров! — сказала Лиса.— Лучше бы ты его съел!

— Век живи — век учись! А Зайцев я не ем! — ответил добряк Медведь и завалился на свою койку, чтобы как следует отоспаться, потому что все время, пока у него жил Заяц, он сам спал на полу.

Юрий ЯКОВЛЕВ

1

Есть такие мастера
Пионерского костра,
У которых, у которых
Загораются, как порох,
Даже толстые дрова
И горит без разговоров
Прошлогодняя листва.

Ты гори, гори сильнее,
Пионерский наш очаг,
Ты вари обед вкуснее.
Нам никто не сварит так!

2

Если ваш приятель —
Машин изобретатель,—
Пускай он обязательно
Покажет вам чертеж,
Ведь без изобретателя
Чертеж не разберешь.

Как станет знаменитым
Наш друг-изобретатель,
Мы скажем с гордым видом:
— А это наш приятель!

3

Довольно странный человек
Приехал к морю с нами.
Он долго мерил весь Артек
Огромными шагами.

Он слушал в ранние часы
Шершавых листьев трепет,
И волн тяжелые басы,
И рощи легкий щебет.

Он к горну ухо приложил —
Услышал гул свободный.
У барабана одолжил
Веселый ритм походный.

Наверно, было нелегко
Сложить все звуки вместе.
Он улыбнулся широко
И подарил нам песню.

4

Присмотритесь.
Кто мы?
Что мы?
Почему не спим в ночи?
Мы ребята-астрономы
Ловим дальних звезд лучи.

Мы недаром астрономы —
Звезды ходят в гости к нам,
Нам созвездия знакомы,
Знаем все по именам.

У кого быстрее закипит вода?

Витя Красников из Новосибирска — конструктор (второй справа).

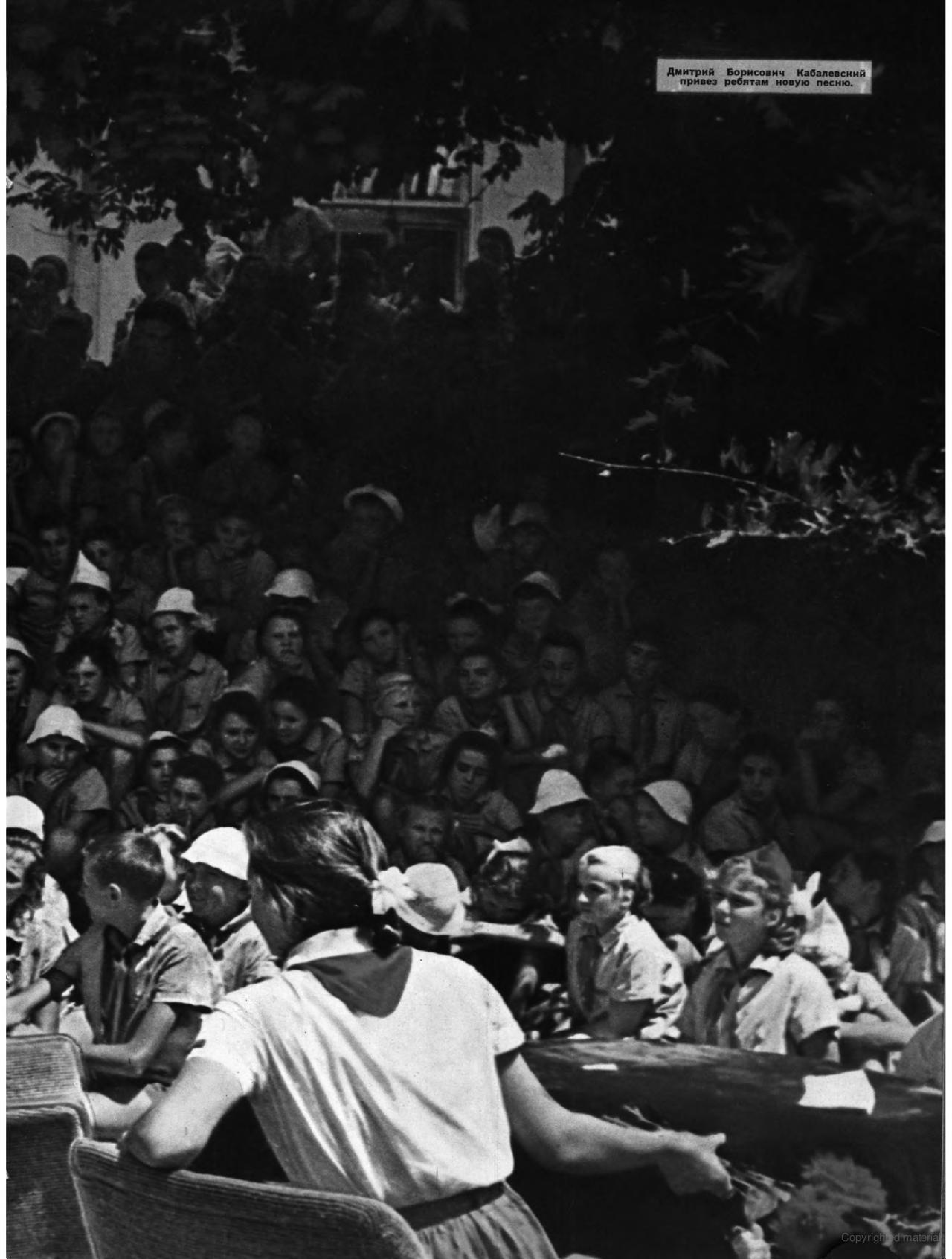
Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Copyrighted material

Copyrighted material

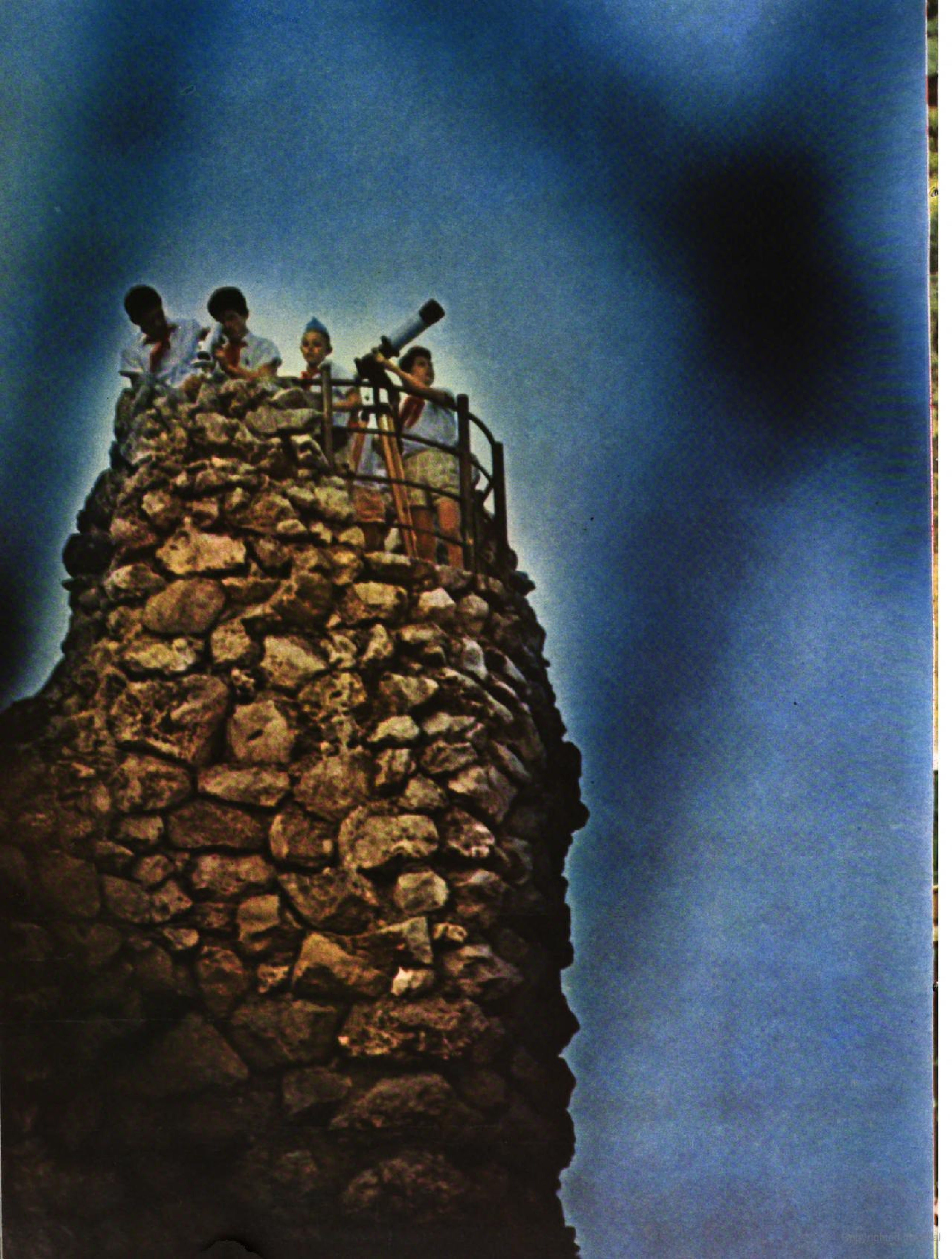

Copyrighted material

Дмитрий Борисович Кабалевский привез ребятам новую песню.

Copyrighted material

Гиблая топь

Три брата Арсеньевы (слева направо): Владимир Клавдиевич Арсеньев; старший брат Анатолий Клавдиевич, капитан кругосветного плавания; младший брат Александр Клавдиевич, участник революции 1905 года, инженер-землемер, писатель и исследователь Дальнего Востока.

Г. ПЕРМЯКОВ

К 90-летию со дня рождения В. К. Арсеньева

Много легенд ходило о страшном Иманском болоте. В нем утонули беглые каторжники, и по ночам их души горят зеленым огнем. В нем затоплена каменная баржа с золотом. Каждую осень на трясину слетается нечистая сила, и тогда бушует гроза и молнии хлещут землю. Из всех небылиц капитана Арсеньева заинтересовал рассказ о каменной черепахе. Она стоит посреди гиблого места, светится ночью, и на ней плита с письменами. Как археолог, Владимир Клавдиевич давно изучал памятники Бохая, древнего царства, стоявшего в Приморье тысячу лет назад. Черепаха, если она действительно стояла на сухом месте болота, могла быть только Бохайской. Влекло его огромное болото и тем, что оно еще не было нанесено на карту.

Жарким июльским днем капитан оставил поселок и рекой отправился на Гиблую топь, как ее называли казаки. Арсеньева сопровождали добровольцы — в лодке сидел чернявый и загорелый казак Сенин и студент Данилов, отдыхавший на Имане, быстрый и горячий человек. Было еще два школьника, влюбленных в веселого и легкого на ногу Арсеньева, который не раз бывал в их поселке.

Серьезный сорокалетний казак не одобрял похода на болото и отправился проводником единственно, чтобы уберечь капитана от несчастья.

— Гиблое место, однако, ваше благородие,— говорил он, налегая на весла.— Дрянь место. Столько душ убрало, что и не перечесть.

— Чтобы люди больше не гибли,— мягко отвечал Арсеньев,— болото надо изучить и положить на карту.

К вечеру следующего дня причалили к цели. Лодку спрятали в густых ивах и направились к болоту. Впереди шел Сенин, около него держались притихшие мальчики. Арсеньев замыкал шествие. Постепенно деревья исчезли, и местность стала ровнее. Потянуло прохладой, сначала свежей и приятной, а затем сырой и тяжелой.

— Топь дышит,— многозначительно сказал казак.

Трясина казалась безобидным полем, заросшим яркими, веселыми кустами осоки, и изящными лентами рогоза, и стройным камышом. Далеко к горизонту уходили бесконечные бородавчатые кочки.

Быстро темнело. Звонко, самозабвенно, с какой-то истерической силой квакали лягушки. Проносились крупные нежно-зеленые ночные махаоны — артемиды. Кротко и жалобно кричала ночная сова: «Ой, сплю! Ой, сплю!»

— Не к добру, однако,— угрюмо бросил Сенин и предложил: — Айда на твердь!

Все вернулись на землю. Потянуло холодной сыростью. Неожиданно болото вспыхнуло голубоватыми огоньками, заиграли неверные, колышущиеся языки мерцающего света.

— Каторжные горят,— со страхом, втягивая в себя воздух, прошептал мальчик.

— Болотный фейерверк! — восхищенно бросил Данилов, стирая ладонью комаров с лица.

— Упыри хороводятся, однако,— не согласился казак.

Владимир Клавдиевич смотрел на вспышки газа, размышляя, отчего на сыром месте так легко самовозгорается фосфористый водород.

Обследование начали утром следующего дня. Нетерпеливый Данилов ел стоя и, не закончив супа, который Арсеньев всегда готовил в походе, стал рваться на трясину.

— На болото пойдем трое,— сказал капитан, худощавый и подтянутый, надевая зеленую шляпу и застегивая рукава гимнастерки.— Надо шесть жердей.

В утреннем солнце болото казалось уснувшим. Неистовствовали комары.

Стоял полный штиль. Владимир Клавдиевич снял бинокль и осмотрел трясину. Кругом, насколько хватало глаз, в лучах солнца блестела роса. Вдали темнели невысокие сопки.

— Ребята,— позвал мальчиков Арсеньев,— вот вам шагомер. Пойдете вокруг болота.

Научив юных исследователей пользоваться шагомером, капитан заставил их повторить инструкцию, дал им продуктов и отправил в обход трясины.

На топь пошли шеренгой в сотне шагов друг от друга, чтобы охватить большее пространство. Данилова поставили в середину. Земля мягко проседала. Идти было приятно, но все портил запах шляма, отдававший гнилой рыбой. Стоило остановиться, как почва садилась и выступала вода.

Однообразие тряской низины нарушали яркие бабочки. Увлекшись царством нежных летуний, Владимир Клавдиевич едва не угодил в зловеще-черное окно.

Только сейчас Арсеньев вспомнил про студента и посмотрел в его сторону, но Данилов исчез.

— Евгений! — крикнул он.

— Данилов! — крикнул казак с другой стороны.— Данилов!

Никто не отвечал.

— Сиганул в окно, однако,— спокойно констатировал Сенин, когда они сошлись.

Владимир Клавдиевич, не теряя ни секунды, связался с Сениным веревкой и начал поиски. Трясина не оставляет следов. Зыбкий, как резиновая подушка, торфяной слой расправляется после шагов, а упругая осока быстро «прянет», как говорят казаки, то есть оправляется от ступившей на нее ноги. У Арсеньева кружилась голова от ядовитого газа.

— Сделаем гать,— предложил Владимир Клавдиевич.

Положив на кочки четыре жерди, они сделали крестообразный настил. Сенин нагнулся и, подставив широкую спину, коротко предложил:

— Айда!

Капитан забрался на проводника и, осмотрев зеленое море травы в бинокль, радостно крикнул:

— Есть!

Подобрав жерди и стараясь не потерять направления, они двинулись по осоке и полосатому рогозу, туда, где Владимир Клавдиевич заметил небольшое пятно. От быстрых шагов торф колебался. Неожиданно впереди возник оазис цветов, обильно заросший лиловыми ирисами и оранжевыми саранками. Сразу за цветами белели чьи-то руки, судорожно ухватившиеся за куст осоки. Арсеньев вышел вперед и крикнул:

— Евгений!

Ответа не последовало. У самого разверстого жерла они увидели страшную картину. Черная, как асфальт, вода угрожающе пузырилась. В ней, запрокинув голову, затянутый илом по плечи,— Данилов. Его сведенный и облепленный шлямом рот широко раскрыт. Опрокинутая фуражка плавала в воде среди круглых листьев ряски. Волосы, уши и лицо юноши покрывал слой жирного торфа. Впадины забрызганных илом глаз смотрели в небо. На плече студента сидела ярко-зеленая лягушка. Забыв о субординации, Сенин немедленно взял командование на себя.

— Гать! — деловито приказал он.

Из жердей и выловленных в окне хворостин немедленно выстелили решетку. Понимая друг друга без слов, Арсеньев и казак легли на живот.

— Вервь! — приказал казак.

Арсеньев быстро отвязал веревку и продел ее под мышки Данилову. Когда он коснулся рук юноши, они были холодны, как лед. «Неужели задохся?» — встревожился Владимир Клавдиевич, замечая кровь на пальцах студента. Руки и голову несчастного густым гомозящимся слоем покрывали раздувшиеся от крови комары.

Обвязав студента, Арсеньев и Сенин принялись тянуть его, но густой липкий шлям не выпускал свою жертву. Под тройной тяжестью капитана, проводника и Данилова жерди врезались глубоко в торф, и вода хлынула фонтаном. Полынья дышала, на шляме вздувались пузыри, как бы говоря: «Наш-наш-наш!» От неосторожного движения Владимир Клавдиевич соскользнул с хворостины и обеими руками по плечи ушел в грязь. Ему показалось, что чьи-то жадные щупальца обвились вокруг него и тянут его в бездну. На лбу Арсеньева выступил холодный пот. Прыгнула лягушка, обдав его брызгами. Со стрекотом пролетел кузнечик. Только сейчас Владимир Клавдиевич заметил, что, несмотря на их усилия, Данилов медленно уходит в тину.

— Перестлать! — вдруг раздался суровый окрик Сенина.

Владимир Клавдиевич отполз назад и принялся тянуть увязшие в иле хворостины. Топь не выпускала их, держа, словно клещами. Все же они переставили палки на новое место и продолжали тащить студента. Наконец холодное тело подалось. Когда вытащили Данилова из окна и отползли с гати, торфяная корка не выдержала и дала трещину. Казак едва не упал в трясину. В голове Арсеньева звенело. На болоте нельзя стоять рядом и двум людям, предстояло же нести Данилова больше километра.

Они обвязали юношу по поясу и, взяв в руки концы веревки, потащили тело прямо по острой осоке. Ухая, колебалась гиблая трясина. Пекло солнце, мучили комары и жажда. Владимир Клавдиевич потерял шляпу. Они падали, вставали и тащили тело по неверной пленке между синим небом и бездонным морем грязи, опять падали и опять поднимались, с трудом обходя окна.

...В тихой заводи с теплой водой обмыли студенту лицо. С трудом расцепив его одеревеневшие руки, Владимир Клавдиевич начал делать искусственное дыхание. Когда Данилов очнулся, его, несмотря на сильную жару, стала бить лихорадка.

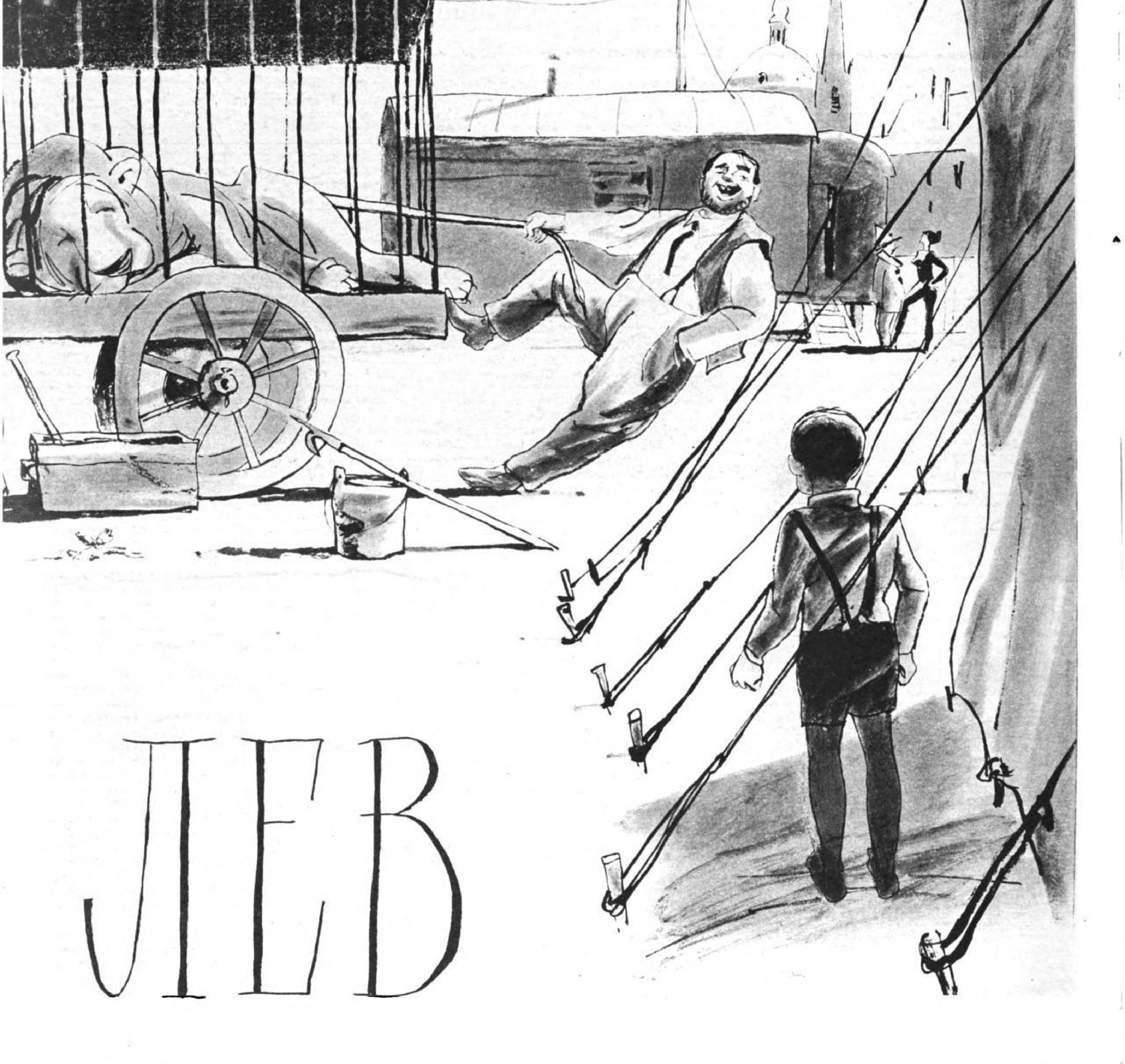
Больного уложили в лодку, и Сенин повез его в поселок. Арсеньев остался ждать мальчиков.

Пять дней лежал Данилов в постели, и все это время Арсеньев и Сенин, связавшись веревкой и держа под мышками длинные жерди, ходили по предательской трясине. Каменной черепахи они не нашли, но коварное болото легло на карту во всех его деталях. Жена Сенина, чернобровая Агафья, рассказывала потом, что когда «студентик опамятовался» и узнал, что «сам» и капитан на болоте, то выскочил из кровати в одном «исподнем» и все норовил убежать на трясину.

1962 г. Хабаровск.

— Выберем планету для нашего космического корабля.

Copyrighted Material

ЛЕВ

Уолтер МЭККИН Рассказ Рисунки Е. ШУКАЕВА.

Тим стоял возле собравшихся в кучку людей и терпеливо ждал появления человека, которого про себя называл Поганцем.

Худые руки Тима заложены за спину и крепко стиснуты. Он совсем еще маленький мальчик. Ходил Тим в коротеньких штанишках, заштопанных и аккуратно залатанных, и в красной фуфайке. Ни носков, ни ботинок на нем не было. Да и время-то было летнее, и пыль только приятно грела босые ноги. Вот уж третий день, как он приходил смотреть кормление цирковых зверей.

Цирк невелик — центральный балаган, и тот ничего особенного. Пестрые афиши полиняли и выгорели под открытым небом. Фургоны при дневном свете выглядят нелепо. Внутри цирка Тим еще ни разу не побывал: все не хватало денег на билет, даже на дневное представление никак не удавалось наскрести. Но все же он добросовестно приходил сюда, наблюдал, как кормят зверей, и потом с надеждой во взоре стоял у входа в балаган. Пока что еще ни одна добрая душа его не заметила и не предложила провести внутрь. Запарившиеся служители просто отгоняли его, если он мешался под ногами.

Но кормление было бесплатным зрелищем. Кто угодно мог приходить и смотреть. Зверинец был небольшой — только львица, да тигр, да несколько мартышек, да еще Самсон.

Самсон — это лев. У его-то клетки Тим всегда и стоял. Лев едва в ней умещался. Когда Тим долго смотрел на эту клетку, у него начинали затекать руки и ноги. Самсон был не из тех львов, что встречаются в книжках или в кино. Грива у него была не пышная, почти вся вылезла, только и оставалось еще волос, что надо лбом да за ушами. Он и не рычал-то как следует. Даже если кому-нибудь удавалось его раздразнить, он только начинал как-то неубедительно ворчать. Знаете, есть у львов такая кисточка на хвосте? Так у Самсона и того не было. Видно, вылезла. Хвост у него был какой-то облезлый, жалкий. И ребра торчали. Неупитанный был лев, что и говорить. Тиму Самсон очень нравился. Он предпочитал его всем остальным: и беспокойно шагающему из угла в угол тигру и лениво позевывающей львице. Он предпочитал его даже мартышкам, хотя мартышки были превеселый народ.

Другие ребята отбежали на дальний конец лужайки. Там появился Поганец со своим ведром. В ведре мясо. Сырое мясо. Ведро сплошь запятнано высохшей кровью и свежей кровью. При виде человека с ведром Тим почувствовал прилив неприязни.

Это был невысокий человек, черноволосый, вечно казавшийся небритым. Одежда на нем была не по росту велика. Брюки спускались

Уолтер Мэккин — современный ирландский писатель. На русском языке вышел его роман «Ветер сулит бурю» и сборник «Зеленые горы». Некоторые рассказы из этого сборника печатались в «Огоньке» в 1957 году. Рассказ «Лев» взят из сборника «God made Sunday» («Господь создал воскресенье»), изданного в 1962 году.

Copyrighted material

гармошкой на обшарпанные ботинки. На шее красовался воротничок, заколотый кокетливой булавкой (отчего воротничок только еще больше топорщился грязными складками), и красный засаленный галстук. В руке он держал шест со стальным наконечником. При виде его Тим почувствовал спазму в желудке. Затем все пошло как по писаному. Человек отодвинул заслонку в клетке с тигром и львицей и сунул в отверстие мясо. С этими он разговаривал в достаточной мере любезно. Они похватали свое мясо и стали есть, зажав его в когтях и припадая к земле. Затем он повернулся к клетке с Самсоном и начал свое представление.

Но до этого Тим успел шепнуть: «Не обращай на него внимания, Самсон. Не обращай на него внимания. Он же некультурный!» Может, Самсон его и слышал. Во всяком случае, он повернул к нему голову и поморгал своими большими глазами и потом снова погрузился в дрему. Чуть ли не против воли Тим обратил взгляд на Поганца.

А тот стоял, согнувшись, как обезьяна,— в одной руке ведро, в другой — шест. Ребята, окружив Поганца тесным кольцом, хохотали над его шутовскими выходками.

— Вот, полюбуйтесь! Лютейший из лютых,— говорил он, наморщив нос и строя Самсону гримасы.— Прямо из африканских джунглей. Ишь, глаза кровью налились! А когти, когти-то как выпустил! Смотрите, близко не подходите, а то как высунет через решетку лапу на полтора метра да как сцапает!..

Он стал бочком, словно крадучись, приближаться к клетке. Тим следил за ним с отвращением. Он знал, что лучшие куски уже ушли из ведра. Самсон никогда не получал ничего, кроме жалких остатков. Ребятишки были в восторге от Поганца. Вслед за ним они изгибались, подкрадывались к клетке, хохотали. Вдруг Поганец подскочил к клетке, просунул между прутьев решетки шест и ткнул им Самсона в бок. Лев подвинулся и будто проворчал что-то. Как следует отодвинуться ему было некуда. Он не зарычал. Не рыкнул даже. Чего бы Тим не дал, чтобы услышать его яростный рев! Нет, он не заревел.

— Видали? — говорил Поганец.— Слыхали, как ревет? Такой мертвого разбудит. Да, страшный зверь, ребятки. Но вы его не бойтесь. Смотрите-ка! — Он бросил ведро и шест, пригнувшись, обежал вокруг клетки и схватил Самсона за хвост. Дернул изо всех сил так, что подтянул льва к задней решетке.— Видали? — орал он.— Единственный в своем роде свирепый зверь в неволе пойман за хвост. Да он взбесится! Смотрите, как он сейчас свою клетку в щепки разнесет.

Тим так сжал кулаки, что ногти вонзились в ладони. Самсон устало поднялся, ссутулясь, потому что размеры клетки не позволяли ему встать во весь рост, дернулся вперед и чуть не потерял равновесие, когда Поганец неожиданно выпустил из рук хвост. Лев стукнулся головой о переднюю решетку. Он не рассердился.

Наверно, потому что старый, подумал Тим. Будь он помоложе, Поганец не посмел бы так с ним обращаться. Он представил себе, как Самсон встречается с Поганцем на прогалине в джунглях. Куражиться над ним Самсон не стал бы, решил Тим. Просто растерзал бы — и дело с концом. Тиму эта мысль понравилась.

Поганец потирал руки.

— Это еще что! — хвастал он.— Мне приходилось дергать за хвост львов на всех континентах. Но этот так уж лют, так лют, что к нему не подходи!

Он не стал отодвигать заслонку, а просто вытащил из петли болт и распахнул клетку настежь. Тиму так хотелось, чтобы Самсон прыгнул на него. Самсон не прыгнул. Поганец ударил его по голове шестом. Глухой звук удара донесся до Тима. Самсон только поморгал глазами и отпрянул назад.

— С ним сегодня каши не сваришь,— сказал Поганец.— Вот вам, барышня, ваш компот.

Он выплеснул из ведра остатки мяса прямо льву в морду. Наверно, лев был смешон с перепачканной мордой. Зрители просто валились от смеха. Ошметки падали с морды на пол клетки.

Поганец захлопнул дверцу и запер клетку.

— Эх! — сказал он.— Никакого от него сегодня толку. И что это за лев такой? Ну, айда к мартышкам!

Все двинулись за ним. Один мальчишка воровато дернул все еще свисавший сквозь прутья решетки львиный хвост и бросился бежать за остальными с криком:

— Эй, ребята, я тоже! Я тоже его за хвост дернул!

Поганец погладил его по голове.

— Молодец! — сказал он.— Вот погоди, вырастешь, укротителем львов станешь.

Они посмеялись. Тим смотрел на Самсона.

— Может, он это не со зла,— шептал он ему.— Ты только на него внимания не обращай. Когда-нибудь он все равно умрет и оставит тебя в покое.

Он почувствовал, как к глазам подступают слезы. «Это потому, что я маленький,— думал он.— Когда котят топят, тоже ведь плачешь».

Самсон принялся умывать морду. На это ему понадобилось время. Потом понюхал лежавшую под ногами еду. Она его не заинтересовала. Он поднял голову и посмотрел на небо.

И вот тут-то Тиму и пришло в голову, что, может быть, Самсон болен. Он знал, что в цирке его не показывают. Только львицу с тигром. Говорили, что его просто держат и возят за собой на племя. И вдруг ему представился начинавшийся за городом лес. Лес был в ложбине между двумя горами, и там, в овраге, журча по камням, пробегал ключ, а лес был большой, и в нем бегали солнечные зайчики. В таком лесу Самсон был бы как дома: там и птички есть, и деревья, и папоротник,— и он поправился бы, и голос у него появился бы, и никто тогда к нему не лез бы, и Поганец не посмел бы его обижать. При этой мысли Тим, встав на цыпочки, потянулся к стальному болту, вытащил его и раскрыл дверь клетки настежь.

— Пошли, Самсон,— сказал он.— Я тебя отведу в одно место. Тебе там понравится. На джунгли, правда, не похоже, но тоже неплохо. Пошли. Ну, пожалуйста, пошли, пока никого нету.

Самсон не шел. Тим подтянулся и грудью лег на пол клетки, с трудом ухватился за остатки гривы на шее льва и потянул к себе.

— Пошли, Самсон,— сказал он.— Пошли.

Самсон сначала заупрямился, но мальчик продолжал тянуть, и он уступил. Ноги Тима снова оказались на земле. Он еще крепко держал льва за холку. И тогда Самсон пригнулся и спрыгнул на землю. Он постоял немного, ощущая подушками лап непривычный грунт. Затем покорно пошел рядом с тянувшим его за гриву мальчиком мимо фургонов, за ворота и на улицу города. Так они преспокойно дошли до центра.

Города давно уже привыкли к тому, что по их улицам может ходить кто и что угодно: люди, всякие хитрые машины, звери, наконец. Сорвавшиеся с привязи лошади, например, только приветствуются и нередко становятся героями дня. Могут расхаживать по улицам и слоны, при условии, конечно, что они состоят в цирке и их водят напоказ. Но случилось так, что в тот день в городе как раз была ярмарка и улица была запружена народом. По обеим сторонам плечом к плечу стояли грузовые машины, и автоповозки, и телеги, запряженные осликами, и телеги, запряженные лошадьми, а владельцы всего этого подвижного состава занимались своими веками узаконенными делами. Если можно вызвать рябь на поверхности пруда, бросив в него камешек, то, бросив булыжник, его можно совсем взбаламутить. Пруд просто взорвется. То же самое случилось теперь с городом, как только первый человек заметил мальчика со львом.

Этим человеком оказалась толстенная бабища с корзинкой в руках. Она посмотрела, еще раз посмотрела, потом уронила корзинку, и разинула рот, и завопила, и повернулась, и побежала, продолжая кричать. Ноги у нее были толстые, и чулки были ей коротки, так что, пока она бежала, зрители могли созерцать грязные красные ленточки, подвязанные над самыми коленями, и голые ляжки.

Потом, конечно, все уверяли, что такую несуразную панику подняла именно эта женщина своими воплями. Если бы не она, никто б и внимания не обратил на мальчишку, разгуливающего со львом. Может, и так. Только, если, идя по улице, вы увидите идущего вам навстречу льва, сомневаюсь, что вы остановитесь с расспросами. У вас мурашки по коже пойдут, во рту пересохнет, волосы на затылке встанут дыбом, и вы кинетесь спасаться бегством. Все на этот раз так и сделали.

Улица, кишевшая народом, опустела, как будто по ней мор прошел. Люди бросались в первые попавшиеся отворенные двери магазинов, расталкивая всех, чтобы пробраться внутрь, и захлопнуть за собой дверь, и затем уж поглядеть на происходящее через стекло. Женщины визжали, мужчины орали — все были объяты паникой. Они заскакивали в машины, судорожно поднимали окна и с позеленевшими лицами выглядывали оттуда. Постыдная страница, но вписать ее необходимо. Лошадей и ослов побросали на произвол судьбы, и те из них, которых не удосужились привязать вожжами к фонарным или телеграфным столбам, в испуге бросились в разные стороны, волоча за собой тяжелые телеги. И много безвестных героев ловили в тот день по окрестностям беглых животных — беда только, медалей за это они так и не получили, тут уж им не повезло.

Тим с торжественным видом шел все дальше и дальше, беседуя с Самсоном, не обращая внимания на смятение и переполох, которые оставлял на пути своего следования. С бойкой торговой улицы он свернул на широкую площадь. Тут было просторнее, и люди успели заранее подыскать себе безопасные убежища, где можно было поразмыслить, что делать дальше.

Полицию же в это дело втянул судья.

Сам он — что греха таить! — кончил тем, что долез до середины столба и так остался сидеть там, крепко обвив его ногами. Мало кто об этом слышал, но впоследствии его жене потребовалось порядком поработать, чтобы вытащить все занозы из его окороков. (Правда, это к делу не относится, но после этого случая его все стали называть не иначе, как русским аристократом,— намек на столбовое дворянство. Тонко, но обидно.) Со своего ненадежного насеста он обратился к народу со словом о том, что, когда нужно, чертовой полиции на месте никогда нет, а потом прикрикнул на какого-то перепуганного обывателя, выглянувшего в окно второго этажа, чтобы тот, бога ради, вызвал полицию, вместо того чтобы стоять идиотом, разинув рот. Судья был взбешен — и не удивительно: ему пришлось сидеть на столбе, пока кто-то не догадался принести лестницу, потому что он не хотел набирать новых заноз; это выяснилось после того, как он заорал в ответ на чей-то неуместный вопрос, что в нем их и так достаточно и что если он наберет еще, то будет плавать в воде, как буек.

Так обстояли дела, когда Тим, дойдя до площади, приостановился и увидел вдруг, какого переполоху он наделал, а также заметил цепочку полицейских, медленно и очень осторожно бравших их с Самсоном в кольцо. Рука его крепче сжала гриву льва. Он остановился, и Самсон остановился и обвел взглядом приближавшихся к нему людей. Лев оскалился и зарычал, и надвигавшаяся цепочка замерла на месте. Полицейские были безоружны, если не считать дубинок, которые они сжимали в руках. Но почти все были уверены, что лев растерзает любого в клочки, не дав и замахнуться. Все были в этом уверены, кроме инспектора — высокого, голубоглазого человека, который подошел вплотную к мальчику и льву, вооруженный одной только тросточкой. Он был не лишен здравого смысла: когда ему сообщили о происшедшем, он позвонил в цирк, чтобы оттуда прислали людей. Уголком глаза он видел их теперь. Они спешили по улице, выходившей на площадь, с веревками и железными прутьями, таща за собой волоком клетку, которую пришлось снять с фургона.

— Спокойно, брат,— сказал инспектор.— Не волнуйся. Ничего страшного не будет. Смотри только, не испугай его.

У Тима во рту пересохло. Там, где Тим жил, полицию не очень-то жаловали. Полицейские то и дело наведывались в их края и вежливенько забирали сыновей то в одной семье, то в другой за всякие там правонарушения. И потом еще он вдруг понял, что это конец

Copyrighted material

его надеждам. Он совсем забыл про город и про полицию. Если бы только он пошел дальними закоулками, может, никто его и не заметил бы. Не видать теперь Самсону леса, грустно думал он.

Поравнявшись с мальчиком, инспектор с удивлением убедился, что тот совсем не боится. Но взглянув внимательнее на льва, понял, что бояться тут, собственно, нечего. А все же кто его знает? Лев был стар, и худ, и беспомощен, но ему достаточно было раз ударить лапой, чтобы от мальчика осталось мокрое место.

Люди надвигались сзади, осторожно, держа веревочные петли наготове.

— Оставь льва и иди ко мне,— сказал инспектор.

Тим помотал головой.

— Нет, нет,— сказал он, и маленькая рука крепче сжала гриву льва.

— Придется тебе все-таки его отпустить. Сейчас его спутают веревками. Придется тебе пойти ко мне.

— Пусть только Поганец его не трогает,— сказал Тим.

Инспектор не понял, о чем речь.

— Ладно,— сказал он.

— До свидания, Самсон,— сказал тогда Тим и погладил льва по шее.

Больше он на него не смотрел. Понурив голову, он подошел к инспектору. Инспектор вздохнул и взял его за руку. Он постоял, пока на льва накидывали веревки и торопливо спутывали его.

Как вздох облегчения, пронесся над толпой смех, послышались разговоры, веселая перебранка. Инспектор заметил черномазого грязного человека, кривлявшегося возле льва, пока того загоняли в клетку. Лев шел послушно, не сопротивляясь, но человек паясничал в угоду зрителям, и они хохотали над его выходками.

— Ну, ладно,— сказал инспектор,— пойдем отсюда. Попробуем-ка разобраться, в чем тут дело.

Надо было видеть, говорили потом люди трезвые, положительные, которые наблюдали эту историю от начала до конца, надо было видеть, как сначала мальчонка со львом перепугали весь город и как потом этот самый махонький мальчонка шел в полицейский участок, окруженный здоровенными молодчиками.

Тиму казалось, что он бредет в синем лесу. Все, что он видел,— это синие ноги, похожие на стволы деревьев. Но инспектор ласково вел его за руку, и теперь он уже не боялся, как вначале, и сердце у него так не стучало. Может, инспектор догадался, каким потерянным он себя чувствовал, потому что скоро Тим очутился в маленькой комнате, в которой не было ничего, кроме письменного стола и пылающего камина, и никого, кроме инспектора, уже не казавшегося больше таким высоким сейчас, когда он уселся на стул.

— Ну вот, Тим,— сказал он.— Расскажи-ка мне теперь. Это ты открыл клетку?

— Да,— сказал Тим.

— Зачем? — спросил инспектор.

— Хотел в лес его отвести,— сказал Тим,— чтобы он поправился и чтобы Поганец его не мучил.

— Что это еще за Поганец? — спросил инспектор.— И как он его мучил?

Тим рассказал о Поганце.

— Понятно,— сказал инспектор.

— Самсон же хворает,— сказал Тим.— Вы бы его видели! Он и не рычит и ничего такого. А надо бы. Надо бы ему съесть Поганца. А он ничего. Только сядет и сидит, когда тот его палкой тычет, и за хвост дергает, и еще не знаю как обижает. Понимаете, Самсону в лес надо, чтоб поправиться.

— Понимаю,— сказал инспектор. Он взял телефонную трубку и назвал номер. Он ждал, постукивая по столу карандашом. Глаза у него стали жесткими. Тиму снова сделалось страшно.— Это ты, Джо? — спросил инспектор.— Да, я. Мне нужно, чтобы ты был здесь минут так через десять. Захвати с собой знаменитый чемоданчик. Да, тогда объясню. Срочное дело.

Он повесил трубку. Потом нажал кнопку звонка и принялся писать строчку за строчкой на листке бумаги. Вошел еще полицейский.

— Вот,— сказал инспектор.— Сходи-ка ты к судье, тут за углом, и дай ему подписать вот это.

Полицейский ушел.

— Ну, хорошо, Тим,— сказал инспектор.— Пошли пока что на улицу, подождем Джо.

— А что вы со мной сделаете? — спросил Тим.— Меня теперь в тюрьму посадят, да?

— Нет, Тим,— сказал он,— никаких тюрем. С другой стороны, и медали тебе тоже не будет. За такие добрые дела медалей, брат, не раздают. Ну, пошли.

Он снова взял мальчика за руку и вывел его коридором на залитый солнцем двор. Тут они увидели полицейских, которые, сняв мундиры, играли в мяч. Они постояли, посмотрели на игру, пока не услышали автомобильный гудок. Тогда они вышли на улицу. Инспектор открыл дверцу автомобиля и пропустил Тима вперед. За рулем сидел грузный, краснолицый человек.

— Здорово, Джо! — сказал инспектор.— Это Тим, мой приятель.

— Здравствуй, Тим,— сказал Джо.— Рад, что среди приятелей инспектора попадаются и приличные люди.

Тут появился запыхавшийся полицейский и просунул в окно ту самую бумагу.

— Как он, не сопротивляется?

— Какое там! — засмеялся полицейский.— Он на улице был, когда это случилось. Говорят, ему на столб пришлось залезть. Теперь весь в занозах. Говорит, что подпишет приказ, чтобы заодно и весь цирк сожгли.

Инспектор засмеялся.

— Превосходно. Так едем, Джо.

Автомобиль покатил.

— Что это у вас тут за история со львом? — спросил Джо.— Все об этом только и говорят.

— Это как раз тот лев, к которому ты едешь,— сказал инспектор. И пояснил Тиму: — Джо у нас ветеринар. Он животных лечит, все равно, что доктор людей.

Тим заинтересовался этим сообщением.

— Правда? — сказал он.— А вы Самсона вылечите?

— Вылечит, Тим, не сомневайся,— сказал инспектор.

Джо хотел было что-то возразить, но заметив, как инспектор мигнул, промолчал. Автомобиль остановился у входа в цирк. Жизнь города тем временем вошла уже в норму.

— Ты обожди здесь, Тим,— сказал инспектор.— Мы сейчас.

Они ушли. Тим опустил окно. До него донесся запах цирка. Ему больше не хотелось туда.

Джо посмотрел на Самсона.

— Как, по-твоему? — спросил инспектор.

— Боюсь, что да,— сказал Джо.

— Погоди-ка здесь,— сказал инспектор. Он отыскал владельца и предъявил ему подписанный ордер.

— Вы не имеете права! — запротестовал тот.— Это произвол. Самый нормальный лев, а вы... Просто потому, что какой-то шалый мальчишка выпустил его... Это еще не причина. Ну-ка, Альфонс, поди сюда. Вот он вам скажет. Он их кормит. Ты же знаешь, что Самсон ничем не болен. Ведь не болен?

— Здоров, как лев,— хихикнул Альфонс.

— Ты Поганец! — вырвалось вдруг у инспектора. Он вспомнил, как живо описывал его мальчик.— Ты паршивый грязный садист,— сказал он.— И если тебя не растерзает когда-нибудь лев, то какой-нибудь порядочный человек морду тебе все-таки набьет.

Поганец разинул рот от удивления.

Владелец вступился.

— Ну, ну,— сказал он,— какое вы имеете право?..

— А вы этого молодца к своему зверинцу лучше не подпускайте,— сказал инспектор и пошел прочь от них.

Джо был возле клетки. Он прятал в коробку шприц. Самсон лежал, вытянув закоченевшие лапы. Грудь его больше не вздымалась.

Они посмотрели на мертвого льва.

— Его давным-давно нужно было усыпить,— сказал Джо.

— Бедняга,— сказал инспектор. Он просунул руку через прутья клетки и погладил Самсона.— Это тебе от Тима, Самсон,— сказал он, и они пошли обратно к автомобилю.

Сели на свои места. Они заметили, что Тим совсем притих.

— Что случилось? — спросил он.

Джо включил мотор. Инспектор положил руку мальчику на плечо.

— Самсон ушел обратно в лес, Тим,— сказал он.— Ты поглядывай. Когда-нибудь, когда будешь гулять в лесу, может, и увидишь, как Самсон на солнышке греется.

— Отдыхает на мягкой травке,— сказал Тим с радостным волнением.

— Вот именно,— сказал инспектор.

Перевела с английского М. Миронова.

ЗЕМЛЯКИ

Альберт АДАМОВ

Мне сегодня приснилась родина.
Край мой солнечный, край тепла!..
Там вчера еще кровь смородины
по румяным губам текла.

Там вчера еще, там вчера еще...
Все известно наперечет.
Кровь кержацкая, обновляющая
по российским жилам течет!

Земляки, я вас очень вижу.
Вы такие ж, как я,— в соли.
Сочиняете спелые вишни.
Дорабатываете сады.

Земляки, богатырская лепка!
И земля на груди лугов
выдает вам в разгаре лета
ордена зеленых стогов.

Росы керженские — по коже.
Взгляды девичьи — по душе.
Как на сказочный сон похожи
эти шепоты в шалаше!

Свадьбы, ряженицы, молодые...
Пьют, как воздух, столетний мед!
В девятнадцать от молотилок
едут парни учить пулемет.

Парни честные, парни сильные.
Парни — каждый на подвиг готов.
Уезжают читать Россию
По азбуке городов.

Магадан.

С. С. СМИРНОВ

ГОСПИТАЛЬ В ЕРЕМЕЕВКЕ

Среди многих писем, полученных мною в 1957—1958 годах после серии передач по радио с рассказами о поисках героев Брестской крепости, было письмо медицинской сестры Оксаны Трофимовны Романченко из села Веприк, Гадячского района, Полтавской области. Из него я и узнал впервые краткую историю госпиталя в Еремеевке. Позднее я рассказал об этом госпитале по радио, и тогда пришли десятки новых писем от многочисленных участников и очевидцев событий. С некоторыми из них мне потом довелось встретиться лично, а года три назад я побывал в селе Еремеевке, близ Кременчуга, где и сейчас живет несколько действующих лиц моего рассказа.

Теперь все обстоятельства этой истории вполне ясны, и я могу описать ее со всеми подробностями.

...В сентябре 1941 года, после упорных боев на подступах к Киеву, советские войска оставили столицу Украины и отошли на левый берег Днепра. Но противник продолжал наступление. Две мощные танковые группы немцев, прорвав нашу оборону на флангах фронта, проникали все дальше на восток. Клинья танкового прорыва сходились все ближе и сомкнулись в районе городов Ромны и Лохвица. Основные силы Юго-Западного фронта оказались во вражеском кольце.

В центре всех событий тех дней оказалось большое село Оржица, Полтавской области, и прилегающий к нему район.

Оржица раскинулась на берегу реки того же названия. Один берег высокий и крутой, а другой — низменный, болотистый. Болота тут гиблые, непроходимые, особенно во время осенних дождей. Тянутся они далеко на восток, и единственная дорога здесь пролегала по гребню широкой и длинной земляной дамбы, построенной как мост через эти топи. Вся масса наших войск, сдавленных в тугом вражеском кольце, устремилась сюда, на дамбу, надеясь вырваться из окружения, но путь этот практически был уже закрыт.

Фашистские орудия и пулеметы держали дамбу под непрерывным огнем, и она на всем протяжении была усеяна сгоревшими или подбитыми машинами, опрокинутыми повозками, трупами людей. Но каждый день все новые отряды окруженных шли на прорыв по этой дороге смерти или пытались пробраться к своим напрямую, через болота. Лишь немногим это удалось, большинство же погибало под вражеским огнем, тонуло в глубокой трясине или попадало в плен. И наступил день, когда кольцо сжалось до предела и в Оржице уже не было наших войск: все, кто мог ходить, даже легко раненные, ушли на прорыв.

Но и после этого часть села оставалась недосягаемой для немцев. На окраине у высокого берега, изрытого окопами и траншеями, продолжался бой. И когда немецкие разведчики донесли своему командованию, кто ведет этот бой, фашистские генералы не сразу поверили: слишком уж невероятным казалось донесение. Там, в окопах над рекой, залегли советские бойцы и командиры, которые физически не могли уйти вместе со своими товарищами — люди, тяжело раненные или раненные в ноги.

Одни из них уже не были способны передвигаться и только стреляли, лежа на месте. Другие еще были в состоянии ползать и под прикрытием огня товарищей пробирались к окраинным улицам деревни, где стояли брошенные обозные повозки, нагруженные патронами, и так же ползком возвращались обратно, волоча за собой тяжелые патронные ящики или куски мяса, отрезанные от туш убитых лошадей.

Здесь, на этой выгодной позиции, можно было продержаться долго, и раненые приняли решение дорого продать свою жизнь — погибнуть в бою, но не сдаться в плен. Обреченные на смерть, истекающие кровью, обмотанные грязными бинтами, из последних сил сжимающие в руках приклад винтовки или рукоять пулемета, лежа под бесконечным осенним дождем на раскисшей земле, в залитых водой окопах, эти люди уже спокойно смотрели навстречу своей неизбежной судьбе и старались не поддаваться унынию. Они даже смеялись и шутили. Они окрестили свою высокую удобную позицию «галеркой», а противоположный, низкий берег — «партером», и как только на этом «партере» или же со стороны деревни показывались зеленые цепи атакующих немцев, меткий огонь раненых вычесывал ряды гитлеровцев и заставлял их снова залечь.

Неравная борьба продолжалась несколько дней. Рассказывают, что самолеты, летая на бреющем над берегом, разбрасывали листовки, отпечатанные на машинке в немецком штабе. «Безногие солдаты Оржицы! — говорилось в этих листовках.— Ваше сопротивление бессмысленно. Немецкая армия вступила в Москву и в Петербург. Красная Армия разбита. Спасайте свою жизнь и сдавайтесь в плен. Немецкое командование немедленно обеспечит вас протезами и питанием».

Из окопов отвечали огнем, который, впрочем, слабел с каждым часом. Сопротивление прекратилось, когда почти все защитники «галерки» были убиты. Лишь несколько «безногих солдат Оржицы», еле живых, лишившихся сознания, попало в плен.

Так закончилась трагедия на Левобережном Приднепровье. Начало нашего рассказа относится к последним ее дням.

Неподалеку от Оржицы лежит другое большое село — Крестителево. Противник овладел им после упорного боя, и цепи немецкой пехоты, методически прочесывая одну улицу за другой, вышли к окраине села, где на отшибе от хат стояло несколько длинных колхозных сараев. Опасаясь засады, автоматчики приближались к ним осторожно, недоверчиво, время от времени выпуская очереди по этим постройкам.

И тогда в дверях одного из сараев появился человек. Он по-немецки закричал солдатам, чтобы они не стреляли, потому что в сараях находятся только раненые.

Человек был высокого роста, широкоплечий, сильный. Он носил гимнастерку командира Красной Армии, но без знаков различия на петлицах. На голове у него был кожаный летный шлем. Раненный, он заметно прихрамывал, опираясь на палку.

Когда автоматчики прекратили огонь, этот человек, припадая на раненую ногу, пошел навстречу фельдфебелю, который командовал немецким отрядом. Выбросив вперед вытянутую руку, он по всем правилам отдал фашистское приветствие, гаркнул: «Хайль Гитлер!»,— а потом на превосходном немецком языке объяснил: он врач и просит отвести его для переговоров к кому-нибудь из старших офицеров. Спокойные, уверенные манеры незнакомца и отличное знание языка произвели на фельдфебеля впечатление, и он приказал одному из солдат проводить русского врача в штаб части.

Оказавшись перед старшими немецкими офицерами, человек отрекомендовался доктором Леонидом Андреевичем Силиным. Поздравив их с победой, он недвусмысленно дал понять, что радуется успехам германских войск и сам является ярым сторонником немцев. Потом он сказал, что обращается к немецкому командованию с просьбой разрешить ему организовать госпиталь для раненых советских пленных.

По его словам, он уже собрал в сараях на окраине Крестителева несколько десятков бойцов и командиров, получивших ранения, а кроме того, на полях вокруг села лежит много тяжело раненных людей, и им по международным законам следует оказать медицинскую помощь.

Доктор Силин просил позволить ему отобрать из попавших в плен русских группу врачей, медицинских сестер и санитарок, чтобы с их помощью перенести лежащих под открытым небом тяжело раненных в сараи на окраине Крестителева и там создать нечто вроде госпиталя.

Русский врач явно понравился немцам. Несколькими вскользь брошенными словами он сумел польстить их самолюбию, его почтительный, даже заискивающий тон был приятен им. А когда в ответ на вопрос «Откуда вы знаете так хорошо немецкий язык?» доктор Силин ответил, что его мать была чистокровной немкой, он окончательно расположил офицеров в свою пользу. Командир позвонил по телефону генералу, и разрешение на организацию госпиталя было дано. Но при этом немцы поставили врачу несколько категорических условий.

Во-первых, Силина предупреждали, что он понесет самую строгую ответственность, если кто-нибудь из его будущих подчиненных или пациентов попытается бежать из плена. Во-вторых, ему запрещалось подбирать с поля боя и принимать в свой госпиталь тяжело раненных коммунистов, командиров Красной Армии, евреев и русских. Он имел право оказывать медицинскую помощь только беспартийным, украинцам по национальности и в звании солдата или сержанта. В-третьих, немецкое командование ставило в известность врача, что оно не намерено снабжать будущий госпиталь продуктами питания, медикаментами — все это Силину и его помощникам предстоит добывать самим.

В ответ доктор рассыпался в похвалах великодушию гитлеровцев, заявил, что все поставленные ему условия будут точнейшим образом выполнены, и просил разрешения немедленно приступить к делу. Немецкому офицеру поручили сопровождать Силина, и он вместе с ним отправился в ближайший лагерь для советских военнопленных, чтобы там подобрать медицинский персонал будущего госпиталя.

... Лагерь для пленных находился неподалеку от Крестителева. Это был большой участок земли, огороженный колючей проволокой, и там под открытым небом, с которого день и ночь сыпался мелкий осенний дождь, в холоде, голоде и грязи томились десятки тысяч человек. Здесь оказался и медицинский персонал захваченного гитлеровцами полевого госпиталя одной из наших армий. Разыскав группу медицинских сестер и санитарок, Силин представился им и предложил работать в госпитале.

— Предупреждаю, девушки, работать придется много и тяжело,— сказал он.— Я буду строго требовать от каждой из вас добросо-

Copyrighted material

Леонид Андреевич Силин.

вестного выполнения обязанностей. Но вы медики, а на полях сейчас умирают от тяжелых ран сотни наших людей. Этим,— он кивнул на сопровождавшего его офицера,— на них наплевать, а мы с вами должны спасти их от смерти, сохранить для Родины.

Девушки, истомившиеся за несколько дней в лагере, с радостью приняли это предложение. Потом Силин отправился разыскивать врачей. В новом госпитале согласились работать пожилой опытный хирург из Одессы Михаил Александрович Добровольский, хирурги Михаил Салазкин из Москвы и Николай Калюжный из Киева, женщины-врачи Федорова, Молчанова и другие. Силину даже удалось уговорить немцев отдать ему из лагеря двух обреченных на смерть евреев — ростовского хирурга Портнова и днепропетровского окулиста Геккера. Ему разрешили взять их на работу в госпиталь при условии, что они тотчас же будут расстреляны, как только все раненые окажутся вылеченными.

В тот же день врачей и медицинских сестер выпустили из лагеря, и Силин собрал весь персонал своего госпиталя в одном из сараев на окраине Крестителева.

Он предупредил, что никто не должен пытаться бежать, иначе немцы расстреляют его самого, а с ним, может быть, и других. Потом он заявил, что назначает главным врачом госпиталя доктора Михаила Добровольского, и каждый из хирургов получил в свое ведение «палату» — один из сараев. В заключение Силин рассказал о том, какие жесткие требования поставили немцы в отношении раненых.

— Мы должны брать **всех** тяжело раненых,— пояснил он.— Но в нашем госпитале не должно быть ни одного коммуниста, командира, еврея или русского. Надеюсь, ясно, что я имею в виду?

Он так многозначительно сказал это, что все поняли его без дальнейших объяснений. И тут же врачи и сестры, вооружившись примитивными носилками, отправились в окрестные поля искать тяжело раненных. Они подбирали подряд всех, кто нуждался в помощи, и никого ни о чем не спрашивали. Но когда раненых приносили в сарай и регистратор заносил их имена в госпитальный журнал, биографические данные претерпевали существенные изменения. Иванова записывали в книгу учета как Иваненко, Семенова — как Семенюка. Если человек был командиром Красной Армии, с него тотчас же снимали офицерскую гимнастерку и взамен надевали солдатскую, а в списке он значился как солдат или сержант. И спустя два или три дня, когда в госпитале было уже несколько сот раненых и Силин представил немецкому командованию список своих пациентов, там не было ни одной русской фамилии, не было ни одного командира, еврея или коммуниста. Немцы остались весьма довольны: врач дотошно выполнил их требования.

Ни о койках, ни о постельных принадлежностях не приходилось и мечтать. Раненых укладывали прямо на соломе, расстеленной на земляном полу сараев, стараясь положить их так, чтобы сквозь дырявые соломенные крыши на них не лил дождь. В госпитале не было никакого оборудования, не было лекарств и перевязочных средств. Силин с врачами отправился на поле недавнего сражения. Они осматривали брошенные обозные повозки, санитарные фургоны, госпитальные машины и искали бинты, медикаменты, медицинский инструмент. Кое-что они нашли. И хотя медсестрам приходилось, меняя перевязки, стирать бинты и снова пускать их в дело, хотя лекарств было недостаточно, а врачи при операциях порой должны были по очереди пользоваться одним и тем же инструментом,— все же эти находки дали возможность оперировать и лечить людей.

Надо было подумать о питании раненых. Силин со своими помощниками пошел в Крестителево, в окрестные села. Они обходили хату за хатой, беседовали с колхозниками, рассказывали им о госпитале и просили добровольной помощи. И все отзывались на эти просьбы с величайшей охотой: кто давал кринку молока, кто несколько караваев хлеба домашней выпечки, кто добрый кусок сала, кто ведро картошки или других овощей. Конечно, так нелегко было прокормить несколько сот человек, но все же люди были спасены от голодной смерти, обеспечены кое-каким лечением и мало-помалу начинали поправляться. На примитивных, грубо сколоченных операционных столах врачи госпиталя при тусклом, колеблющемся свете коптилок ухитрялись делать сложные операции. Особенно славился своим искусством хирург Михаил Добровольский — немецкие военные медики нередко приходили в сарай, чтобы посмотреть на его операции, и громко выражали свое восхищение.

...Силин как-то сразу сумел установить самые тесные, приятельские отношения и с офицерами гитлеровской воинской части и с чинами организованной в Крестителеве немецкой комендатуры. Он заметил, что большинство фашистов падко на похвалы в свой адрес, и, пользуясь этим, расточал им самую грубую лесть, которая иногда даже коробила его товарищей-врачей. Вдобавок он был веселым собутыльником и знал массу забавных анекдотов, которые мастерски рассказывал, часами заставляя немцев надрывать животы от хохота. Офицеры удивлялись тому, как он хорошо знает их язык, и порой признавались, что Силин говорит по-немецки лучше, чем они сами. Кроме того, им нравилась суровая дисциплина, которую русский доктор установил в своем госпитале, им нравилась его властная, требовательная манера обращения с подчиненными.

Наши врачи и раненые с недоумением и недоверием наблюдали за этим непонятным для них человеком. С одной стороны, все понимали, чем они обязаны ему, знали, что он спасает их от смерти, избавляет от тяжких страданий в гитлеровских лагерях для военнопленных. Они поражались его изобретательности, энергии, выдающимся организаторским способностям. С другой стороны, поведение Силина, казалось, характеризовало его как верного фашистского прихвостня. Стоило ему появиться в госпитале в сопровождении немцев, как он набрасывался с ругательствами на врачей и медсестер, грубо кричал на раненых, высказывал явное презрение к советским людям и тут же всячески заискивал перед гитлеровцами, подобострастно принимал их снисходительные похвалы, сыпал в ответ комплиментами, рассказывал анекдоты и сам дружески смеялся вместе с офицерами. Зато, приходя один, он становился другим—заботливым, ласковым с ранеными, товарищески дружелюбным с врачами.

Поведение начальника госпиталя было таким противоречивым и странным, что многие врачи и раненые долго относились к нему с настороженностью, подозрением и считали его предателем. Другие недоумевали: какое же лицо Силина является подлинным и какое — только маской? Третьи уже начинали понимать, что он ведет с врагом тонкую и опасную игру.

К этому времени кое-кто из врачей, и прежде всего Михаил Добровольский, который как главный хирург чаще других общался с начальником госпиталя, стали подозревать, что Силин не тот, за кого он себя выдает. Добровольский обратил внимание на то, что он никогда не осматривает раненых один, а всякий раз делает это в сопровождении кого-нибудь из врачей. Ни разу не случалось так, чтобы Силин сам поставил диагноз или оспаривал заключения врачей.

Был ли этот человек медиком? Несколько раз, чтобы незаметно проверить свои подозрения, Добровольский, совершая обход раненых вдвоем с Силиным, нарочно высказывал суждения, самые нелепые с точки зрения медицины, и всегда Силин соглашался с ним. В конце концов хирург понял, что его начальник не имеет специального образования, ничего не понимает в медицине, но более или менее ловко скрывает это свое незнание.

Лишь спустя некоторое время, когда Силин присмотрелся к главному хирургу и понял, что может вполне доверять этому человеку, он однажды в дружеском разговоре с Добровольским чистосердечно признался в своем обмане. Да, Леонид Андреевич Силин вовсе не был врачом. Юрист из Москвы, он пошел добровольно на фронт, стал секретарем и членом военного трибунала одной из наших стрелковых дивизий, которая попала в окружение неподалеку от Крестителева, а оказавшись в плену, решил спасать раненых и выдал себя за медика. В его жилах вовсе не было немецкой крови, как он уверял в этом немцев, а превосходное знание языка объяснялось весьма просто. Силин родился в Риге в семье мелкого служащего и вырос в том районе города, где жило много немецких семей. С детства, играя вместе с немецкими ребятами, он в совершенстве изучил их язык и свободно владел им.

Он был активным комсомольцем, служил на флоте, в Севастополе, а потом из-за тяжелой болезни сердца его начисто освободили от военной службы. Перебрался в Москву, работал на заводе «Шарикоподшипник» и одновременно поступил на заочное отделение Московского юридического института. По окончании института служил в Москве как юрист, а когда началась война, вступил добровольцем в армию. Но вскоре его демобилизовали: скрыть от врачей болезнь сердца не удалось. С большим трудом он добился, чтобы его вторично послали на фронт, в дивизионный трибунал. Силин рассказывал, что в Москве у него осталась жена Анна и двое маленьких сыновей — Леонид и Геннадий, о которых вспоминал с любовью и тоской. Он признался хирургу, что всей душой ненавидит гитлеровцев и его поведение в их кругу было только ловкой игрой.

Copyrighted material

С этих пор Силин и Добровольский стали близкими друзьями и уже не скрывали друг от друга ничего. По просьбе Силина хирург начал заниматься с ним по вечерам медициной, чтобы начальнику госпиталя, чего доброго, в критический момент не пришлось попасть впросак перед немцами. И Силин теперь никогда не упускал случая щегольнуть перед немецкими врачами своими медицинскими познаниями.

Дружба Силина и Добровольского укрепилась еще больше благодаря одному происшествию. Случилось так, что опасно заболел один из эсэсовцев немецкой комендатуры Крестителева. У больного был гнойный аппендицит, который перешел в воспаление брюшины. Немецкий врач заявил, что он отказывается делать операцию: случай был, по его мнению, безнадежным. Тогда комендант Крестителева обратился за помощью к Силину. Тот сразу же понял, какие выгоды сулит это дело в случае успеха, и кинулся к Добровольскому.

— Ты должен спасти этого эсэсовца. Это для нас очень важно,— убеждал он хирурга.

И хотя случай был очень тяжелый, действительно почти безнадежный, и риск слишком велик, все же Добровольский сделал операцию, и она оказалась успешной. Эсэсовец выздоровел. Гитлеровцы были поражены искусством русского врача, и по просьбе Силина комендант тут же выдал Добровольскому бумагу, в которой от имени оккупационных властей объявил хирургу благодарность за спасение жизни немецкого солдата. Этой бумагой Силин потом ловко пользовался в интересах госпиталя, а значительно позднее, уже через год, она спасла от расстрела самого Добровольского.

И, может быть, именно благодаря этой успешной операции немцы не расправились с госпиталем Силина, когда вскоре случилось другое и на этот раз уже весьма неприятное происшествие. Из госпиталя, нарушив уговор, бежал один фельдшер.

Как только это стало известно, явился немецкий комендант с солдатами. Весь медицинский персонал во главе с Силиным был выстроен около сараев, и комендант сказал, что за совершенный побег будет расстрелян каждый пятый. Все свое влияние и красноречие Силину пришлось употребить, чтобы отговорить немцев от такого намерения. В конце концов они вывели из строя другого фельдшера, привязали его к дереву и расстреляли на глазах у товарищей. А комендант заявил, что отныне в госпитале вводится круговая порука. Все врачи, медсестры и раненые были поделены на пятерки и предупреждены, что, если один из пятерки убежит, остальные четверо будут расстреляны.

Эта расправа окончательно убедила Силина в том, что госпиталю нельзя оставаться в Крестителеве. Большое село, лежащее на перекрестке дорог, оно всегда было полно немцев, здесь находились комендатура и жандармерия, а такое соседство не сулило ничего доброго. Силин уже давно говорил Добровольскому, что надо бы разместить госпиталь где-нибудь в стороне от больших дорог, подальше от оккупационных властей.

Перед немецкими властями можно было выдвинуть весьма основательный предлог для такого переезда. Госпиталю пора было подумать о зимних квартирах. Стояла поздняя осень, холодные утренники предвещали близкую зиму, и оставаться дольше в неотапливаемых сараях с дырявыми соломенными крышами было просто невозможно. Силину наконец удалось доказать это коменданту, и тот разрешил ему съездить в Кременчуг к высшему немецкому начальству.

Связи и знание языка помогли Силину добиться успеха. Ему разрешили поискать в окрестных селах подходящее помещение для госпиталя, и он после многодневной поездки нашел место, которое отвечало его замыслам,— село Еремеевку.

Еремеевка лежала в стороне от больших проезжих дорог, почти на самом берегу Днепра. Так как она находилась на отшибе, то здесь не было ни комендатуры, ни жандармерии и единственным представителем немцев являлся староста Мамлыга, осуществлявший свою власть с помощью нескольких полицаев — жителей того же села. До войны село было богатым: несколько колхозов, рыболовецкая артель,— и, поскольку немцы показывались тут сравнительно редко, жители Еремеевки пострадали от оккупации меньше, чем крестьяне других сел. Значит, Силин мог надеяться, что ему удастся наладить бесперебойное снабжение госпиталя продуктами. И главное, тут было очень подходящее для госпиталя помещение — двухэтажное кирпичное здание бывшей школы. Словом, это село оказалось для Силина тем местом, которое он искал.

Он заручился согласием старосты, получил в Кременчуге разрешение на переезд и, вернувшись в Крестителево, тут же начал готовить раненых в дорогу. В последних числах ноября длинный конный обоз госпиталя двинулся в двухдневный путь из Крестителева в Еремеевку.

На новом месте раненых ждала трогательная встреча. Заранее извещенные о приезде госпиталя, колхозники толпой собрались у здания школы. Многие принесли с собой гостинцы, и специально к этому дню не одна еремеевская хозяйка напекла пирогов. Как только обоз въехал на школьный двор, женщины бросились к повозкам, начались расспросы, проливались слезы сочувствия и радости. При этом раненым насовали столько всяческой снеди, что в дело пришлось вмешаться врачам. Встреча взволновала всех и заставила раненых как бы забыть на время и о своем беспомощном состоянии и о том, что они находятся во власти оккупантов, словно эти люди сегодня снова попали на родную, свободную советскую землю.

Для жителей Еремеевки приезд госпиталя тоже был лучиком света в мрачном царстве гитлеровской оккупации. Эти израненные люди в красноармейских гимнастерках были для них напоминанием о прежней довоенной жизни, напоминанием о родных и близких, ушедших на фронт.

Теперь палаты госпиталя размещались в теплых, просторных и светлых классах двухэтажной школы. Сначала, как и в Крестителеве, раненых положили просто на солому, расстеленную на полу. Но Силин достал у крестьян кровати, организовал изготовление деревянных коек, а затем появились соломенные тюфяки, подушки и, наконец, даже постельное белье. При этом Силин, показывая пример подчиненным, продолжал спать в своем кабинете на соломе, накрывшись шинелью. Так было до тех пор, пока каждый из раненых, а за ними и все врачи и медицинские сестры не были обеспечены кроватями и бельем. Только тогда он разрешил поставить и в своем кабинете кровать.

Что же касается питания раненых, то в Еремеевке благодаря помощи колхозников оно стало таким обильным, что это даже приходилось скрывать от немцев. Если в обеденное время в госпиталь приезжал какой-нибудь представитель оккупационных властей, то Силин тут же подавал незаметный сигнал в кухню, и начальство, обходя палаты, видело, что раненым разносят на обед какую-то сомнительную и мутную похлебку, напоминавшую лагерную баланду, и скудную порцию жидкой каши. Но как только начальство уезжало, в палатах снова появлялись и молоко, и жирный, наваристый борщ, и густая каша с мясом. Хорошая, сытная пища в сочетании с заботливым уходом и лечением способствовали тому, что раненые начинали быстрее поправляться.

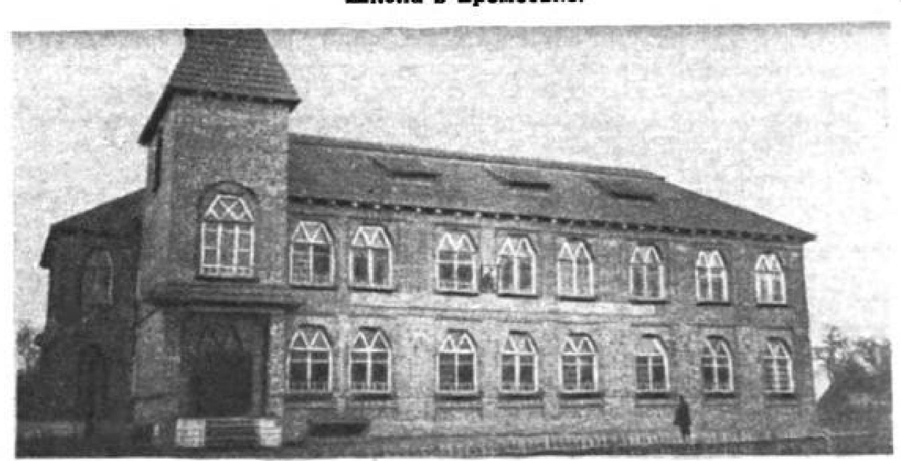
Но здесь возникала другая опасность. Как только человек выздоравливал, его немедленно надо было отправлять в лагерь для военнопленных в Кременчуге, где, как было известно, ежедневно сотни людей умирали от голода, тифа, где за малейшую провинность виновного ждали побои, а то и пуля охранника. Спасти людей от смерти в Еремеевке, чтобы обречь их на гибель в Кременчуге,— это вовсе не входило в намерения Силина. И до поры до времени ему ловко удавалось водить гитлеровцев за нос.

Иногда немцы присылали в госпиталь комиссию, которая должна была определить, кто из раненых выздоровел и может быть переведен в лагерь. И каждый раз повторялось одно и то же: членов комиссии встречал сам Силин, изливался перед ними в любезностях, сыпал шутками, анекдотами и первым делом вел к себе в кабинет. Вызвав своих помощников, он вполголоса давал им какие-то распоряжения, и вскоре на столе в кабинете появлялись бутылки с самогоном, всевозможная закуска. Гости, проголодавшиеся с дороги, конечно, не могли отказать хлебосольному хозяину. А пока Силин усердно потчевал гостей, во всех палатах госпиталя медсестры, фельдшера, врачи хлопотали вокруг уже выздоровевших людей, делали им перевязки, прибинтовывали шины к невредимым рукам и ногам. И когда после угощения уже изрядно захмелевшая комиссия в сопровождении Силина обходила палаты, то оказывалось, что все раненые еще находятся в довольно тяжелом состоянии и отправить в лагерь никого нельзя. Немцы уезжали ни с чем, но весьма довольные оказанным приемом.

Однажды Силин посвятил Михаила Александровича Добровольского в свои дальнейшие планы. Обманывая немцев и задерживая у себя выздоравливающих, он надеялся дотянуть до того момента, когда подавляющее большинство раненых встанет на ноги. По его расчетам, это должно было произойти в конце весны или в начале лета. И тогда, в один прекрасный день, весь госпиталь во главе с самим Силиным — и излеченные раненые, и врачи, и медсестры — уйдет в глубину окрестных приднепровских лесов, превратится в партизанский отряд, чтобы в ожидании подхода наших войск начать вооруженную борьбу против немцев. Тем, кто не сможет или не захочет идти в партизаны, придется тогда же бежать из Еремеевки и укрыться в других местах. Лишь несколько человек, у которых были особенно тяжелые раны, пришлось бы при этом оставить в Еремеевке, но Силин предполагал спрятать их у надежных людей.

К счастью, таких тяжело раненных было немного. Среди них особенно выделялся подполковник Константин Николаевич Богородицкий, единственный командир, содержавшийся в госпитале легально. В свое время он наотрез отказался снять гимнастерку со знаками отличия подполковника и изменить фамилию. Силину с трудом удалось добиться разрешения немцев оставить его на лечение. Они позволили только потому, что знали, как тяжело искалечен этот человек. У Богородицкого была ампутирована правая нога, выбит глаз, поврежден позвоночник, он испытывал тяжелые физические страдания, но при этом сохранял ясность ума, бодрость духа и удивительную веру в то, что в конце концов враг будет разбит. Его гимнастерка с тремя шпалами на петлицах всегда была на нем или висела на спинке кровати, у изголовья. Этот офицер пользовался большим уважением и у раненых и у врачей. Сам Силин нередко приходил советоваться к нему, и они подолгу вполголоса разговаривали между собой. Видимо, советы подполковника Богородицкого, старого комму-

Школа в Еремеевке.

Copyrighted material

ниста, опытного командира, много повидавшего человека, не раз помогали Силину в его нелегкой работе и ловкой игре с немцами.

В Еремеевке госпиталь Силина окончательно превратился в маленькую советскую колонию. За это время люди сжились, лучше познакомились друг с другом, и общность тяжкой судьбы сделала их дружным, спаянным коллективом. Уже никто не сомневался в Силине, и все понимали, какую трудную и дерзкую игру с врагом вел этот человек. Поближе узнав своих подчиненных и пациентов, он уже не таился от них. Приходя в палаты, беседуя с ранеными, он теперь прямо говорил им: «Скорее поправляйтесь, чтобы снова взять в руки оружие и бороться с фашистами». Он неустанно твердил, что Германия неминуемо будет разгромлена, внушал товарищам веру в победу Красной Армии. Силин был прирожденным агитатором, умел подобрать к своим доводам очень яркие примеры, говорил так красноречиво и убежденно, что у людей невольно рождалась надежда на близкое освобождение, появлялось желание жить и бороться.

31 декабря, в канун нового, 1942 года, Силин организовал для раненых праздник. В этот вечер все они получили ужин, о котором даже не мечтали: две больших мясных котлеты и чарку самогона. Незадолго до полуночи Силин вышел из своего кабинета, одетый в полную командирскую форму с красной звездочкой на околыше фуражки. В сопровождении всех врачей он обходил одну палату за другой, обращаясь к раненым с краткой речью. Поздравил их с наступающим Новым годом, пожелал здоровья и выразил уверенность в том, что этот год принесет желанное освобождение от фашистской власти. Потом он велел открыть двери всех палат, ведущие в коридор, снова скрылся в кабинете и вышел оттуда опять, когда часы уже били двенадцать. В руках у него был играющий патефон. По всему госпиталю разнеслись звуки «Интернационала». Силин ухитрился достать пластинку с «Интернационалом» неведомо где, и сейчас пролетарский гимн звучал в далеком украинском селе у берегов Днепра, в глубоком тылу гитлеровских войск, так же, как звучал он в эти минуты над Москвой, над всей свободной территорией Советского Союза.

Это был такой необычный и такой дорогой для всех новогодний подарок! При звуках гимна одни вскочили с постелей и стояли «смирно», как положено бойцу и командиру, в торжественном молчании, слушая знакомые музыку и слова. Другие, прикованные к кроватям, только вытянулись и приподняли голову с подушки. И все плакали, открыто, не стесняясь слез, полные тоски и радости, боли и надежды.

...В селе у Силина было уже немало друзей. Энергичный, общительный, веселый, он с первых же дней перезнакомился с доброй половиной местных жителей и был желанным гостем во многих домах. Исподволь, с пристальным вниманием приглядывался он к людям. С одними говорил прямо, откровенно, сразу же устанавливая дружеский контакт, а перед другими ловко представлялся немецким прихвостнем. В короткое время он сумел стать заметной фигурой в селе. Честные, смелые люди с радостью принялись помогать Силину, а предатели, немецкие пособники были обмануты или завидовали ему и опасались его влияния.

Жители Еремеевки вскоре увидели в Силине своего покровителя и защитника. При этом он действовал так умело и тонко, что доверие немцев к нему все время росло, и Силину порой удавались весьма рискованные и дерзкие замыслы. Конечно, большую роль здесь играло отличное знание немецкого языка.

Хотя в Еремеевке не было ни комендатуры, ни жандармерии, начальство нередко наезжало сюда из соседнего большого села Жовнино или из города Золотоноши. Сам комендант района подполковник Тесске, штаб-квартира которого была в Золотоноше, частенько жаловал в Еремеевку собственной персоной. Сначала он приезжал со своим толмачом-немцем, но у того были явные нелады с русским языком, и, познакомившись с Силиным, подполковник Тесске сделал его своим постоянным переводчиком в Еремеевке. Нечего и говорить, что Силин ловко пользовался представившимися ему возможностями.

Еремеевские колхозники вспоминают, как однажды Тесске, приехав в село, велел созвать всех жителей на площадь и обратился к ним с длинной, торжественной речью, переводить которую должен был Силин, несмотря на то, что личный переводчик пана коменданта находился тут же. Тесске пространно и прочувствованно говорил о тех «благодеяниях», что принесла с собой гитлеровская власть украинскому народу, и Силин добросовестно переводил фразу за фразой. И вдруг многие в толпе почувствовали что-то неладное: речь коменданта в переводе Силина стала звучать как-то удивительно глупо и нелепо. Доктор переводил сказанное вполне точно, но при этом делал какие-то странные ударения во фразах, менял интонацию так, что самые торжественные и высокопарные тирады Тесске вдруг обретали совсем иной, иронический и даже смешной смысл. Переводчик коменданта, недостаточно хорошо знавший русский язык, не мог, разумеется, почувствовать этих тонких оттенков в речи Силина и только согласно кивал головой, вполне одобряя перевод своего коллеги.

Иногда Силин решался на еще больший риск, чтобы помочь еремеевским колхозникам — спасти их от фашистской расправы или от грабежа. Так, один раз, когда он в качестве переводчика вместе с комендантом принимал в сельской управе посетителей, сюда явился приехавший в село бывший еремеевский кулак Яков Копейка. В годы коллективизации у него отобрали принадлежавший ему дом, и теперь в нем жила семья бойца Советской Армии, сражавшегося на фронте,— колхозница Анастасия Шендрия с детьми. Яков Копейка уже давно поселился в Черкассах, но сейчас приехал в Еремеевку, надеясь с помощью немцев возвратить себе прежнюю хату, и привел к коменданту плачущую Анастасию.

Через Силина Копейка стал объяснять Тесске, в чем дело: он покорнейше просил командование выселить из его бывшего дома жену красноармейца и возвратить ему все имущество. Однако в переводе на немецкий язык просьба зазвучала совсем по-другому. Силин изобразил коменданту дело так, что этот человек, имеющий в Черкассах прекрасный дом, теперь приехал требовать принадлежавшую ему когда-то старую хату и хочет выбросить на улицу бедную вдову с детьми. По его словам, Копейка заявил, будто немецкие власти обязаны немедленно вернуть ему прежний дом, а если, мол, комендант откажется удовлетворить эту претензию, он будет жаловаться на него высшему начальству. Словом, покорнейшая просьба Копейки была представлена как категорическое, наглое и непочтительное требование жадного хапуги. Взбешенный такой наглостью, Тесске вскочил из-за стола, схватил тяжелое пресс-папье и стукнул Копейку по голове. Потом он приказал Силину, чтобы этот человек в двадцать четыре часа убрался из села, иначе он прикажет расстрелять его. Нечего и говорить, что Копейка поспешил исполнить предписание коменданта, а Анастасия Шендрия, счастливая, вернулась в свой дом.

В другой раз во время очередного приема к коменданту явилась одна из жительниц села, антисоветски настроенная. Желая выслужиться перед немецкими властями, она принесла составленный ею список, где значилось десятка полтора фамилий бывших сельских активистов, которые, по ее словам, были враждебно настроены к новому порядку. Все это она объяснила Силину, а когда Тесске спросил у переводчика, чего хочет эта женщина, доктор ответил, что она принесла список крестьян, которые желали бы записаться в украинскую полицию. Он предупредительно добавил, что, дескать, господин подполковник может не заниматься такими пустяками, он сам возьмет список и передаст его потом начальнику районной полиции Ющенко. С этими словами Силин спокойно взял бумагу из рук женщины и положил ее к себе в карман. В тот же день список был уничтожен. А когда в следующий приезд коменданта эта женщина опять явилась узнать, какие меры приняты по ее доносу, Силин устроил так, что Тесске выгнал ее и запретил впредь показываться в сельской управе.

Уже с первых дней пребывания госпиталя в Еремеевке Силин, присматриваясь к старосте села Мамлыге, увидел, что на помощь этого человека ему не приходится рассчитывать. Безвольный и трусоватый Мамлыга всячески старался угодить немцам. Зато совсем другим человеком был его заместитель Иван Константинович Калашник. Он сразу же стал энергично помогать Силину, и, узнав друг друга, они вскоре подружились. Иван Калашник, один из сельских активистов, оставленных здесь для подпольной работы, принял должность заместителя старосты по совету своих товарищей только для того, чтобы помогать односельчанам и саботировать немецкие распоряжения. Калашник познакомил Силина с сельскими активистами Иваном Кузьменко и Василием Фесенко, работавшими в сельпо, с братом и сестрой Николаем и Марией Рубачевыми, с Петром Шарым и многими другими. В Еремеевке оказалась большая группа вполне надежных людей, преданных партии и Советской власти и готовых действовать вместе с Силиным.

Окончательно убедившись, что Мамлыга будет только мешать его замыслам, и посоветовавшись с новыми друзьями, Силин решил добиваться смещения старосты. Ему удалось внушить немцам подозрения, будто бы Мамлыга связан с коммунистами. Позднее он подсунул коменданту заранее сфабрикованные документы, косвенно уличавшие старосту. Мамлыгу наконец сместили, и вместо него на эту должность был назначен Иван Константинович Калашник. Теперь действовать стало значительно легче: Силин и Калашник работали в полном контакте.

С помощью нового старосты удалось окончательно разрешить нелегкую проблему снабжения госпиталя. Силин добился от немецкой комендатуры позволения производить сбор добровольных пожертвований в пользу раненых не только в самой Еремеевке, но и в окрестных селах. Удалось даже добыть у немцев кое-какие продукты — госпиталю разрешено было получить горелое зерно, оставшееся после пожара на кременчугском элеваторе, и несколько маленьких поросят. Вместе с Калашником Силин потом обменял это жженое зерно в селах на хорошую муку, а маленьких поросят — на больших, откормленных кабанов, обеспечив тем самым свой госпиталь на некоторое время хлебом и мясом. Он договорился с еремеевскими колхозниками, и теперь каждого из выздоровевших раненых по воскресеньям приглашала к себе в гости какая-нибудь семья. Это давало возможность человеку провести день в уже забытой семейной обстановке и, с другой стороны, облегчало проблему питания. Добился Силин и того, что врачам госпиталя разрешили оказывать медицинскую помощь крестьянам. В госпитале установили определенные дни для приема местных жителей, а так как жители окрестных сел до того времени оставались без медицинского обслуживания, то от посетителей не было отбоя. Каждый из пациентов, конечно, приносил врачам что-нибудь в благодарность за лечение, а эти продукты тоже шли главным образом на питание раненых.

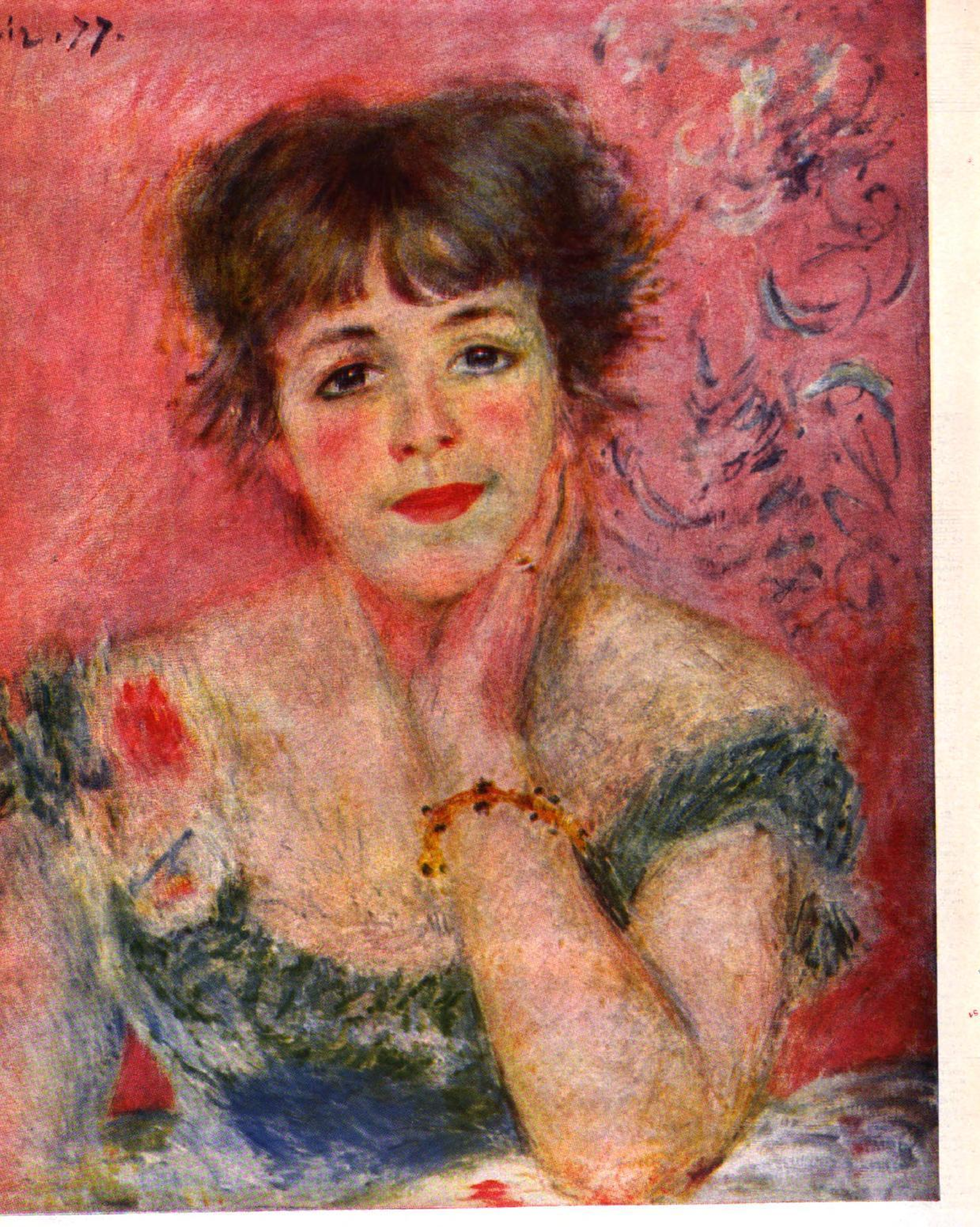
Наконец, Силин и Калашник нашли еще один способ добывать средства для госпиталя. Они убедили немецкого коменданта разрешить открыть в селе клуб, доход от которого должен был идти в пользу раненых. При клубе создали драмкружок, ставивший пьесы из украинского классического репертуара: «Ой, не ходи, Грицю», «Наталка Полтавка», «Наймычка» и другие. Артистами были и колхозники, и врачи, и медсестры. Плата была скромной, а после спектакля нередко сам Силин или кто-нибудь из «артистов» обходил с шапкой присутствующих, собирая пожертвования в пользу раненых. Этот клуб давал каждую неделю две-три тысячи рублей дохода и стал важной статьей в бюджете госпиталя.

(Окончание в следующем номере.)

Copyrighted material

Константин Менье
(1831—1905).
ЗАВТРАК СЛУЖАНКИ.

Огюст Ренуар (1841—1919). ЭТЮД К ПОРТРЕТУ АКТРИСЫ САМАРИ.

Copyrighted material

Седьмая высота

Сестры Ирина и Тамара Пресс.

Фото ТАНЮГ — ТАСС.

В. ВИКТОРОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

СИМВОЛ ЧЕМПИОНАТА

Белград — так называют югославы свою прекрасную столицу — встретил нас парящим над планкой прыгуном. Такую эмблему избрали организаторы VII чемпионата Европы, и атлет, стремительно и безошибочно преодолевающий высоту, встречался нам на каждом шагу.

Как известно, легкая атлетика стоит на трех «китах»: на беге, прыжках и метании. Почему же пренебрегли хозяева чемпионата стремительным спринтером или могучим дискоболом и отдали предпочтение прыгуну? Нам кажется, что для этого были веские основания: ведь последние два года, после встречи сильнейших легкоатлетов мира на XVII Олимпийских играх в Риме, всеобщее внимание привлекала очная и заочная борьба двух прыгунов невиданного по силе класса — Валерия Брумеля и американца Джона Томаса. Конечно, мы не можем утверждать, что именно Брумель, установивший за эти два года три мировых рекорда, послужил моделью для художника, создавшего эмблему чемпионата, но то, что наш спортсмен находился в самом центре внимания и журналистов и зрителей, это ясно. Дело дошло до того, что последние тренировки Валерию Брумелю удалось провести лишь с помощью милиции, но и элегантные белградские стражи порядка в конце концов должны были отступить под натиском корреспондентов.

Впрочем, тут, быть может, дело в более сложной символике. Первый чемпионат Европы был проведен в Турине в 1934 году, а затем все следующие встречи проводились лишь на уровне европейских столиц (Париж, Осло, Брюссель, Берн, Стокгольм), и с каждым годом все увеличивалось число участников и росли спортивные результаты. И вот VII чемпионат в Белграде — новый прыжок вверх, новые успехи в развитии легкой атлетики, новая высота.

В отеле «Славия», построенном за 11 месяцев, в рекордно короткий срок, журналисты оказались первыми жильцами. И надо сказать, что они заполнили вместительный белградский небоскреб от первого до двадцатого этажа. Огромный интерес проявили к чемпионату все европейские издания. И не только европейские. Знаменитая метательница диска чемпионка XVI Олимпийских игр О. Фикотова, чешка по национальности, вышедшая замуж за американского рекордсмена мира Конноли, приехала в Белград корреспондентом крупнейшего спортивного журнала «Спорт иллюстрейтед».

Не менее оживленно было и в спортивном центре Кошутняке. В лесопарке под Белградом в удобных современных домах разместились спортсмены из 28 стран. А на тренировочном стадионе они вместе трудились, помогая друг другу. Наш знаменитый стайер Петр Болотников беседовал с ветераном беговой дорожки алжирцем Аленом Мимуном. Мимо них проносились французские и немецкие спринтеры. Непобедимая прыгунья румынка Иоланда Балаш разыскивала свою подругу, советскую спортсменку Тамару Пресс...

ФИНИШ БОЛОТНИКОВА

12 сентября на стадионе Югославской народной армии проходил торжественно и красочно ритуал открытия. Но этот парад разворачивался не только на поле, но и на трибуне. По всей ее длине разместились ряды спортивных обозревателей и репортеров. Во всеоружии пишущих машин, телеобъективов и магнитофонов.

И что же делалось кругом, когда был дан старт центральному номеру первого дня чемпионата — бегу на 10 тысяч метров!

За месяц до этого дня в Москве Болотников установил мировой рекорд в беге на 10 тысяч метров, и поэтому его выступления в Белграде ожидали с напряженнейшим интересом.

Мне удалось побеседовать с Болотниковым за день до старта, и поэтому многое стало ясно еще до того, как 27 сильнейших бегунов Европы пустились в свой тяжелый путь по кругу стадиона.

Кто должен был противостоять Болотникову в беге? Увы! На старт не выйдет сильнейший стайер Европы Ханс Гродотцки.

— Но это не значит, что на дорожке можно будет чувствовать себя свободнее,— говорил мне Болотников.— Примут старт француз Р. Божей, мой давний знакомый, и Ф. Янке — товарищ Гродотцки. Серьезными моими соперниками будут молодые задиристые англичане. Словом, хлопот будет полон рот. Вот почему уже здесь, на югославской земле, я пробежал на тренировках восемьдесят километров.

— Возможен ли будет новый мировой рекорд? — спросил я Болотникова.

— Это едва ли возможно. Рекорд требует свободного маневра, а он вряд ли возможен при таких соперниках. Тут все внимание придется направить не на выполнение рекордного графика, а на тактический спор с теми, кто будет готовить атаки за моей спиной.

Как точно предвидел Петр Болотников исход этого великолепного бега! Уже с первых же метров за его спиной уютно и прочно устроился Р. Божей, и, верный своей тактике, перенятой у Куца, Болотников повел бег, растягивая за собой цепочку бегунов. К четвертому кругу эта цепочка, как и следовало ожидать, оборвалась. Определилась первая пятерка. В нее входили Болотников, Божей, югослав Ф. Черван, молодой советский бегун ученик Болотникова Юрий Никитин и Янке. Но это был лишь черновой набросок лидирующей группы. В нее внес свои поправки лидер бега, и вот уже в первой группе оказались лишь Болотников, Божей и Янке. Болотников попытался освободиться и от этих двух попутчиков. Рывок. Но не тут-то было! Божей оглянулся и жестом предложил Янке сменить его. Это был красноречивый жест. «Выходи, если можешь выдержать этот дьявольский темп» — так можно было бы его расшифровать.

И Янке не отказался от этого предложения...

Восемь тысяч метров позади, а Янке по-прежнему неутомим. Может быть, потому, что Болотников не наращивает скорости? Сколько раз он побеждал, бросая в бой за 2,5 круга до финиша все свои силы! Но теперь он не торопится. И тут у журналистской трибуны, как раз перед нами, происходит следующая немая сцена: Янке оглядывается, видит совсем рядом с собой трех английских бегунов и начинает обходить Болотникова. На вираже Янке уже впереди. На прямой Янке впереди. Торжественно и громогласно звенит на стадионе колокол, оповещая бегунов, что пошел последний круг. По ком же звонит колокол? Мы тут же получаем ответ. На следующем вираже все мгновенно меняется. Только что Янке был первый, но сейчас он далеко позади. Болотников, словно подхваченный вихрем, метнулся вперед. Стоя, встречает стадион его победу. Приветствует стадион и второго призера — Янке.

ЛАВРЫ И ТЕРНИИ

Соревнования по легкой атлетике — это олимпиада в миниатюре. Глаза разбегаются от разнообразных событий, происходящих почти одновременно. Каким же мастерством должны обладать «режиссеры» постановки, чтобы создать единство и слаженность зрелища! Надо отдать должное организаторам VII европейского чемпионата — они сделали это великолепно.

Пять часов сидишь на стадионе, и ни одной минуты паузы. Все новые и новые старты даются с точностью железнодорожного расписания. Вот, например, что происходило на стадионе 13 сентября в течение одного лишь часа. В 15 часов 30 минут начался финал в метании диска у мужчин. Прошли два полуфинала в беге на 100 метров у женщин. Было проведено шесть забегов на 800 метров у мужчин, и вступили в борьбу прыгуны в длину. В одном часе, как в капле воды, отразился весь чемпионат, с его радостями и горестями, с лаврами и терниями.

В беге на 100 метров у женщин мы не раз добивались на крупных европейских соревнованиях внушительных побед. А вот здесь, в Белграде, никто из советских спортсменок не попал в финал. Увы, неудачи в беге оказались гораздо серьезнее. Наши бегуны потерпели поражение во многих видах бега, начиная со спринта и кончая средними дистанциями. В то время как французы, спортсмены объединенной немецкой команды, англичане, итальянцы продемонстрировали великолепный расцвет бега, мы по-прежнему топчемся на одном месте. Не пора ли все-таки решить вопрос: почему мы плохо бегаем?

Но в тот час мы не только огорчались. Владимир Трусенев, питомец заслуженного тренера СССР В. Алексеева, великолепным броском отправил свой диск на 57,11 метра и вырвал победу. Наблюдая за смелыми и решительными действиями Трусенева, мы вспомнили об успехе еще одного ученика Алексеева — Тамары Пресс. Она первой завоевала золотую медаль да еще как! В одной из первых своих попыток она толкнула ядро на 18,56 метра. Это был результат, повторяющий ее же мировой рекорд, установленный в начале нынешнего лета. Этим результатом Тамара Пресс сразу же выбила из седла своих соперниц. Такая тактика принесла Тамаре Пресс успех и на XVII Олимпийских играх.

Но это был не последний успех Тамары на чемпионате: она блестяще победила и в метании диска, завоевав вторую золотую медаль.

А вот наши спортсмены, выступающие в тройном прыжке, О. Федосеев и В. Горяев придерживались иной тактики. Смелому маневру они предпочли осторожные, я бы сказал, боязливые действия. Сколько раз они прерывали уже взятый разбег, сколько раз ошибались, тянули время, и в конце концов их грозный соперник поляк Ю. Шмидт блестяще использовал свою последнюю попытку и буквально на лету вырвал у Горяева золотую медаль.

Таковы события одного лишь часа. А сколько таких часов провели на трибунах болельщики!

Вот на пьедестале почета наша метательница копья Э. Озолина, завоевавшая золотую медаль.

Вот первой пересекает финишный створ М. Иткина, ставшая чемпионкой Европы в беге на 400 метров...

Как и обычно, первое место по прыжкам в высоту получила румынка Иоланда Балаш. Но как ликовали белградцы, когда стало известно, что их спортсменка О. Гере завоевала серебряную медаль!

Надо сказать несколько слов о подвиге нашего десятиборца Василия Кузнецова. Проигрывая после метания копья, предпоследнего вида десятиборья, немцу Мольтке более 40 очков, Кузнецов нашел в себе силы финишировать на 1 500 метров с таким высоким результатом, что решил этим судьбу золотой медали. Победа в десятиборье требует двухдневных напряженных усилий и считается особенно почетной.

Игорь Тер-Ованесян был вне конкуренции: он прыгнул в длину на 8 метров 19 сантиметров. Его «коллега по специальности» Татьяна Щелканова тоже стала победительницей — 6 метров 36 сантиметров. Янис Лусис завоевал золотую медаль броском копья на 82 метра 4 сантиметра. Галина Быстрова победила в пятиборье, Анатолий Михайлов — в барьерном беге на 110 метров.

Но этот репортаж нам хочется закончить тем, с чего мы его начали,— с эмблемы европейского чемпионата, на которой изображен прыгун, преодолевающий планку. Эта эмблема ожила на последний, пятый день европейского первенства, когда в борьбу вступил мировой рекордсмен Валерий Брумель и как бы увенчал борьбу лучших легкоатлетов Европы своим великолепным результатом — 2 метра 21 сантиметр.

Официального подсчета очков на чемпионате Европы не велось, но если считать по олимпийской системе, то команда Советского Союза вышла на первое место — 196 очков.

Тринадцать золотых медалей, шесть серебряных и десять бронзовых — с таким багажом уезжали из Белграда наши легкоатлеты.

Белград, по телефону.

ПЕРВАЯ КОМАНДИРОВКА

Александр **БЫЛИНОВ** Рассказ Рисунки С. БРОДСКОГО.

Дождь лил вторые сутки.

— Ты еще здесь? — спросил дежурный, когда Федор вошел в конторку.— А я думал, ты уже уехал.

— Как же я могу уехать без шифера? — сказал Федор, усаживаясь на табурет.— Я же вам говорил, зачем шифер?

— А это мало важно,— сказал дежурный, перелистывая большую конторскую книгу.— Мало ли кто чего возит?

— Очень жаль.— Федор вздохнул и подумал: «А как бы поступил старик Сиверцев, начальник отдела снабжения? Хлопнул дверью или продолжал бы «тянуть резину»?»

В просторном помещении дежурного за столами сидели девушки, которые уже как бы привыкли к жалкой, непросыхающей фигуре Федора. Впрочем, жалким Федор казался только себе. В действительности это был видный, широкоплечий, совсем еще молодой парень с румянцем во всю щеку. Одет он был добротно, «по-снабженчески»: крепкие яловые сапоги, брюки, лихо выпущенные на голенища, солдатская видавшая виды гимнастерка, подпоясанная широким ремешком, тоже «бывшим в употреблении». На голове серая, жеваная кепчонка с маленьким козырьком, а на плечах сырая мышиного цвета стеганка. Взгляд его голубых глаз был беспредельно доверчив и открыт.

Федор вынул пачку «Шахтерских» и предложил дежурному. Тот подозрительно посмотрел поверх очков на Федора, словно он подсовывал взрыватели-детонаторы, и осторожно вытащил папироску. Федор охотно угощал всех здесь, тая слабую надежду на помощь этих малознакомых людей.

— Молодой в снабжении? — спросил сидевший у печки железнодорожник в промасленной куртке, разминая полученную папиросу.— Оно видать, между прочим, что молодой. Доходная служба?

— Зарплата небольшая,— нехотя ответил Федор.

— Но приработок, наверно, имеется. Командировочные?

— Первая командировка.— Федор смял папироску и выбросил в плевательницу, стоявшую в углу.— Другие, конечно, почаще ездят. Я всего третий месяц в снабжении. Опыта нет. Думал, здесь помогут насчет вагона. Шифер у меня.

— Чудак человек, ей-богу! — Дежурный густо затянулся.— Ты ему одно, он другое. Все вагоны по нарядам МПС идут. Никто не дал права, понимаешь? Ты лучше позаботься, чтобы машины прислали. На «резину» поставишь и своим ходом домой.

— Легко сказать, двадцать машин. Сиверцев решит, что психоз у меня.

— Дело хозяйское,— сказал дежурный и снова стал перелистывать свою тетрадь, что-то помечая на каждой странице.

— Первая командировка,— повторил железнодорожник в промасленной куртке.— Значит, молодой снабженец. Помню, я тоже был комсомольцем...

Белесая девушка в зеленой кофточке, сидевшая за столиком у окна, прыснула.

— Чего смеетесь, девчата? Был я комсомольцем, был молодым, точно. И приняли меня на транспорт учетчиком. Обязан был я номера вагонов заносить в книгу. А грамотешка, сам знаешь, какая была в ту пору... Поработал день, цифры все перемешались в голове, ночью не могу уснуть: сдается мне, перепутал все номера в книге, не туда вагоны сунул, а теперь крушения не миновать через мою халатность. Чуть свет прибег на станцию, до книги кинулся, ребятам рассказываю, а они в смех. «Что ты,— говорят,— за персона такая, что через тебя крушение произойдет?» А это все по молодости, по первости, иначе сказать... Вот и он, молодой снабженец...

— И уже попал в крушение,— горько усмехнулся Федор.— Не везет. Разрешите хотя бы надеяться, Николай Николаевич?

Дежурный улыбнулся одними краешками губ.

— Надеючись и конь копытом бьет. Никому сие не возбраняется.

— Ох, Николай Николаевич! — Федор не выдержал.— Вы так со мной, вроде и не советский я человек!

— Почему не советский? Мы все советские. Потому и порядок соблюдаем,— почти весело отозвался дежурный.— Я тебе говорил: дай приказ управления дороги — немедля вагон подцеплю. Ну, не делаешь же...

— Не делаю,— грустно согласился Федор.— Потому что не дают. Грузы-то неплановые. А ведь они-то самые что ни на есть важные. Крышу везу, людям квартиры; осталось крыши покрыть — и въезжай. Там кузнец Быстряков — пятеро их живут у хозяйки, комната — двенадцать метров. Сырость, холодно, ребятенок маленький и рахитом тронутый уже. Вот они строятся, квартиру получат. С газом. С ванной комнатой. Представляете, как ждут? Не знаю, какой груз есть более человечный, если с политической точки подойти. Ну, в управлении дороги на эту сторону мало обращают. Бумажка, и все дело.

Дежурный захлопнул конторскую книгу и зло потушил папиросу об алюминиевый, в синих пятнах, чернильный прибор.

— Кто ты есть за человек? — резко спросил он и поднялся с места.— Вот уже третий день ходишь и просишь. Кто ты есть?

— Я агент по снабжению всего лишь. Даже не член правительства.

Copyrighted material

— Ну и я не министр путей сообщения, имей в виду. Член партии хотя бы?

— Комсомолец.

Дежурный сосредоточенно понюхал воздух, словно размышляя над чем-то, а Федор невольно засмеялся.

— С чего бы это? — спросил дежурный.

— Так, ничего.

— Так вот, мил человек, из ничего ничего и получается. И времени не трать. Будет команда — получишь вагон. А сейчас не мешай.

Федор постоял мгновение, обвел тоскливым взглядом контору, ее почерневшие от копоти стены, толстые бока черной железной печки, лавки и табуреты, вытертые посетителями, столы с телефонами, широкое окно, за которым кипела чужая станционная жизнь, словно собирался надолго запомнить место своих страданий, и вышел.

Он решил позвонить Сиверцеву.

Вскоре в кабинке телефонной станции Федор услышал родной голос старичка. От радости Федор так орал, что посетители заулыбались: «Знакомые разговорчики — шифер, машины, вагон». Старик скомандовал решительно, как генерал, который руководит боем издалека. Подчиненный был в восторге оттого, что генерал так ясно представлял себе обстановку.

— Пропадает наряд, понимаю,— спокойно говорил Сиверцев. И Федор четко, как в телевизоре, увидел своего шефа, пожилого, щуплого, со склеротическими прожилками на носу.— Слушай внимательно, Безручко. Добивайся вагона. Если не выйдет, арендуй сарай. Ясно? Где-нибудь во дворе у дядька. Найми машину, выбери из завода шифер, вывези его в этот сарай и организуй охрану. Слышишь меня? Потом что-нибудь придумаем. Имей в виду, если пропадет наряд, домой не возвращайся: сделают из тебя чучело. Нет, не я, я возиться не стану, строители сделают, своими руками. Да. Постарайся все же подцепить вагон. И не оправдывай, Безручко, свою фамилию.

На этом разговор был прерван, так как Федор заказал всего пять минут: он экономил государственные деньги.

Дождь не прекращался, и Федор опять попал в его холодные объятия. Захотелось есть; он зашел в столовую, где вкусно пахло борщом. Заказал тарелку борща, шницель и сто граммов.

— Водки не держим,— отрезала официантка, нетерпеливо притопывая ногой и не глядя на посетителя.— Что еще?

— Больше ничего, стало быть...

Рядом за столиком пили водку. Федору хотелось согреться. Попробовав горячего борща, он решил, что обойдется без водки. К тому же деньги были на исходе.

Вечером в холодном и неуютном холле гостиницы, как обычно, собрались командировочные.

Одни играли в «козла», другие перелистывали газеты или беседовали. В комнатушке дежурной кипел титан, и «пассажиры» сновали по коридору с никелированными чайниками. Если бы не эта теплая компания командировочных, Федор пропал бы с тоски. Вообще он с трудом обходился без людей.

Он привык всю жизнь среди ребят да в общежитии. Вообще жизнь его, пожалуй, сложилась как-то не совсем так. Никогда не думал пойти, как говорится, по линии снабжения. Комсомол настоял. «Что же это получается: снабженец — это уже какая-то стала вроде позорная кличка? — сказали ему в райкоме.— Все равно, что жулики? Или какой-нибудь ловкач, комбинатор? Нет, брат, это важнейшая советская профессия, на данном этапе имеет большое значение. Надо бы всех этих жуликов, которые еще кое-где шуруют в снабжении, повымести, а молодежи с честным комсомольским сердцем занять их места. Тогда, конечно, и дела пойдут на лад». Подумал, подумал и пошел в снабжение. Может, и в самом деле сумеет не хуже других оборачиваться, и поблагородному. Стал присматриваться — ничего.

Начальник отдела попался неплохой, учит, подсказывает, но на привязи держит, от себя боится все же отпустить. «Я,— говорит,— в твоем возрасте уже весь металлургический материал назубок знал, потому в склад материально-технического снабжения еще до революции поступил рассыльным. Через мои,— говорит,— руки все складские материалы перешли, каждую малую гаечку, каждый болтик собственными руками перещупал. А ты,— говорит,— еще такой снабженец, что не знаешь досконально всей номенклатуры материалов и, к примеру, через нужный тебе вентиль переступишь и поедешь искать его черт знает куда на другой завод. Учиться тебе и учиться, изучать материалы, из которых жизнь производства складывается, а самое главное — подход к людям надо иметь, не лезть на рожон, когда надо поступиться, когда надо настоять, и чтобы все вежливо, без внутреннего сгорания».

И вот послали. Ребята крепко надеются. Кузнец Быстряков, тот поймал перед самым отъездом: «Гляди, сынок, держи хвост морковкой, не подкачай. Шифер для нас нынче важнее хлеба. Ждем». Вот и дождались. Не оправдал надежды рабочего класса, который сам себе, своими руками строит квартиры...

Федора слушал пожилой дядька с седоватым ежиком на голове и крупным, мясистым лицом. Он тяжело, свистяще дышал.

— Да, брат, задача у тебя нелегкая,— сказал он, когда Федор умолк.— Не легка штука — перестроить все снабжение до горы ногами, стариков долой, а комсомол до руководства.— Он часто задышал, а Федору показалось, что он сдерживает смешок.— Но это надо. Потому снабжение, верно это,— профессия подмоченная. И жулья, конечно, там тоже немало подсобиралось.— Он помолчал немного и вдруг спросил, приподняв свое грузное тело в кресле:— А не пьешь, скажи, пожалуйста? Водки не потребляешь?

— Нет, не пью... И тех, кто пьет, не понимаю. Иной раз, согреться чтоб, граммов сто возьмешь. Или в компании. Но чтобы так, запоем, ни-ни...

— Надо пить,— сказал вдруг пожилой дядька.— Трезвость, она хороша на комсомольском этом собрании. А с людьми... с людьми отношения часто тоже подмоченные, ей-богу, подмоченные...— И тело его вдруг заколыхалось в припадке смеха, и из груди вырвались посвисты, которые даже испугали Федора. Но тут уже собеседник успокоился и, подняв толстый палец, многозначительно сказал: — Не знаешь, как твоего железнодорожника смягчить? — И он сделал жест рукой.

— Зачем такое говорите? — в сердцах сказал Федор, инстинктивно оглядываясь.— Ведь это — государственное дело, министерство. Значит, железную дорогу обмануть, железную, не что-нибудь... Так что ж вы...— Он защищал малознакомого дежурного, как самого себя.

— Золотой молоток и железо прокует,— с хитроватой улыбкой сказал пожилой.— Вижу, согласен, оправдываешь порядок жизни на транспорте? Зачем же тогда ломишься? Поезжай домой, доложи начальнику снабжения: так, мол, и так, вагона не дают, согласен с министром путей сообщения товарищем Бещевым...

— А шифер? — тоскливо проговорил Федор и поднял глаза.— Знаете, в каких условиях есть люди живут? У нас кузнец Быстряков...

Собеседник с седоватым ежиком равнодушно кивал головой.

Ночью, когда на кроватях несмело похрапывали постояльцы, Федор думал о завтрашних мытарствах. Он знал, что многих из его коллег нисколько не смутили бы нынешние обстоятельства. Недавно сотрудник отдела, разъездной агент Алеша Колобов по секрету поведал о том, как «оборачивался». В Москве купил десяток скатертей по восемь семьдесят за штуку. Продал соседям по пятнадцать. «А что прикажешь? Жить надо...» Федор тогда сжал кулаки, но промолчал. Про себя решил: «Уйду отсюда».

А Колобов продолжал, сверкая черными глазами, выванивать какую-то спецодежду, какие-то ватники и рукавицы и даже кричал в трубку кому-то: «Это нечестно, товарищи! Это похоже на спекуляцию!» Если бы Колобов очутился здесь, вмиг бы застучали колесики на стыках. А вот он, Безручко, не умеет...

Потом дядька с седоватым ежиком, который оказался заготовителем из какой-то крупной южной организации, навалился на Федора и, раскрыв огромный кроваво-красный рот, хрипел: «На лапу, на лапу». И просовывал мохнатую лапу к бумажнику Федора, спрятанному у сердца. Федор боролся, дышать становилось все труднее. Наконец проснулся, не веря собственному пробуждению. Дядька с ежиком мирно похрапывал на своей кровати. «Уж не простудился ли я?» — подумал Федор и вскоре опять заснул.

2

Федор старался разглядеть в лице дежурного те скрытые черты порока, о котором толковал вчера свистящий господин. Лицо Николая Николаевича было непроницаемо. К тому же дежурный сегодня был занят более, чем обычно, и не обращал внимания на Федора, который решил испытать фортуну в последний раз. Он долго колебался, идти ему снова на поклон к дежурному или нет, и решил, что пойдет.

Наскоро позавтракав в гостиничном буфете, Федор выбежал на улицу. Ночью в гостинице затопили. Под утро Федор пристроил ватник у батареи. Неяркое солнце поднялось над городом, высушило камни мостовой и вселило в сердце надежду.

В конторе Федору удалось переговорить со смешливой девушкой в зеленом, он задержал ее у входа. На прямо поставленный вопрос о путях к сердцу Николая Николаевича она убежденно сказала:

— Он делает... Я вам говорю, он делает.

— Но как? — спросил Федор, вложив в этот вопрос всю бездонную силу своего неведения.

Девушка развела руками и впорхнула в контору.

Тогда Федор решил действовать.

Улучив, когда дежурный несколько отвлекся от своей работы, Федор негромко, но развязно сказал:

— В обед зайду, Николай Николаевич. Ма-

Copyrighted material

Американская техника, американское оружие — против мирных жителей.

Один из легиона «советников»...

ОБМАНУТ ЛИ СМЕРТЬ СОЛДАТЫ ПЕНТАГОНА?

А. ВАЛЮЖЕНИЧ

Фото из американских журналов «Нью-Йорк таймс мэгэзин» и «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт».

Молодой лейтенант имел перстень с печаткой военного училища США в Вест-Пойнте да отца с громким военным именем. Лейтенант хорошо знал свое дело в специальных войсках армии США в Южном Вьетнаме. Казалось, что он более живуч, чем стая бродячих кошек.

Как-то раз лейтенант сопровождал группу южновьетнамских солдат по местности, которая лежит к югу от Сайгона. Согнувшись в три погибели, он крался по краю рисового поля. Он не видел, что четверо партизан неотступно следуют за ним.

Внезапно партизаны открыли огонь. Чудом они промахнулись. Лейтенант прижался к земле, не зная, что в нескольких сантиметрах от него мина.

Южные вьетнамцы, которых лейтенант обучал военному делу, бросились к нему на помощь и выручили из беды.

Лейтенант постучал по деревянному ложу автомата своим тяжелым перстнем с печаткой Вест-Пойнта, вздохнул и отправился дальше...

Такой тип образцового солдата Пентагона создал американский журналист Уоррен Роджерс-младший в репортаже, озаглавленном «Офицер США дурачит смерть Вьет Конга» и помещенном в газете «Нью-Йорк геральд трибюн». Какой же нелегкий ветер занес безыменного «офицера США» на рисовые поля Южного Вьетнама? Ради чего он «опустошает обоймы автомата»?

* * *

Когда на страницах газет и журналов стали появляться сообщения о том, что в агрессивной войне против патриотов Южного Вьетнама ежемесячно гибнет более тысячи американцев, командующий вооруженными силами США на Тихом океане адмирал Фелт принял быстрое решение. Он просто-напросто запретил журналистам собирать и передавать какую-либо информацию.

Журналисты пробовали протестовать.

Подобным протестам официальный Вашингтон не придал особого значения. Блюстители «свободы слова» вновь подтвердили решение Фелта, дополнительно пояснив, что «сообщения о действиях американских вооруженных сил в Южном Вьетнаме будут играть на руку коммунистическим пропагандистам» и, следовательно, противоречить «информационной политике США вообще».

Поэтому несколько неожиданной явилась серия репортажей, которые опубликовала «Нью-Йорк геральд трибюн» с редакционным объяснением, что они посвящаются «войне в Южном Вьетнаме и участию в ней Соединенных Штатов».

При ближайшем рассмотрении становилось ясно, что загадки здесь никакой нет: репортажи точно следуют «информационной политике США» и пытаются оправдать эту политику.

* * *

«У Нго Динь Дьема обволакивающий кукольный взгляд... Он стал немного толще, чем в 1954 году, после разгрома французов при Дьен Бьен Фу...» — передавал корреспондент «Нью-Йорк геральд трибюн» Уоррен Роджерс-младший.

В годы, когда вьетнамские патриоты проливали кровь за освобождение своей страны, «человек с кукольным взглядом», беглый монах, искал покровителей далеко от Вьетнама. Его заприметили американцы. В тихой обители монастыря в штате Нью-Джерси его держали до удобного случая.

Случай этот подвернулся сразу же после разгрома французских колонизаторов в битве при Дьен Бьен Фу. Покровители монаха решили, что теперь наступило его время. Монашеское одеяние Нго Динь Дьема спешно сменили на цивильный костюм. «Своего человека» водворили в президентский дворец Сайгона.

Кровавым террором и преследованием патриотов, сооружением концлагерей для «инакомыслящих» с первых же дней занялся ставленник США. Режим, созданный им, вызывал настолько единодуш-

---

ло-мало посидим, пойдем. Дело есть. А? Курите.

Ему показалось, что он достаточно солидно и в меру небрежно «ввернул» приглашение. Дежурный потянул носом, взял папироску и понимающе глянул на Федора из-под полузакрытых век.

— Печень, к сожалению...

Федор приложил руку к груди и нащупал бумажник.

— От чистого сердца, Николай Николаевич. Без всякой задней мысли...

— Не верю,— не меняя тона, ответил дежурный.— Купить надумали задешево.

Краска залила лицо Федора. Не сплоховать бы...

— Николай Николаевич, давай выйдем... Есть серьезный разговор. Не обижайтесь... Мы найдем общий язык. Давай выйдем.

— А у меня никаких делов нет на дворе,— скучно сказал дежурный.— Таня, еще не выгнали из тупика десять восемнадцать, который под цементом?

— Нет, Николай Николаевич,— ответила девушка в зеленом и как-то лихо посмотрела на Федора.

— Значит, будем подцеплять до основного. Какой там на очереди?

— Тридцать четвертый.

Дежурный опять сел за стол, открыл тетрадь и стал что-то записывать.

«Как дальше? — лихорадочно размышлял Федор.— Как сделать? Он, видать, сговорчив. Еще малость, только умеючи. Эх, Алеша Колобов, где ты? Сиверцев, помогай!» Ему казалось, что все строители белых двухэтажных домиков высыпали на шоссе и жадно смотрят на него в эту минуту, весь коллектив завода во главе с директором, хмурым Козаковым, ожидает от него зрелых, разумных, тонких действий, в результате которых шифер покатится по рельсам прямо домой, к заводу. Кузнец Быстряков тоже был среди строителей. И сын его на кривых ножках тоже как бы торопил Федора.

«Эх, была не была!» — подумал он и вышел во двор. Солнце уже поднялось над станцией, и в прохладном, упругом воздухе почему-то пахло антоновкой. Запах яблок был до того стойким, что Федор оглянулся, нет ли поблизости ящиков с фруктами. За деревянными строениями в небо ударяли бурые, белые, багровые дымы и дымки, пыхтели и покрикивали маневровые паровозы. Маленькая станция жила своей обычной деловой жизнью, не желая знаться с назойливым Федором Безручко и с теми, кто его послал. Это равнодушие станции угнетало. Федор решил было тотчас уйти. Но уйти — это значило навсегда распрощаться с мечтой о вагоне. Надо подождать.

По осеннему небу плыли белесые тучи. Они то затягивали небо, и тогда все вокруг становилось серым и неприветливым; то вдруг дружно расступались, открывая чистую просинь, и тогда солнце бодро выкатывало на этот синий простор и торопилось тронуть своими лучами остывающую землю.

Федор не ошибся: дежурный вышел.

Он широко осмотрелся вокруг и шумно и деловито потянул свежий воздух.

— Здорово пахнет, Николай Николаевич, правда? — спросил Федор, запустив потную руку в карман, где уже лежали свернутые в трубочку деньги.— Откуда, интересно, такой запах? Не иначе груз какой яблочный проходит.

— Наши места яблочные,— ответил дежурный.— Ты вынь руку из кармана и деньги оставь при себе, герой. Домой без портков приедешь, капиталист выискался. Я тебе вот что скажу, мил-человек, не на того нарвался и не с той ноги в пляс идешь... Это все зря.

Федор попытался было что-то сказать, но не посмел. Дежурный показался ему великаном в своей синей и не очень свежей гимнастерке железнодорожника.

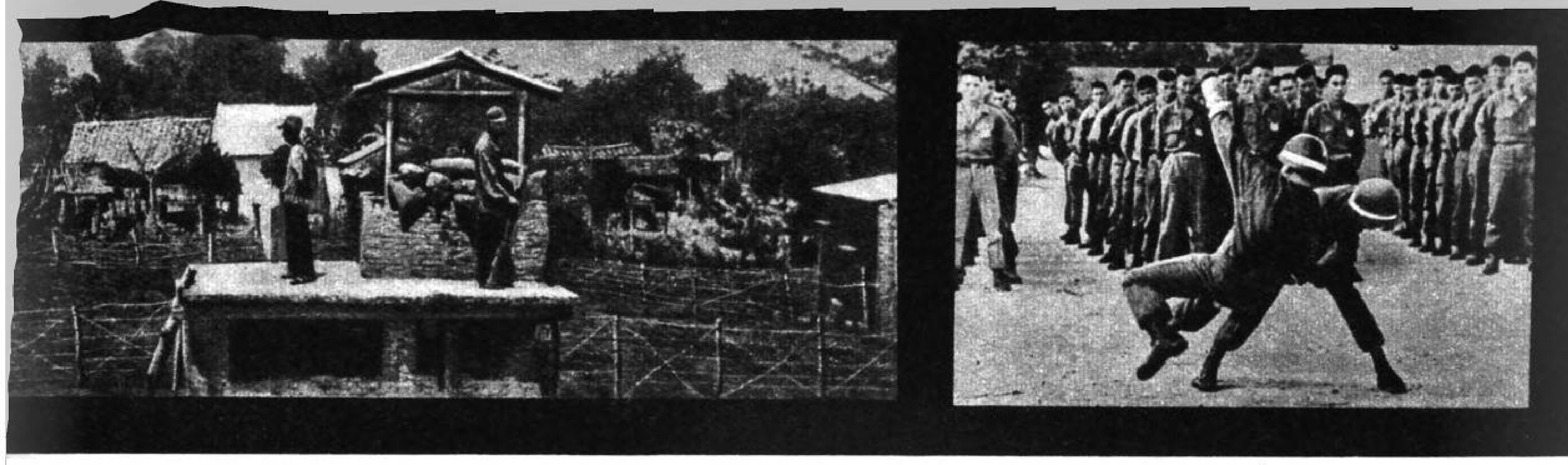
— И не яблоками тут пахнет, а чем похуже,— продолжал дежурный, не глядя на Федора, а куда-то в сторону, поверх деревянного забора.— Вот ты, молодой человек, говоришь, комсомолец, неизвестно откуда появился, завтра исчезнешь, уедешь, а я, выходит, в ответе за тебя на всю жизнь? Не умеешь ты этого... И уметь не стоит, не учись. И я не умею, нет...

У Федора на лбу выступили крупные капли пота. Сердце гулко стучало. Он готов был провалиться, исчезнуть, не жить...

— Николай Николаевич...— Он не услышал собственного голоса.

— Я Николай Николаевич, и сын у меня Николай Николаевич,— неожиданно тепло прого-

Copyrighted material

Лицемеры из Пентагона называют такие концентрационные лагеря «стратегическими деревнями». Агрессоры из США хотели бы упрятать за колючую проволоку весь народ Южного Вьетнама.

Американские инструкторы учат солдат Нго Динь Дьема искусству убивать.

ное недовольство в Южном Вьетнаме, что на это обращали внимание даже многие американцы. «Дьем управляет полицейским государством с бесчинствующей секретной полицией, произвольными арестами, полицейской жестокостью, политическими тюрьмами и экономическим фаворитизмом. Он не доверяет никому, кроме своей семьи»,— свидетельствовал знаток Южного Вьетнама Томас Филлипс, бригадный генерал США в отставке. «Наш человек (Дьем) крайне непопулярен. Он и реакционер и продажная личность»,— подтверждал известный американский обозреватель Уолтер Липпман.

Но у «покровителей» Нго Динь Дьема на сей счет имелись свои соображения. В Южный Вьетнам, как в никакую другую страну Юго-Восточной Азии, зачастили видные государственные мужи США. И каждый раз их миссии заканчивались торжественными клятвами «не оставлять Нго Динь Дьема» и согласием «расширять военную и экономическую помощь Южному Вьетнаму».

На многострадальную землю Южного Вьетнама пришли крупнейшие американские нефтяные монополии. «Соединенным Штатам вряд ли найти более честного и преданного друга, чем президент Нго Динь Дьем»,— довольно потирал руки посол США в Южном Вьетнаме Нолтинг.

Тем временем над продажным режимом Нго Динь Дьема сгущались грозовые тучи. Доведенные до отчаяния, крестьяне бросали дома и уходили к партизанам, успешно освобождавшим целые районы и провинции. Стало «жарко» и в самом Сайгоне: в Нго Динь Дьема дважды стреляли люди из его же окружения. И всякий раз, когда начинал качаться трон «своего человека», а вместе с ним и позиции США, в Вашингтон неслись избитые донесения о «происках коммунистов» и панические просьбы о присылке в Южный Вьетнам войск США.

Сначала они прибывали в Сайгон на гражданских самолетах, были одеты в гражданские костюмы и официально именовались «советниками» и «консультантами». Но после того, как летчики южновьетнамской армии подвергли бомбардировке дворец «своего человека», Пентагон сбросил маску. На аэродромах Южного Вьетнама начали приземляться американские военные самолеты и вертолеты. А выходящие из них люди были одеты в военную форму армии США. Так в Южный Вьетнам прибыл «молодой лейтенант», о котором писал журналист Уоррен Роджерс-младший.

* * *

У них ярко-зеленые береты со значками, на которых изображены скрещенные стрелы и нож, окруженные латинской надписью: «De oppresso libera», что в переводе означает «Освобождать от угнетения». Это солдаты специальных войск — элита Пентагона. Они прилетели с американской военной базы на Окинаве и, по словам «Нью-Йорк геральд трибюн», «умеют делать все, начиная от приема детей от рожениц и учительствования в школах, до прыжков с парашютами за линией противника и убийств часовых ребром ладони». Командует ими генерал-полковник армии США Поль Харкинс.

Официально Харкинс прибыл в Южный Вьетнам, чтобы возглавить новое американское командование по оказанию военной помощи, а подчиненные ему солдаты, численность которых уже перевалила за 10 тысяч,— обучать южновьетнамскую армию «военной дисциплине и обращению с современным боевым оружием». Фактически задача солдат Пентагона состоит в том, чтобы вместе с головорезами Нго Динь Дьема залить страну кровью патриотов и превратить Южный Вьетнам в форпост для борьбы с национально-освободительным движением в Юго-Восточной Азии.

«Официальная часть» этой программы Пентагона получила условное название «Операция «Восход солнца».

Под прикрытием военных самолетов агрессоры выжигают местность вокруг населенных пунктов, а жителей сгоняют в так называемые «стратегические деревни», представляющие собой концентрационные лагеря, окруженные глубокими рвами и колючей проволокой, по которой пропущен электрический ток. Горят хижины, рисовые поля тружеников, их пожитки, уничтожается крестьянский скот, дабы он «не попал к вьетконгским коммунистам».

* * *

Солдаты генерала Харкинса боятся джунглей и рисовых полей, долин и гор Южного Вьетнама. Их страшат отравленные стрелы и бамбуковые копья крестьян, пули и бомбы партизан.

Американская военщина успокаивает себя тем, что уже сооружено две тысячи «стратегических деревень», а к концу года планируется создать еще десять тысяч. Но патриоты рвут колючую проволоку, и смерть находит непрошеных гостей из США. В этом убедились многие американцы, одетые в ярко-зеленые береты специальных войск.

Впрочем, потери не принимаются в расчет. Дело в том, что война в Южном Вьетнаме официально не объявлена. Поэтому Пентагон не считает солдат, убитых здесь. По официальной версии, сообщенной «Нью-Йорк геральд трибюн», выходит, что они всего лишь «дурачат смерть».

«Дурачащим смерть» следовало бы помнить, что никому еще не удавалось «дурачить» историю. А история учит, что всякий, кто приходит в чужую страну с мечом, терпит поражение.

ворил дежурный.— Твоих лет сынок. Инженером в совхозе на Кубани, тоже вот так только жить начал.— Он осторожно, словно боясь испугать Федора, потянул воздух и вдруг беззлобно, но внушительно сказал: — Все вы рубли суете, агентура проклятая!

— Не так, Николай Николаевич, нет! — с жаром заговорил Федор.— Вы знаете мое обстоятельство. Не для своей я выпросил. К празднику у ребят новоселье справить хотят. Видали бы, как живут. Кузнец у нас один, я как раз от жилищно-бытовой комиссии заходил к нему, сырость, весь кирпич наружу. Буфет пришлось подрезать: до того хата покосилась. Щели во, с кулак...

— С кулак? — переспросил дежурный.— Как же это получается?

— Очень просто. Серьезные щели. Тряпьем заткнули и живут. Да что это... У нас машинист имеется...

— Знаешь, что... ты мне картины не рассказывай...— раздраженно перебил его дежурный, словно боясь разжалобиться.— Я вашего брата, слава богу, изучил. Думаешь, ты первый сегодня суешь? Был уже здесь один... толстый такой заготовитель. Жох, я тебе скажу.

— Седой?

— Седой, под ежик стриженный. Ну, я его разделал. Запомнит на всю жизнь. А вы что, знакомы?

— Встречались.

— Послушай-ка, комсомолец...— Дежурный оживился, и продолговатое его лицо даже зарозовело.— Ты как в это снабжение попал? Здоровый малый, молодой, кровь с молоком, тебе бы только на производстве заворачивать, а ты...

— Как раз по состоянию здоровья переведен с производства, Николай Николаевич...

— Ого-го... Чем же ты, этакий богатырь?

— Легкие не в порядке. Как окончил ремесленное, в Кривбассе работал, на шахте бурщиком. А потом силикоз у меня начался...

— Да-а-а...— раздумчиво протянул дежурный.— Это что же — силикоз?

— Много рассказывать, слушать нечего. Вообще жизнь сложилась как-то по-чудному.— Федор задумался и словно не замечал уже дежурного рядом.— Восемнадцать лет было, никогда не скажешь: здоровый, как черт. Перфоратор, бывало, в руках ходит, как сумасшедший, вот-вот вырвется... Но сила была! Как поднажмешь — будь здоров! И зарабатывал неплохо. Матери и сестричкам помогал, отец погиб в сорок третьем. Потом началось это, с легкими. Сам виноват, больно увлекался работой, гнал на «сухую», без влаги, пыли и наглотался. Бронхи воспалились — ни туда, ни сюда. Пришлось вылезть «на-горá». Товарищи перетащили на металлургический, к домнам. Там тоже, оказывается, не можно. Вот и попал сюда. Комсомол послал, на укрепление...

— Укрепление, значит? — спросил дежурный и невольно улыбнулся.

— Сплоховал, дурья башка. Слышу, болтают, и я себе туда. Извините.

— Я на тебя не обижаюсь,— сказал дежурный.— Как, говоришь, болезнь-то называется?

— Силикоз.

— Ну, ну...— Он внимательно посмотрел на Федора и, еще раз потянув носом, ушел к себе.

Федор прислонился к стене и замер. Он понимал, что здесь, на станции, все кончено. Но, странное дело, вместо горькой тоски он испытал на этот раз удивительную умиротворенность и даже торжество, словно превозмог что-то постыдное. Вот он какой, дежурный!

Он еще раз глубоко вдохнул воздух, и снова запах антоновки поразил его. Откуда она здесь? Не иначе эшелон какой отстаивается.

В это время выбежала девушка в зеленом.

— Послушайте, Криворучко... или как вас там! Станция назначения, живо! — Она была взволнована.

— Султановка,— ответил Федор.— Вообще-то Богородицкое. Но к нам надо гнать на Султановку-товарную.— Он только сейчас как следует рассмотрел ее: маленький острый носик в веснушках, ямка на подбородке и добрые, встревоженные глаза, карие, что ли...—А что случилось, девушка?

— Я же вам говорила: он делает, делает...— И она тут же исчезла.

Федор подошел к дверям.

Дежурный разговаривал по селектору. Сюда доносились обрывки фраз, но Федор вмиг понял, что речь идет о нем, дотошном и неопытном, о народной стройке металлургического завода и о разрешении на вагон под шифер — случай исключительный.

г. Днепропетровск.

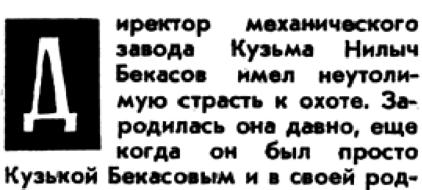
Copyrighted material

Пуще неволи

Н. ГОЛУБЕВ

Рисунок Ю. Черепанова.

Директор механического завода Кузьма Нилыч Бекасов имел неутолимую страсть к охоте. Зародилась она давно, еще когда он был просто Кузькой Бекасовым и в своей родной деревне Кривые ручьи увязывался за охотниками. Он считал тогда за великое счастье, если кто-нибудь из них разрешал на обратном пути нести разряженную, видавшую виды берданку. Много утекло воды с тех пор, а на охоту удалось сходить Кузьме Нилычу всего два или три раза. Но страсть эта у него осталась. Недавно директор соседнего завода рассказал, что в день открытия охоты он привез трех уток. Этот разговор совершенно вывел Кузьму Нилыча из равновесия. Своим сослуживцам он заявил категорически:

— Нет, товарищи. Я должен съездить на охоту. Удивляюсь, почему наша общественность не организует у нас секцию охотников! — и директор при этом укоризненно посмотрел на председателя завкома.

Председатель завкома, видимо, желая как-то компенсировать крупное упущение общественности, предложил:

— А вы скооперируйтесь с Гусенковым из центральной бухгалтерии. Архип Кириллыч его зовут. А еще проще Курилыч. Заядлый охотник. Он все леса на сто верст вокруг нашего города облазил.

— Гусенков? Это какой-такой Гусенков? Из центральной бухгалтерии, говорите? Не знаю. Настоящий охотник? Очень интересно.

А через полчаса Гусенков уже сидел в приемной директора и переживал: «Зачем вызвали?»

Главный бухгалтер, к которому он обратился за разъяснением, причины не знал, секретарша тоже недоумевала. Бекасов слыл человеком строгим, и не было ничего удивительного, что Гусенков перебирал сейчас в памяти все свои бухгалтерские огрехи. Не будет же в самом деле директор вызывать зря!

О чем говорили директор и бухгалтер, мы можем только догадываться. Из кабинета Бекасова Гусенков вышел яснее майского утра, по коридору мчался почти вприпрыжку и даже напевал что-то охотничье-лирическое:

Не страшны ни топи, ни болота,
Раз назавтра предстоит охота...

А в субботу вечером Бекасов и Гусенков уже были далеко от города, в Талдомских лесах, и бодро шагали по болотным тропам.

Архип Кириллыч Гусенков был тощим, сухопарым стариком, жилистым и проворным. На пенсию ему предлагали — отказался категорически. За постоянно торчащую во рту трубку его звали Курилычем. Он был горд, что удостоился охотничьего доверия директора, и решил обеспечить охоту наверняка. А для этого надо было добраться до озера Длинное.

И вот они идут на это озеро, идут уже довольно долго. Темно. Сапоги хлюпают в болотной воде, и только чутье Курилыча не дает им заблудиться. Вдруг старик услышал глухой всплеск и чертыханье Бекасова.

— Что случилось, Кузьма Нилыч? — приглушенным шепотом спросил Гусенков.

— Ничего особенного, если не считать того, что я упал в какую-то чертову лужу. Посидим, отдохнем, обсохнем, закусим,— предложил Бекасов.

— Не посидим и не закусим, Кузьма Нилыч. Нам на месте надо до рассвета быть.

— Да, но я уж того... устал.

— Ничего, это с непривычки, разойдетесь и даже не заметите, как у озера будем.

— Слушайте, Гусенков,— с раздражением начал было Бекасов.

Но Курилыч прервал его высоким, дребезжащим фальцетом:

— Товарищ Бекасов, вставайте и пошли! Ясно? Пошли! — и в голосе Курилыча появилось что-то от металла. Бекасов поднялся и молча двинулся вслед.

Потом пошел дождь, крупный, холодный. Противные ледяные струи текли по спине и невольно вызывали у Бекасова бурный прилив самокритики.

«Дернула же меня нечистая сила пойти на эту самую охоту! Зачем, спрашивается, поперся? Что, я этих самых уток в «Гастрономе» не мог купить? Правильно жена предупреждала: измучаешься — и все. А сама тоже хороша. Мешок навьючила такой, что верблюду впору носить. А этот Гусенков! Смотри, как разговаривает. Словно он, а не я директор. Мчится старый дурень, как нахлыстанный. Это он, конечно, нарочно».

А Курилыч молча поправил на спине вещевой мешок и еще быстрее зашагал в ночь. Бекасов, кряхтя и негодуя, плелся за ним... Но всему приходит конец. Скоро и наши охотники добрались до цели. Дождь кончился. Над озером клубились густые волны тумана, и было в них что-то таинственное, волнующее.

— Вы посмотрите, красота-то какая! — хозяйским жестом показал Гусенков на озеро.

Бекасов мрачно ухмыльнулся.

— Уж куда красивее. Темь кругом.

— Отдохните малость, а я разведаю, где тут лодчонка,— проговорил Курилыч, уходя.

«Ну, больше меня сюда калачом не заманишь. Хватит! Вот отдохну, отлежусь — и домой. А этого Гусакова, или, как его, Гусенкова, или Гусятникова, приструю, бу-

ЗАБЫТЫЕ КИ

«Забытые киноленты»... Эта рубрика все чаще появляется на экранах наших телевизоров. И как приятно бывает, сидя вечером в семейном кругу, посмотреть какой-нибудь забытый фильм и снова пережить события далекого прошлого, ощутить атмосферу эпохи, запечатленную изобразительными и художественными средствами кино.

Но попробуем, дорогой читатель, посвятить несколько часов просмотру не художественных фильмов, а иных, например, документальных. Может быть, и в этом жанре нашей кинематографии мы обнаружим незаслуженно забытые киноленты.

Мы в просмотровом зале Ростовской студии кинохроники. На экране — киножурналы и специальные выпуски, отснятые операторами студии два-три года назад.

Люди в белых халатах, заслуженные, умудренные опытом деятели медицинской науки. Но мы видим их не в студенческой аудитории и не в научно-исследовательском институте, а в обычной заводской больнице. Они ведут прием больных.

Теперь мы вспоминаем. Несколько лет назад группа ростовских ученых-медиков проявила добрый почин: в свободное от научных занятий время они добровольно и безвозмездно стали работать в городских больницах. Сюда, в поликлинику «Ростсельмаша», и приехал кинооператор, чтобы запечатлеть на пленке начинание ученых. Нет, эта лента не забыта: почин ученых Ростова широко распространился по всей стране.

Или еще один пример. В кубанском совхозе «Хуторок» применили новый способ выращивания свеклы. Операторы студии сняли этот сюжет и показали жителям многих районов и областей страны. И всюду теперь на Кубани свеклу сеют по-новому.

А вот еще один интересный сюжет. На экране — двор Ростовского кирпичного завода. Здесь необычно многолюдно. К рабочим приехал магазин. Да, да, именно приехал, потому что это магазин на колесах.

— Молодцы, ростовчане,— говорим мы,— хорошее дело придумали!

Но тут в полутемном зале раздается чей-то тревожный голос:

— Не спешите с выводами. Эту ленту можете смело отнести в разряд забытых.

И на самом деле, добрый почин забыт. Летом 1960 года магазин № 5 культтоваров посылал свои автолавки на многие заводы, фабрики, на окраины города, в ближние совхозы и колхозы. С благодарностью отзывались люди о чутком и заботливом отношении к ним работников торговли. А сейчас им приходится лишь вспоминать об этом времени и свой воскресный день тратить на то, чтобы стоять в очередях, ходить по городу в поисках нужной вещи. Выездная торговля прекратилась.

И как ни странно, связано это с таким прогрессивным мероприятием, как объединение всего транспорта в единое городское автохозяйство. Директор магазина Виктор Борисович Рубанчик, заместитель директора Облспорткультторга Иван Карпович Агабабов, заместитель управляющего базой Степан Федорович Павлищев в один голос говорят:

— Теперь не дают нам машин для выездной торговли.

Задумали в том же магазине № 5 организовать доставку товаров на дом. Попросили для этих целей автомобиль, а получили... полуразвалившийся мотороллер.

Кадры следующего журнала переносят нас на поля совхоза «Кривянский», Новочеркасского района.

На экране — необычного вида машина. Из пояснений диктора узнаем, что это переоборудованный самоходный комбайн «СК-3». В период жатвы он используется

Copyrighted material

дет он помнить издевательство над директором!»

Курилыч вернулся через час или около того. Он энергично потирал руки.

— Ну, Кузьма Нилыч, кажется, поохотимся неплохо. Денек будет на славу!

Кузьма Нилыч молча извлекал кульки и свертки из своего объемистого мешка. Вытащив бутылку «Столичной», пробормотал сердито:

— Мы с вами такую скорость развили, что даже водка нагреться успела.

— Водочку, между прочим, уберите.

— Ну, по одной-то выпьем.

— Нет, Кузьма Нилыч, до охоты не выпьем,— отрезал Курилыч.

Скоро он уже поднимал Бекасова.

— Вставайте, вставайте, сейчас лет начнется.

— Знаешь, Гусенков, иди-ка ты охоться сам, а меня оставь в покое. И поскорее, пожалуйста, возвращайся, надо домой двигаться.

Курилыч, махнув рукой, ушел.

Но вот рассвет сдернул с озера туманное покрывало, подкрасил воду теплыми, розовыми красками, дал сигнал лесным обитателям, и тишина стала наполняться птичьим перезвоном. Над озером пронеслась утиная стая, за ней другая. Неподалеку раздался выстрел, за ним другой... Кузьма Нилыч открыл глаза, прислушался и, кряхтя, поднялся. Он облюбовал уютную заводь и уселся между густых ивовых кустов.

Тройка серых кряквы со свистом пронеслась чуть в стороне от Кузьмы Нилыча. Он вскинул ружье, с трудом унял дрожь в руках, прицелился и нажал на спусковой крючок... Одна кряква, будто наткнувшись на что-то невидимое, кувыркнулась через голову и стала падать вниз. Она плюхнулась в воду недалеко от Бекасова.

— Есть, есть, черт возьми, есть! — закричал Кузьма Нилыч и стал суетливо стаскивать с себя брюки. Потом, боясь, что утка, чего доброго, раздумает быть убитой и улетит, махнул рукой и бухнулся в воду. Скоро он уже карабкался на берег, бережно прижимая к груди трофей.

— Зачем же так, Кузьма Нилыч? — прокричал из соседних кустов Курилыч.— Вы же не сеттер какой-нибудь, а директор. На лодке бы подплыли.

— На лодке? Скажешь тоже! Пока на ней ра-з-звернешься,— ответил Кузьма Нилыч, выбивая зубами дробь.

Больше он, однако, не нырял.

Когда охотники после утренней тяги отоспались, Курилыч спросил, показывая на пяток уток в ягдташе Бекасова:

— Ну как, Кузьма Нилыч, охотка-то?

— Удивил! За тридевять земель забрались. Ты бы еще на Байкал меня утянул. Сюда только на вертолете летать. Больше я сюда не ходок, избавь. А то тут, на твоем заповедном озере, богу душу отдашь...

— Ничего не будет, Кузьма Нилыч, кроме дополнительного здоровья,— ответил Курилыч и замолчал, кровно обидевшись за свое любимое озеро.

...Наутро директор не вышел на работу. Не появился он и на второй и на третий день. Увидя в столовой председателя завкома, Курилыч спросил:

— Что с Кузьмой Нилычем?

— А тебе, дорогой мой, должно лучше знать,— ответил председатель.— Угробил директора-то? А? Оставил завод без руководства.

Председатель, конечно, шутил, но поверг Гусенкова в полное смятение.

«Уж не воспаление ли легких схватил Нилыч?» — терзался бухгалтер.

Некоторые сослуживцы дружески журили его:

— Чего ты взялся за это дело? Мало у тебя приятелей-охотников? Нет, он Бекасова приучить к охоте захотел!

— Да я и не собирался. Он сам вызвался.

А главный бухгалтер высказался более определенно:

— Знаешь, Курилыч, подумайка ты о заявлении по собственному желанию... Я против тебя ничего не имею, но Бекасов-то порой крутоват бывает. А если ты даже кричал на него...

— Так иначе нельзя было, дисциплина же охотничья...

— Ну, гляди, брат, сам заварил кашу, сам и расхлебывай.

В начале следующей недели Бекасов вышел на работу и сразу же вызвал Гусенкова. Сослуживцы сочувственно пожимали плечами, а главбух, расхрабрившись, напутствовал:

— Ты того, не очень. Не робей. Ведь если разобраться как следует, то у него серьезных-то оснований, чтобы тебя тронуть, нет. Так что ты, в общем, держись. Но, с другой стороны, конечно, директор есть директор...

Бекасов сидел за столом и читал какие-то бумаги.

— Вы звали, Кузьма Нилыч? — с отчаянной решимостью в голосе спросил Курилыч.

— А, это вы! Да, звал. Ну, как дела?

— Кузьма Нилыч, я полагал, чтобы, значит, лучше было, чтобы, значит, здоровью вашему не вредить, ну ее, нашу совместную охоту...

— Ты что, Курилыч? На что обиделся? Я ведь к тебе с просьбой: поедем в субботу опять на это твое Длинное! И еще двух моих приятелей прихватим. А? Охота — залог здоровья. Сам говорил...

— Я что же, я готов, но чтобы, значит, обид не было...

— Все ясно. Командуй, как полагается.

— Тогда в субботу в восемнадцать ноль-ноль быть на вокзале.— И в голосе Курилыча явственно послышались знакомые металлические нотки.

НОЛЕНТЫ

по прямому назначению, а все остальное время работает как транспортная машина. Чтобы снова превратить ее в комбайн, требуется немного времени. И выходит, что комбайн, работавший раньше не больше одного месяца, будет действовать круглый год. По подсчетам специалистов, такое хозяйское использование комбайнов «СК-3» только в одной Ростовской области принесет экономии около двух миллионов рублей!

Но миллионы эти пока еще, как говорят, в проекте. Нет, ростовские документалисты не погрешили против истины. И расчеты, которые они сообщают, правильны, и чудесная машина существует. Но... в одном экземпляре. В этом самом совхозе «Кривянский», где она и была создана.

В совхозе машину используют уже три сезона подряд и не нарадуются. Хотят ее получить и другие хозяйства. Но пока об этом не может быть и речи. До сих пор не проведены даже государственные испытания новой машины.

Поиски забытых кинолент привели нас в Краснодарский край, который также обслуживает Ростовская киностудия. Еще в 1959 году на многих экранах страны демонстрировался журнал, в котором оператор З. Бабасев рассказывал о самозажимном патроне И. Н. Давыдова — рационализатора Краснодарского станкостроительного завода. Давняя эта история! Изобрел Иван Николаевич новый патрон, получил авторское свидетельство, дважды его премировали за изобретение. И вполне заслуженно: приспособление Давыдова повышает производительность труда на 20—25 процентов, экономит вспомогательное время. В свое время завод выслал немало чертежей патрона Давыдова в Ригу, Киров, Москву и другие города. На многих предприятиях по достоинству оценили изобретение И. Н. Давыдова. Но только не на том заводе, где работает сам изобретатель. Здесь используется в производстве только один-единственный самозажимной патрон. Тот самый, который в свое время был запечатлен на кинопленке.

Н. С. Хрущев в своем выступлении на совещании работников железнодорожного транспорта говорил:

«...Я люблю смотреть киножурнал «Наука и техника». Там много показывают очень интересного и полезного. И отдыхаешь и познаешь новое, что рождается в нашей стране, новое в развитии науки и техники. Смотришь и частенько думаешь: если бы хоть половину тех достижений, которые показываются в этих журналах, своевременно, именно своевременно внедрили в производство, то это принесло бы народу огромную пользу».

Да, дело технического прогресса намного выиграет, если у нас таких забытых кинолент не будет.

В. МОРОЗОВА

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ ПОДОБИЕ

Фотовикторина

В жизни часто встречаются оригинальные, интересные подобия. Подчас они случайны, а подчас осмысленны. Ведь человек в своей практической деятельности много перенял у природы.

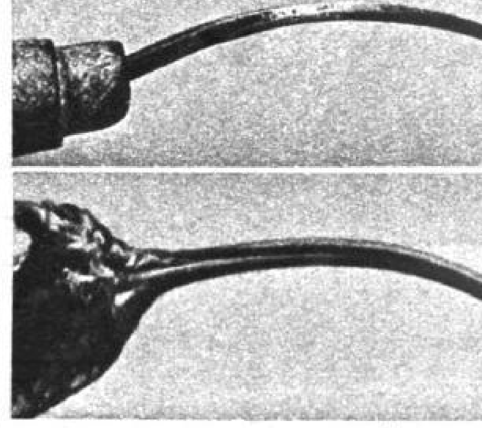
Угадайте, что изображено на этих снимках.

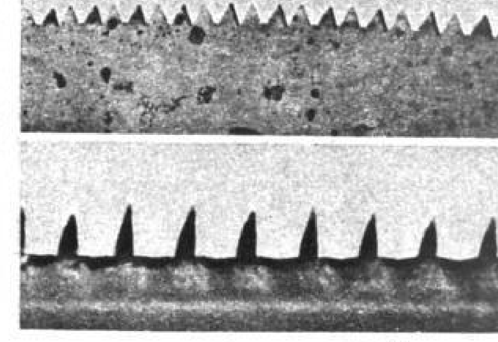
1. 2.

3.

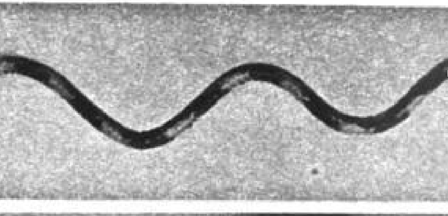
4.

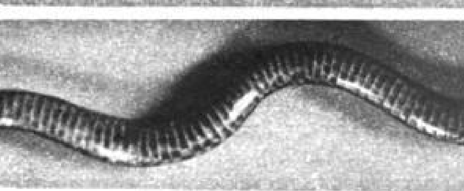
5.

6.

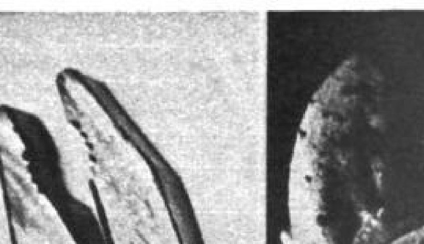
7.

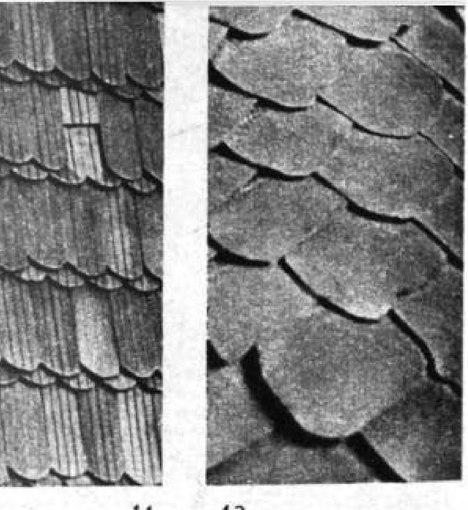

8.

9. 10.

11. 12.

13. 14. 15.

17. 18. 16.

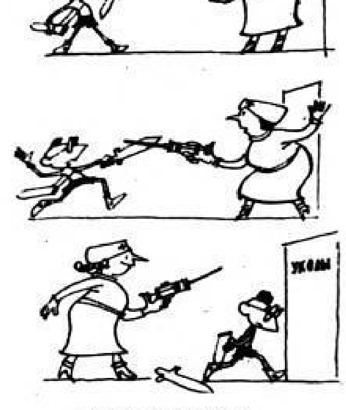
Все Пегасы заняты.

Рисунок И. Массины.

— Умоляю, глоток чистой воды!

Рисунок В. Почечуева.

Неравный бой.

Рисунок Ю. Черепанова.

К Р О С С В О Р Д

По горизонтали:

3. Космический корабль. 5 и 10. Советские космонавты. 11. Дорога через горный хребет. 12. Река в Южной Америке. 14. Героический поступок. 15. Полный круг вращения. 17. Душистый цветок. 19. Медленный танец в балете. 20. Приток Енисея. 22. Повесть Н. В. Гоголя. 25. Документ об окончании учебного заведения. 27. Музыкант. 28. Русский писатель XIX века. 29. Коллекционер старинных монет и медалей. 30. Путь движения небесного тела.

По вертикали:

1. Город в Коми АССР. 2. Персонаж рассказа А. П. Чехова «Человек в футляре». 4. Цирковая акробатика. 5. Сподвижник Богдана Хмельницкого. 6. Пастбище, выгон. 7. Беспристрастие, верность истине. 8. Передача изображений из вселенной. 9. Вид связи. 13. Сильная жара. 15. Минеральная краска. 16. Упаковка. 18. Планета. 21. Жанр изобразительного искусства. 23. Деталь двигателя внутреннего сгорания. 24. Момент взлета ракеты. 26. Архипелаг в Тихом океане.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 38

По горизонтали:

7. Багдад. 9. Рябчик. 10. Ариосто. 11. Мали. 12. Жюри. 13. Куросио. 14. Рулада. 16. Карета. 18. Олово. 20. Нигрол. 21. Газета. 25. Трюмо. 26. Финвал. 29. Табель. 31. Ординар. 32. Парк. 33. Сава. 34. Монотип. 35. Цитата. 36. Поляна.

По вертикали:

1. Каракуль. 2. Ядрица. 3. Одарка. 4. Проток. 5. Абажур. 6. Вибратор. 8. Поводок. 15. «Даугава». 17. Алгебра. 18. Офорт. 19. Огайо. 22. «Свидание». 23. Лютиков. 24. Гальвани. 27. Вокзал. 28. Лоцман. 29. Труппа. 30. Басоля.

«ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ ПОДОБИЕ»

Ответы на фотовикторину

ФОТО 1 и 2. На первом снимке два крюка подъемного крана крепко охватили тяжелую балку. Но на втором вы видите уже не крюки, а когти южноамериканского ленивца, который может часами висеть головой вниз, зацепившись за сучья дерева. Почти всю жизнь эти небольшие животные проводят на деревьях. Они редко спускаются на землю, где чувствуют себя беспомощными. У ленивцев на лапах всего лишь 2—3 пальца, но зато большие и цепкие когти-крючья.

ФОТО 3 и 4. Вверху — обыкновенное сапожное шило, которым люди пользуются с незапамятных времен. Внизу — клюв шилоклювки. Это кулик, обитающий на побережьях Балтийского, Черного, Каспийского и Азовского морей, на соленых озерах Средней Азии и Юго-Западной Сибири. Сапожник прокалывает шилом свои изделия, а кулик — поверхность почвы, где добывает себе корм.

ФОТО 5 и 6. На одном из них изображена обыкновенная пила, на другом — рыба-пила, достигающая иногда пяти метров. Встретить рыбу-пилу можно в тропических и субтропических морях. Питается она разными рыбами, моллюсками, раками и прочей морской живностью. На голове рыбы-пилы по обеим сторонам — отростки с острыми зубьями. Они служат ей орудием защиты и нападения. Рыба-пила, появляясь на свет, уже способна «пилить» — обороняться и нападать.

ФОТО 7 и 8. Здесь случайное сходство. Вверху — электрический шнур, внизу — змея. Как-то в террариуме Московского зоопарка работали электромонтеры. Пришли посетители, и вдруг раздался крик. Кто-то в зале увидел лежащий на полу обрывок шнура и принял его за змею.

На территории нашей страны распространено 52 вида змей, из них только 10 ядовитых.

ФОТО 9 и 10. Пассатижи и клешня морского краба. Назначение их во многом совпадает. Пассатижами обычно перекусывают проволоку, вытаскивают гвозди, удерживают разные предметы. Крабы своими клешнями хватают добычу, дробят ее на части, удерживают во время еды, обороняются от противников или, наоборот, сами нападают.

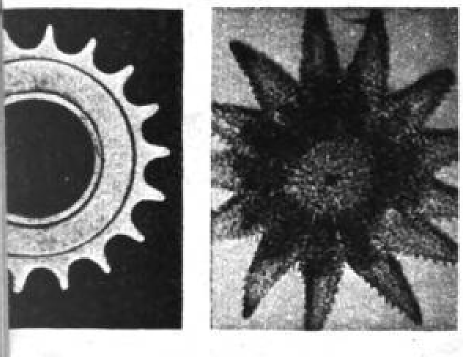
ФОТО 11 и 12. Часть черепичной крыши (слева) и часть панциря африканского ящера (справа). Может быть, в далеком прошлом оригинальные покровы ящеров и натолкнули человека на мысль изготавливать черепицы. Ящеры, кроме Африки, водятся во многих странах Южной Азии, где черепичные крыши не редкость. Роговая «кровля» ящера служит животному защитой. При виде опасности ящер свертывается клубком, и взять его может не каждый хищник.

ФОТО 13 и 14. На первом из них — лодочное весло. С помощью этого приспособления человек бороздит реки и озера. На другом снимке — веслообразный хвост бобра. Действуя им как веслом и рулем, бобр ловко и быстро передвигается в воде. Бобры — одни из самых ценнейших зверей нашей фауны. Живут они в глухих лесах. Вес зверя достигает 30 с лишним килограммов, а длина — метра с четвертью.

ФОТО 15 и 16. Сверло режущего инструмента. А внизу — бивень морского единорога, или нарвала. Внешне нарвал похож на кита, на дельфина, но в отличие от них имеет большой прямой бивень, сидящий в верхней челюсти. Живут нарвалы среди полярных льдов, в Арктике. Это крупные водные млекопитающие. Весят они 60 пудов. Бивень нарвала на конце острый, и несдобровать тому, кто осмелится соперничать с грозным зверем.

ФОТО 17 и 18. Шестерня от цепной передачи велосипеда и многолучевая морская звезда. Здесь просто внешнее подобие. Чаще всего морские звезды бывают пятилучевые. Но есть звезды даже с 25 и более лучами. Морские звезды — хищники: они поедают червей, моллюсков, рыб, крабов, раков.

И. СОСНОВСКИЙ

На первой странице обложки: Академик Константин Иванович Скрябин.

Фото Е. Умнова.

На последней странице обложки: На озере Фигурном. Карельский перешеек.

Фото Г. Копосова.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Михайлина.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00543. Подписано к печати 19/IX 1962 г. Формат бум. 70×108¹/₈ 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 850 000. Изд. № 1614. Зак. 2555.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Copyrighted material

ЧИТАЙТЕ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ «МОСКВА».

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОСТИ — ГЛАВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ЖУРНАЛА. ВОЗМОЖНО ЯРЧЕ ПОКАЗАТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ НАШЕ ГЕРОИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ — ЦЕЛЬ И ЗАДАЧА «МОСКВЫ».

БОЛЬШОЕ МЕСТО В ЖУРНАЛЕ ЗАНИМАЕТ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА: РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ, ПЬЕСЫ И КИНОСЦЕНАРИИ, ПОЭМЫ И СТИХИ.

«МОСКВА» ПЕЧАТАЕТ ОЧЕРКИ О ЛЮДЯХ ТРУДА, ДЕЯТЕЛЯХ НАУКИ И ИСКУССТВА, ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОШЛОМ НАШЕЙ СТОЛИЦЫ И О МОСКВЕ СОВРЕМЕННОЙ; ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ, ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИЕ, НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ И ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И РЕЦЕНЗИИ; СПОРТИВНЫЕ ОБЗОРЫ, ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ.

«МОСКВА» ПУБЛИКУЕТ И ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЛИТЕРАТОРОВ, ВПЕЧАТЛЕНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСТЕЙ О НАШЕЙ СТОЛИЦЕ, ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ О СТРАНАХ МИРА.

В КАЖДОЙ КНИЖКЕ ЖУРНАЛА — ЦВЕТНЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ РЕПРОДУКЦИИ, ФОТОГРАФИИ, ПОРТРЕТЫ НАШИХ СОВРЕМЕННИКОВ.

В ближайших номерах публикуются романы Л. Овалова «История одной судьбы» и Ф. Вигдоровой «Семейное счастье» (вторая книга), повести Н. Адамян «Новый сосед» и Б. Зубавина «Радость», киносценарий Арк. Васильева «Принят единогласно», воспоминания Г. Семенихина «В большом полете» и И. Рахилло «Состязание с мечтой».

В будущем году намечено опубликовать романы А. Авдеенко «Черные колокола», Арк. Васильева «Нам жить долго», Е. Мальцева «Войди в каждый дом» (вторая книга), Е. Пермяка «Аз есмь...», Ш. Рашидова «Могучая волна»; повести Г. Березко «Любить и не любить», Б. Евгеньева «По Москве-реке», И. Левченко «Счастливая», Н. Михайлова и З. Косенко «Сибиряки», А. Яшина «Выскочка»; документально-публицистическое произведение Г. Медынского «Счастье вслед за совестью идет» — ответ писателя на многочисленные письма читателей по поводу его повести «Честь», опубликованной в «Москве»; новые произведения С. Баруздина, Л. Ленча, Ю. Нагибина, Л. Никулина, П. Нилина, Л. Пасенюка, Н. Почивалина, Б. Привалова, С. Сартакова, Г. Семенихина, С. Шуртакова; стихи и поэмы Н. Асеева, В. Бокова, С. Васильева, Н. Грибачева, Е. Долматовского, Н. Доризо, А. Прокофьева, Б. Ручьева, Н. Рыленкова, С. Смирнова, С. Щипачева.

Над книгами о творчестве народного артиста СССР И. Козловского и народной артистки РСФСР Е. Гельцер работает Анна Кузнецова; о людях большого спорта пишет книгу чемпион по тяжелой атлетике Юрий Власов.

СВОЕВРЕМЕННО ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА ЖУРНАЛ «МОСКВА». В РОЗНИЧНУЮ ПРОДАЖУ ЖУРНАЛ ПОСТУПАЕТ В ОГРАНИЧЕННОМ КОЛИЧЕСТВЕ.

ПОДПИСКА ПРОИЗВОДИТСЯ ВСЕМИ ПУНКТАМИ «СОЮЗПЕЧАТИ», ПОЧТАМТАМИ, КОНТОРАМИ И ОТДЕЛЕНИЯМИ СВЯЗИ И ОБЩЕСТВЕННЫМИ РАСПРОСТРАНИТЕЛЯМИ ПЕЧАТИ.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД—6 РУБ., ЦЕНА ОДНОГО НОМЕРА — 50 КОП.

номера 30 коп.

Copyrighted material